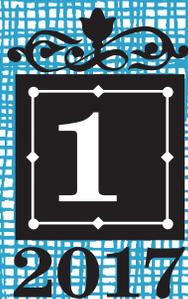

ISSN 0869-544X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

1
2017
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Никифоров К.В.</i> (Москва). 70 лет Институту славяноведения РАН	3
<i>Стыкалин А.С.</i> (Москва). Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений	12
<i>Широкова Л.Ф.</i> (Москва). Словацкий исторический роман 1970–1980-х годов	31
<i>Старикова Н.Н.</i> (Москва). Словенская литература в контексте 1990-х годов	41
<i>Папоушек В.</i> (Чехе Будейовицы). Метафора и история	51

СООБЩЕНИЯ

<i>Горизонтов Л.Е.</i> (Москва). Дискуссия конца XIX века о томе «Живописной России», посвященном Литовским и Белорусским губерниям	62
<i>Серягин С.Н.</i> (Ульяновск). Участие В.А. Панова в помощи балканским славянам	73
<i>Лабаури Д.О.</i> (Екатеринбург), <i>Георгиев Г.</i> (София). Заметки на полях книги Л.И. Жилы «Венская “ловушка”: история переговоров между СССР и ВМОРО Тодора Александрова»	79
<i>Будагова Л.Н.</i> (Москва). «Мудрость древних чехов» Р. Якобсона	89
<i>Кикило Н.И.</i> (Москва). Дискурсивная функция независимой <i>да</i> -конструкции в македонском языке	95

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лесникова А.В.</i> И.И. Думника. Българските преселници в Бесарабия в края на XVIII – първата половина на XIX век в историографията	103
<i>Петрунина О.Е.</i> Ю. Константинова. Българи и гърци в борба за османското наследство	106
<i>Косик В.И.</i> Rapoarte diplomatice guse din România (1888–1898)	107
<i>Белов М.В.</i> Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.	109
<i>Ганин А.В.</i> Из истории Карпатской операции 1915 года	112
<i>Кувалдин С.А.</i> Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия	113

<i>Старикова Н.Н. Perspectives on Contemporary East European Literature: Beyond National and Regional Frames</i>	118
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Королькова П.В. Международная научная конференция «Михаил Булгаков и славянская культура»</i>	121
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти Инны Ивановны Лещиловской (1929–2016)	125
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2017 г. *К.В. НИКИФОРОВ*

70 ЛЕТ ИНСТИТУТУ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

В статье говорится об Институте славяноведения, который олицетворяет развитие всей отечественной славистики. История Института делится на четыре примерно равных этапа, каждому из которых дается краткая характеристика. Все эти этапы напрямую зависели от политической и экономической ситуации в стране. Еще для четвертого периода давать оценку трудно. Но уже ясно, что, во-первых, произошло увеличение печатной продукции. Во-вторых, в связи с начавшимся процессом смены поколений в Институте стало больше молодежи.

The article tells about the Institute of Slavic Studies, which embodies the progress of national Slavistics. The history of the Institute is divided into more or less congruent stages, each of which is briefly characterised. All these stages were influenced by political and economic situation in the country. It is hard however to evaluate the fourth, still lasting stage. Nevertheless it is a matter of fact that the scope of the printed production has grown and, as a result of the ongoing process of generation change, the share of younger research fellows grows.

Ключевые слова: Институт славяноведения, академическая славистика, обобщающие и серийные издания, смена поколений.

Keywords: Institute of Slavic Studies, academic Slavistics, general and serial publications, generation change.

Институту славяноведения РАН исполнилось 70 лет. Возраст – солидный и безусловно позволяющий подвести определенные итоги. Причем Институт продолжает и развивает традиции отечественного славяноведения, которому исчисляется более двух веков.

Сразу надо сказать, что судьба Института славяноведения во многом совпадает с судьбой других отечественных академических учреждений, созданных в советское время. Первоначально Институт возник в Ленинграде в 1931 г. Тогда там в системе Академии наук функционировали или возникали и многие другие институты. В 1934 г. Академия наук переехала в Москву. Вслед за Академией в Москву переехали и академические институты, а то, что осталось в Ленинграде, превратилось в их ленинградские филиалы. (Затем уже в постсоветское время эти филиалы, как правило, конституировались в самостоятельные организации). Институт славяноведения разделил более печальную судьбу советских учреждений. В связи с так называемым «делом славистов»

Никифоров Константин Владимирович – д-р ист. наук, директор Института славяноведения РАН.

и другими репрессиями, которыми подверглись ученые-слависты, он был ликвидирован в 1934 г.

Воссоздание Института славяноведения произошло сразу после Второй мировой войны, с которой была связана известная реабилитация славистических исследований у нас в стране. Достаточно сказать, что еще в 1939 г. возникла кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете, а в 1943 г. – славянской филологии на филологическом факультете Московского государственного университета. Институт славяноведения создавался уже в Москве на базе сектора славяноведения Института истории, балто-славянского сектора Института русского языка и Славянской комиссии Академии наук. Решение об этом было принято осенью 1946 г., 31 декабря был подписан первый приказ по Институту, а работать он фактически начал в январе 1947 г. (подробнее см. [1–2]).

При воссоздании Института его континуитет с ленинградским периодом фактически не ощущался. Институт создавался заново и другими людьми. Отсюда традиция отмечать институтские юбилеи сложилась при отсчете от 1947, а не 1931 г. Надо отметить также, что сотрудниками Института в значительной степени стали вчерашние фронтовики, только что снявшие шинели, и их младшие товарищи, заставшие войну подростками. Это во многом и надолго определило его лицо.

Главная заслуга в воссоздании в системе Академии наук Института славяноведения принадлежала академику В.И. Пичете, одним из инициаторов этого был также бывший директор ленинградского Института славяноведения и глава академической Славянской комиссии академик Н.С. Державин. Однако директором Института был назначен академик Б.Д. Греков, являвшийся в те годы академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР и директором Института истории. (Оба института находились тогда в одном здании в доме № 14 на Волхонке, вернее – в этом доме Институт славяноведения получил одну комнату.)¹ Заместителем директора и фактически подлинным руководителем Института стал В.И. Пичета, который, к сожалению, скоро умер. Державин же возглавил созданное в 1950 г. и просуществовавшее совсем недолго ленинградское подразделение Института. В первое время в штат Института славяноведения входили всего 18 человек, еще девять человек работали в ленинградском филиале.

В становление Института большой вклад внесли заведующие «славянскими» кафедрами исторического и филологического факультетов МГУ – С.А. Никитин и С.Б. Бернштейн. Они вскоре возглавили по совместительству два, единственных на то время, институтских сектора – истории и филологии. (Позже, когда совместительство запретили, оба местом своей работы выбрали Институт славяноведения.) Затем каждый из этих секторов был поделен надвое. Так, сектор истории разделился на сектор истории славянских стран периода феодализма и капитализма (заведующий – С.А. Никитин) и сектор

---

¹ За время существования Институт сменил несколько московских адресов: 1) ул. Волхонка, д. 14 (городская усадьба Голицыных, начало XVIII–XIX в., ныне – Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина); 2) ул. Пречистенка (б. Кропоткинская), д. 12/2 (усадьба Хрущевых-Селезневых, XIX в., ныне – Государственный музей А.С. Пушкина); 3) Трубниковский пер., д. 30-а (городская усадьба – деревянный дом с флигелем, первая треть XIX в., в 2006 г. дом снесли и отстроили заново в измененном виде); 4) Ленинградский пр., д. 7 (здание бывшей первой фабрики-кухни, 1929 г.); 5) Ленинский пр., д. 32-а (новое здание Президиума РАН, 1990 г.).

новой истории славянских стран (заведующий – Л.Б. Валев), а отделившихся от лингвистов литературоведов возглавил С.В. Никольский. Первых заведующих секторами также надо, без сомнения, относить к отцам-основателям Института славяноведения, а значит – и академической славистики в целом.

Семь десятилетий истории Института были разными. Менялась ситуация в стране, менялись условия работы в самом Институте, менялись его руководители. В Институте сменились шесть директоров: после академика Грекова директором был член-корреспондент П.Н. Третьяков (1951–1958), затем – И.И. Удальцов (1959–1962), после – И.А. Хренов (1963–1969), затем – академик Д.Ф. Марков (1969–1987) и, наконец, до конца 2004 г. – член-корреспондент В.К. Волков. Из всех директоров только Марков был филологом, остальные – историки (Третьяков – археолог), что отражало повышенное внимание в то время именно к исторической составляющей славистики.

В целом в истории Института можно вычленить четыре больших периода. В первый период, который длился чуть более 20 лет, сменились пять директоров Института. Два последующих периода, длившихся немногим менее 20 лет каждый, почти полностью совпали со временем пребывания на посту директора Института академика Д.Ф. Маркова и члена-корреспондента В.К. Волкова. В настоящее время уже двенадцать лет длится четвертый период, и чем он запомнится, каким войдет в историю Института, будем судить позже.

Первый период – это становление Института. Оно пришлось в основном на 1950-е и первую половину 1960-х годов. В общественной жизни страны время после смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС отмечалось известным послаблением. Работать ученым стало легче. Усилились международные связи сотрудников Института с зарубежными коллегами. В частности, Институт с самого начала активно участвовал в работе Международного комитета славистов, созданного в 1955 г. Развивалась структура Института, росла его численность. К середине 1960-х годов в нем насчитывалось уже 147 сотрудников. Забегая вперед, скажем, что это почти столько же, сколько и сейчас.

Конечно, у каждого из первых директоров Института были свои особенности. При И. И. Удальцове, например, большое внимание уделялось проблеме актуализации исследований, что соответствовало бытовавшему тогда лозунгу «приблизить науку к производству». Для фундаментальной гуманитарной науки это было так же «продуктивно», как много позже спускаемые сверху советы «вписаться в рынок» [3. С. 231] или современные указания активнее «внедрять инновации».

В 1961 г. в исторической части Института появились подразделения по истории культуры славянских народов (руководитель – И.Ф. Бэлза), межславянских связей (руководитель – И.С. Миллер) и славяно-германских отношений (позже – Средних веков, руководитель – В.Д. Королюк). Еще в 1956 г. в состав Института вошла Археографическая комиссия (фактически – ее постоянно действующие сотрудники, своего рода аппарат), воссозданная при Отделении истории Академии наук по инициативе академика М.Н. Тихомирова. В 1968–2002 гг. Археографическую комиссию возглавлял С.О. Шмидт.

Институт нуждался в своем печатном органе. Им стали выходившие с 1948 по 1966 г. «Ученые записки» и с 1951 по 1965 г. «Краткие сообщения Института славяноведения». Качественно новый этап в этом плане начался с 1965 г., когда Институт стал издавать свой журнал «Советское славяноведение» (ныне – «Славяноведение»).

Следующий большой период в истории Института связан с его переименованием в Институт славяноведения и балканистики в 1968 г. и 18-летним директорством академика Д.Ф. Маркова. Страна в это время постепенно катилась к застою, но с формально-организационной точки зрения Институт, можно сказать, достиг своего расцвета. Наука по тем временам неплохо финансировалась, а авторитет ученых еще был высок. Конечно, советский режим, подавлявший любую свободу самовыражения, цензурировавший все и вся, не мог не мешать, особенно тем, кто был занят современной проблематикой. Однако Институт всегда отличала довольно либеральная в условиях того времени атмосфера. В частности, именно в нем получили пристанище несколько лингвистов, открыто продемонстрировавших свою оппозиционность и потерявших в связи с этим работу в других местах. Позже академики Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, В.А. Дыбо и другие составили славу Института славяноведения.

Добавление к славистическим исследованиям балканистики имело глубокий смысл: «в плане историческом ни одно явление, ни одно событие регионального масштаба, будь то в Центральной или Юго-Восточной Европе, нельзя ни понять, ни исследовать исключительно на славянской основе» [4. С. 114]. Точно так же невозможно изолированно изучать славянские языки и литературу. После переименования в Институт влились специалисты по балканским странам и Венгрии. В сферу его интересов попадали также Турция, Австрия и даже Восточная Германия, прежде всего ее славянское серболужицкое население. В конце 1970 г. в Институте работали около 190 специалистов, был создан сектор Новой истории балканских народов (руководитель — академик Ю.А. Писарев), с 1968 по 1970 г. существовал также сектор византиноведения, переведенный затем в Институт всеобщей истории. Но византийская тематика в Институте все-таки сохранилась, в основном благодаря трудам академика Г.Г. Литаврина.

В это время значительное место в исследованиях Института заняли работы обобщающего, комплексного, сравнительно-типологического характера. В частности, можно назвать реализацию в 1970–1980-е годы крупномасштабного проекта «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры». В этой серии вышло более десяти книг, в том числе «Освободительные движения народов Австрийской империи» [5] и ряд коллективных трудов по проблемам формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. В рамках марксистской идеологии труд «Освободительные движения народов Австрийской империи» являлся одним из высших достижений в отечественной исторической славистике.

Институт отпраздновал свои первые юбилеи — 25- и 30-летие со дня создания. Они были отмечены специальными справочно-информационными сборниками. В 1975 г. было создано специальное подразделение, занимавшееся историей славяноведения и в целом вопросами историографии (руководитель — В.А. Дьяков). Историографический сектор издал капитальный труд — «Славяноведение в дореволюционной России» [6]. Все это также доказывало, что Институт вступил в зрелую фазу своего развития.

Резко возросло и международное сотрудничество. В 1963 г. под эгидой ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация по изучению Юго-Восточной Европы. Сотрудники Института приняли активное участие в ее работе так же, как и в деятельности Международной комиссии по ис-

торико-славистическим исследованиям при Международном комитете исторических наук. В 1976 г. также под эгидой ЮНЕСКО была учреждена Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК). Ее первым президентом был избран академик Д.Ф. Марков. Долгие годы Институт издавал специальный «Информационный бюллетень МАИРСК» на русском, английском и французском языках.

Еще один 17-летний период в истории Института связан с директорством члена-корреспондента В.К. Волкова. Это было непростое время конца 1980-х – начала 2000-х годов, время перестройки, распада Советского Союза и радикальных демократических преобразований. Для историков наступила пора отмены идеологического диктата и открытия архивов (затем частично приостановленного). В то же время материальное положение ученых заметно ухудшилось.

В конце 1980-х годов в Институте работали свыше 220 научных сотрудников – максимальная численность за все время его существования. Но уже в первой половине 1990-х годов из-за резкого снижения зарплат и постоянных задержек с их выплатами Институт покинули многие ученые, особенно среднего поколения – именно те, кто мог бы сегодня активно заниматься исследовательской деятельностью. Резко сократилось количество командировок сотрудников Института в изучаемые страны, были приостановлены многие двусторонние и многосторонние проекты. Прекратила работу МАИРСК.

Празднование 50-летия Института (см. [7]) фактически совпало с угрозой его закрытия. К сожалению, уже не в первый раз за его историю². Однако благодаря прежде всего усилиям В.К. Волкова (его поддержали очень многие, в том числе академики Д.С. Лихачев, Н.И. Толстой и др.) Институт был сохранен, но из его названия выпало слово «балканистика», которым пришлось пожертвовать. Этому не было никакого внятного объяснения, и балканистика из исследовательских планов Института не исчезла. Более того, в связи с распадом СССР добавились исследования по украинистике и белорусистике. Для изучения этой проблематики в Институте был создан отдел восточного славянства. В результате интерес ученых Института распространяется сегодня на все ветви славянства и не только на Центральную и Юго-Восточную Европу, но и частично – на Восточную. В Институте образовалось то, что В.К. Волков называл «сплошным фронтом славяноведения».

Время рубежа веков в истории Института было достаточно успешным. Он выстоял и в целом адаптировался к новым условиям. Да и сами эти условия стали понемногу меняться к лучшему. Пик распада и трансформационного кризиса пришелся на предыдущий период, на конец 80-х и первую половину 90-х годов XX в. Конечно, страну еще ждал дефолт 1998 г., но сразу после него началось некоторое улучшение, названное «стабильностью». То, что и в науке стало немного лучше, хорошо видно даже по внешнему виду печатной продукции, выходившей в начале и конце 1990-х годов.

---

²На Институт славяноведения РАН покушались, как минимум, во второй раз. Первый – в конце 1960-х – начале 1970-х годов прошлого века, когда его хотели переименовать в Институт истории и истории культуры европейских социалистических стран. К чему бы привело такое конъюнктурное рвение после краха европейского социализма, нетрудно догадаться. Тому пример, в частности, Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС). Сегодня он потерял самостоятельность и является частью Института экономики РАН.

Однако стабильность, достигнутая на самом низком уровне, оказалась к тому же недолговечной. Вначале, в 2006–2009 гг. академические институты ждало сокращение ставок на 25% – так называемый «пилотный проект». После этого в Институте славяноведения осталось только 155 ставок. За счет этого сокращения, правда, несколько повысились зарплаты оставшихся сотрудников, но начавшиеся вскоре новые кризисные явления в экономике быстро нивелировали этот эффект. Хрупкое равновесие в системе организации академической науки было окончательно разрушено реформой РАН 2013 г.

Особенно резко ухудшилось положение академических институтов, которые были выведены из системы Академии наук. На них заметно возросла бюрократическая нагрузка, ослабло их международное сотрудничество. В этих условиях не потеряла актуальности даже задача сохранения Института славяноведения РАН как самостоятельной организации. И эта задача вмещает в себя борьбу за сохранение всей отечественной славистики.

Повторим, что пока еще рано давать оценки протекающему в настоящее время четвертому периоду развития Института славяноведения. Однако вполне возможно сказать о печатной продукции Института славяноведения, которой, несмотря на все трудности, стало больше. В среднем сотрудниками Института в последние годы ежегодно издается около 70 книг. В дни празднования 60-летия Института было подсчитано, что за это время только под институтским грифом издано около двух тысяч книг. Сейчас за прошедшее десятилетие можно смело добавить еще около 700 книг.

Опубликованные книги, и прежде всего монографические исследования, – основной показатель деятельности любого научного института гуманитарного профиля или целого научного направления, в том числе и славистики. Именно они дают лучшее представление и о деятельности Института славяноведения РАН. Обо всех работах последнего времени упомянуть, конечно, невозможно. Приведем только несколько характерных примеров.

Под редакцией В.Н. Виноградова завершается работа над новой четырехтомной институтской серией – «История Балкан в Новое время». Уже увидели свет тома – «История Балкан. Век восемнадцатый» [8], «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)» [9], «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие 1856–1878» [10]. Заканчивается написание последнего тома – «История Балкан. На переломе эпох (1878–1914)».

Завершена серия из восьми книг под общим названием «Человек на Балканах» (отв. ред.: Р.П. Гришина и А.Л. Шемякин) [11–18], в которой исследовались различные аспекты процесса модернизации в Юго-Восточной Европе в конце XIX – начале XX в. Методологически работа строилась на базе общей теории модернизации, включая дополнительные разработки об особенностях протекания этого процесса в «другой», незападной Европе.

Завершен еще один большой институтский проект – «Славянские страны в XX веке». Вслед за историей Болгарии [19] и двухтомником по истории чехов и словаков [20] опубликованы работы по истории Югославии [21] и Польши [22]. Написание такого этапного труда стало возможным только в Институте славяноведения РАН. Инициатор этого проекта бывший директор Института В. К. Волков называл его серией «третьего поколения», учитывая созданные в конце 1950-х – начале 1960-х годов двух- и трехтомные труды по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы и их краткие однотомные истории, выпущенные в конце 1980-х годов.

В Институте продолжается работа над серией книг, посвященных славянским литературам XX в. Увидели свет труды, исследующие литературные процессы прошедшего столетия в Польше [23], Словакии [24], Словении [25–26], Хорватии [27]. В этой связи следует упомянуть также «Лексикон южнославянских литератур» под редакцией Г.Я. Ильиной с широким региональным и хронологическим охватом [28].

Большим достижением ученых Института стало завершение уникального пятитомного труда – «Славянские древности» [29]. Словарь получил широкий отклик в научной печати – как отечественной, так и зарубежной. В многочисленных рецензиях, опубликованных в России и за рубежом, отмечался фундаментальный и новаторский характер этого издания, его общекультурное значение как компендиума сведений о традиционной культуре всех славянских народов.

Отдельно хотелось бы упомянуть о деятельности в Институте крупнейшего лингвиста современности – А.А. Зализняка. Только за одну работу, посвященную «Слову о полку Игореве» [30], он в 2007 г. стал лауреатом Государственной премии и премии А.И. Солженицына и был награжден Большой золотой медалью РАН имени М.В. Ломоносова. В 2015 г. он получил премию имени А.А. Шахматова за книгу «Древнерусское ударение: общие сведения и словарь» [31].

Второй особенностью развития Института последнего времени стал набирающий ход процесс смены поколений. Для любого института – это неизбежный, но крайне болезненный процесс. Тем не менее, в Институте он, на наш взгляд, происходит относительно спокойно. За прошедшие годы, несмотря на низкие зарплаты и снижение привлекательности научной деятельности, научной молодежи в Институте стало намного больше – около трети всех сотрудников. В каждом научном подразделении молодежь играет все большую роль, генерирует новые идеи.

Кадровое пополнение шло в основном по традиционным направлениям. Со дня своего возникновения Институт славяноведения тесно сотрудничал со славистическими кафедрами исторического и филологического факультетов МГУ. Именно они изначально были и остаются базовыми для пополнения Института новыми кадрами. Сегодня выпускниками МГУ является большинство его сотрудников. Приходят также выпускники других профильных вузов. Научные кадры высшей квалификации готовит и сам Институт, прежде всего через свою аспирантуру. За годы его существования около 120 аспирантов успешно закончили обучение в институтской аспирантуре и защитили кандидатские диссертации. Десятки из них защитили докторские диссертации.

Институт славяноведения РАН был одним из инициаторов возобновления ежегодного празднования Дня славянской письменности и культуры. Составной частью праздника являются проводимые учеными Института международные научные конференции «Славянский мир: общность и многообразие». В последние годы эта конференция проходит как форум молодых ученых.

По итогам конференций «Славянский мир: общность и многообразие» стал выходить ежегодник «Славянский альманах». Увидело свет около 20 его выпусков. В последние годы издание было преобразовано в журнал, выходящий двумя сдвоенными выпусками в год. Не так давно стали

выходить ежегодник «Славянский мир в третьем тысячелетии» и журнал «Словене».

Как упоминалось, Институт славяноведения ощущает себя ответственным за развитие славяноведения в стране. В октябре 2003 г. в его стенах состоялось Всероссийское совещание славистов «Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития». Итоги развития славистики и деятельности Института были подведены еще раз в начале 2007 г., когда ему исполнилось 60 лет [32]. К 65-летию Института была выпущена книга «Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук: Биобиблиографический словарь» [33]. Словарь включает материалы обо всех научных сотрудниках Института славяноведения РАН с момента начала его работы в 1947 г. В ноябре 2013 г. состоялось Второе всероссийское совещание славистов, посвященное 1150-летию славянской письменности. Оно вновь подвело некоторые итоги развития отечественного славяноведения [34–35] (см., в частности, [36. С. 315]).

Каковы же эти итоги? Несмотря на все сложности, можно смело констатировать, что за семь послевоенных десятилетий славистика превратилась в одно из мощных гуманитарных направлений. Причем славистическое направление удачно вписывается в общую схему функционирования отечественной академической науки. Ведь Россия издавна ищет себя между Западом, Востоком и славянским миром. Отсюда и такие течения в отечественной общественной мысли, как славянофильство, западничество и евразийство. Отсюда и такие институты в системе РАН, которые занимаются как всеобщей историей (традиционно понимаемой преимущественно как западной), так и востоковедением и славяноведением. То же самое можно сказать и про филологические институты. Все три обозначенных направления одинаково важны и без каждого из них ни Россия, ни ее гуманитарные науки существовать не могут.

Конечно, необходимо упомянуть еще и институты национальной истории, языка и культуры. В любой стране они занимают центральное место в гуманитарных исследованиях. Однако нельзя забывать, что еще в XIX в. проникательными людьми была выведена справедливая формула: «славяноведение есть отечествоведение». И этим тоже надо руководствоваться, развивая и поддерживая славистические исследования в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова Е. П. Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.
2. Никифоров К. В. Шестьдесят лет Институту славяноведения РАН // Славяноведение. 2007. № 4.
3. Шерлаимова С. А. А еще были «капустники» // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007.
4. Виноградов В. Н. Былое без дум // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007.
5. Освободительные движения народов Австрийской империи. В 2 томах. М., 1980–1981.
6. Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979.
7. Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.
8. Истрия Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.
9. История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012.
10. История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. М., 2013.
11. Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002.

12. Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб., 2004.
13. Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX – начало XX в.). СПб., 2006.
14. Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). СПб., 2007.
15. Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2009.
16. Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011.
17. Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн. М., 2012.
18. Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. М., 2016.
19. Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003.
20. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В двух книгах / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2005.
21. Югославия в XX веке. Очерк политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011.
22. Польша в XX веке. Очерк политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012.
23. *Хорев В. А.* Польская литература XX века. 1890–1990. М., 2009.
24. *Богданов Ю. В.* Очерки истории словацкой литературы XX века. М., 2013.
25. Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков. М., 2010.
26. Словенская литература XX века. М., 2014.
27. *Ильина Г. Я.* Хорватская литература XX века. М., 2015.
28. Лексикон южнославянских литератур / Отв. ред. Г.Я. Ильина. М., 2012.
29. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под общ. ред. Н.И. Толстого, отв. ред. С.М. Толстая. М., 1995, 1999, 2004, 2009, 2012. Т. 1–5.
30. *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008.
31. *Зализняк А. А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2014.
32. Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов (23–24 октября 2003 г.). М., 2003.
33. Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук: Библиографический словарь / Отв. ред. М.А. Робинсон, А.Н. Горяинов. М., 2012.
34. Труды Института славяноведения 2003–2013 гг. Библиографический указатель. Ко II Всероссийскому совещанию славистов. М., 2013.
35. Славянский альманах. М., 2015. № 1–2.
36. *Никифоров К. В.* Институт славяноведения РАН между двумя Всероссийскими совещаниями славистов (2003–2013) // Славянский альманах. М., 2015. № 1–2.

© 2017 г. А.С. СТЫКАЛИН

ПОЛЕМИКА СОВЕТСКОГО ПОСЛА И РУМЫНСКОГО ФУНКЦИОНЕРА (МАРТ 1980 ГОДА) ОБ ОСВЕЩЕНИИ ПРОШЛОГО ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Публикуемый источник отражает принципиальные расхождения в официальных взглядах советской и румынской коммунистических элит на некоторые ключевые моменты в истории советско-румынских и российско-румынских отношений (бессарабский вопрос, участие Румынии во Второй мировой войне и т.д.).

The source reflects principal differences in official position of the Soviet and Romanian Communist elites on some key moments in the history of the Soviet-Romanian and Russian-Romanian relations (the Bessarabian question, Romania's participation in World War Two and so forth).

Ключевые слова: Румыния, Чаушеску, советско-румынские отношения, советский блок, Вторая мировая война, Антонеску, Молдова, бессарабский вопрос.

Keywords: Romania, Nicolae Ceaușescu, Soviet-Romanian relations, Soviet Block, World War Two, Ion Antonescu, Moldova, Bessarabian question.

Вниманию читателей предлагается дипломатический документ 1980 г., отражающий одну из теневых, не афишировавшихся официальной пропагандой СССР, сторон во взаимоотношениях стран-союзниц по Организации Варшавского договора (ОВД). В ходе беседы посла СССР в Бухаресте с высокопоставленным функционером румынской компартии произошла довольно острая пикировка, за которой стояло не просто различие частных мнений, а столкновение принципиальных позиций двух коммунистических элит по вопросам исторической памяти об общем прошлом, объединяющем два соседних государства и проживающие в них народы, связанные многовековой традицией общения близких культур. Советский посол В.И. Дрозденко устроил члену руководства румынской компартии В. Казаку демарш в связи с участвовавшими в социалистической Румынии (очевидно, не без поддержки сверху) попытками оправдать в прессе и исторической литературе «действия правящих кругов королевской Румынии» в канун и на первых этапах Второй мировой войны «и при этом в ложном свете представить советскую внешнюю политику», в частности в вопросе о присоединении к СССР

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы».

Бессарабии и Северной Буковины в июне 1940 г. Он встретил со стороны своего собеседника отпор, по сути — предъявление ответных претензий относительно искажения в советских публикациях румынской национальной истории.

Понять причины возникшей между собеседниками напряженности (вопреки царившему в советской прессе времен «застоя» некоторому благодушию в изображении отношений внутри социалистического лагеря) невозможно без экскурса в историю непростых взаимоотношений СССР с проблемным юго-западным соседом в 1960–1970-е годы. В конце 1950-х годов Румыния воспринималась в Москве как надежный союзник, ситуация там не вызывала серьезного беспокойства. Об этом можно судить как по дипломатическим донесениям, так и по отчетам советских эмиссаров, выезжавших в страну¹. Стабильность в Румынии осенью 1956 г., в дни мощнейшего восстания в соседней Венгрии, явилась решающим аргументом в пользу включения Москвой весной 1958 г. в пакет мирных инициатив, адресованных Западу, решения о выводе с румынской территории советских войск (что и было сделано в считанные недели).

С начала 1960-х годов на сессиях СЭВ с румынской стороны все отчетливее выражалось недовольство отводимым стране местом в системе хозяйственных связей соцсодружества. В сознании коммунистической элиты Румынии глубоко укоренилось представление о том, что официальная Москва навязывает Бухаресту невыгодную роль в выстраиваемой системе международного разделения труда, стремясь превратить богатую природными ресурсами Румынию в своего рода аграрно-сырьевой придаток более развитых стран. Как бы то ни было, обнаруженная Н.С. Хрущевым к весне 1963 г. вся глубина расхождений с румынами оказалась довольно неожиданной для него. После варшавской сессии СЭВ в мае 1963 г., когда румынская делегация более жестко, нежели это было ранее, выступила против попыток заставить ее играть по правилам Москвы при выработке новых планов экономической интеграции, лидер КПСС собственной персоной неожиданно приехал 24 июня в Бухарест для выяснения отношений. Его довольно грубые реплики в адрес «неблагодарного» Г. Георгиу-Дежа соратники припомнили ему в октябре 1964 г. Неумение вести нормальный диалог с лидерами братских партий было использовано как весомый аргумент против первого секретаря ЦК КПСС при его отстранении от должности.

Нет оснований утверждать, что с советской стороны не прилагались усилия в целях преодоления возникших наслоений. Показательна краткая запись, сделанная на заседании Президиума ЦК КПСС 23 июля 1963 г., в канун очередного совещания лидеров соцстран: «румын не дразнить», что явно отражает установку на нераздувание конфликта [2. С. 734]. Тем не менее противоречия продолжали углубляться, так что их уже было трудно скрыть от западных наблюдателей (см. [3]). Осенью 1963 г. правительство Румынии предприняло неподконтрольные СССР шаги по сближению с США. В частности, 4 октября в Нью-Йорке, в дни работы сессии Генассамблеи ООН, ее министр иностранных дел К. Мэнеску имел секретную встречу с госсекретарем США Д. Раском. Румынское правительство, говорил он, не было информировано о планах размещения советских ракет на Кубе. Поэтому Румыния, хотя и является союзником СССР, не может нести ответственность за все последствия этого

¹ См., например, отчет о посещении в августе 1959 г. торжеств по случаю 15-летия разрыва Румынии с нацистской Германией писательской делегацией во главе с председателем Иностранной комиссии Союза писателей СССР Б. Полевым, очень показательный и контрастирующий с более поздними свидетельствами [1. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423].

шага. В случае возникновения в будущем аналогичной ситуации, способной привести к войне, Румынию, по мнению ее министра иностранных дел, следует рассматривать как нейтральное государство, не направляя против нее военного удара (см. [4. Р. 111]). В ходе контактов с США один из союзников СССР, таким образом, прямо дистанцировался от непродуманной советской акции, подвергнутой позже критике и в руководстве КПСС – при отстранении Хрущева.

Весной 1964 г. особая позиция Румынской рабочей партии (с 1965 г. Румынская коммунистическая партия) по принципиальным вопросам внешней политики и мирового коммунистического движения нашла программное выражение в апрельской Декларации – концептуальном документе, уточнившем внешнеполитические приоритеты Румынии (в нем был сделан акцент на равноправии стран, строящих социализм, и первостепенности национальных, а не интернациональных интересов). На фоне продолжавшегося соперничества и с каждым годом ухудшавшихся отношений между СССР и КНР активизировались румынско-китайские связи, Бухарест не просто пытался в интересах повышения своего внешнеполитического веса балансировать на противоречиях двух держав, претендовавших на гегемонию в мировом коммунистическом движении, но и в известной мере претендовал на роль посредника (см. [5]). При этом к концу «хрущевской» эпохи советско-румынские разногласия приобретают и явно нежелательное для Москвы бессарабское «измерение». Так, на встречах румынских функционеров с Мао Цзэдуном в Пекине периодически затрагивался бессарабский вопрос. Высказывания «великого кормчего» о том, что Советский Союз включил в свой состав территории, на которые он имеет меньше исторических прав, чем некоторые соседние страны, совершенно не вызывали возражений румын, о чем, судя по записям заседаний Президиума ЦК КПСС, были хорошо осведомлены в Москве [2. С. 859]. Речь шла в первую очередь о Бессарабии, оказавшейся в 1812 г. в составе Российской империи вследствие Бухарестского мира, «ампутировавшего» у Молдавского княжества прудо-днестровское междуречье. Аннексированный со ссылкой как на этнический состав населения, так и на историческое право Румынией (правопреемницей Молдавского княжества) в 1918 г., этот край был возвращен СССР в июне 1940 г. в условиях Второй мировой войны, всего через четыре дня после капитуляции Франции, выступавшей главным гарантом Великой Румынии в ее версальских границах. 8 июня 1964 г. в ходе встречи с Й. Брозом Тито Хрущев, зная о большом авторитете харизматичного югославского лидера среди всех, кто занимался поисками национальных путей к социализму, попросил президента СФРЮ повлиять на румын, слишком фрондирующих перед Москвой, и получил согласие, поскольку Тито, заклеянный Пекином как главный ревизионист, совсем не был заинтересован в усилении китайского влияния на соседнюю Румынию (см. [6]).

После отставки Хрущева в октябре 1964 г. и смерти Георгиу-Дежа в марте 1965 г. с советской стороны была предпринята попытка начать все «с чистого листа», осуществить перезагрузку в отношениях. Однако этого не получилось. Новый лидер Н. Чаушеску с еще большей последовательностью отстаивал особую позицию Румынии по вопросам экономической интеграции. Более того, на заседаниях Политического консультативного комитета (ПКК) ОВД румынские делегации постоянно ставили перед СССР вопрос о реальном приобщении союзников к выработке планов и принятию решений, особенно

связанных с использованием стратегического оружия. В сентябре 1965 г. двусторонние встречи на высшем уровне в Москве, на которые Кремль возлагал большие надежды, высветили всю глубину расхождений по ряду принципиальных вопросов (см. [7]). Более того, на переговорах не обошлось без настоящего скандала, когда член Политбюро ЦК Румынской компартии, отвечавший за экономическую политику, бессарабский молдаванин по происхождению А. Бырлэдяну на хорошем русском языке потребовал от Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина решить наконец вопрос о возвращении социалистической Румынии золотого запаса королевской Румынии, эвакуированного в годы Первой мировой войны в Россию и удержанного уже советским правительством после того, как Румыния аннексировала Бессарабию в 1918 г. Это вызвало в кремлевских стенах эффект разорвавшейся бомбы и дало советским лидерам основания для обещаний предъявить-таки Румынии новый счет за все разрушения и мародерство, чинившиеся армией маршала Антонеску на оккупированной ею вплоть до окрестностей Сталинграда советской территории в годы Второй мировой войны. Продолжавшееся ухудшение советско-румынских отношений достигло, как известно, низшей точки в августе 1968 г., когда Румыния решительно выступила против введения войск СССР и ряда его союзниц по ОВД в Чехословакию, после чего Москве и Бухаресту пришлось предпринять серьезные усилия в целях снижения градуса конфронтационности (см. [8]).

Итоги сентябрьских переговоров 1965 г. вызвали тем большую озабоченность в Москве, что совпали по времени с оживлением национально-го движения в среде румыноязычной интеллигенции Молдавской ССР, где в силу культурно-языковой общности титульной нации (молдаван) с румынами и связанности их исторических судеб существовал стойкий интерес к процессам, происходившим по другую сторону неширокой реки Прут, вдоль которой на участке в несколько сот километров проходила советско-румынская граница. На республиканском съезде писателей в октябре 1965 г. в Кишиневе был поднят вопрос о целесообразности замены кириллицы на латиницу в языковой практике (ведь на латинице писали классики национальной литературы Михай Эминеску и Ион Крянгэ), в выступлениях Иона Друцэ и других писателей содержались призывы «не торопиться воздвигать китайскую стену между Молдавией и Румынией» и т.д.

Надо сказать, что до середины 1960-х годов в Москве, хотя и уделяли внимание выявлению этнических различий между румынами и бессарабскими молдаванами, все же не поднимали эту проблему до уровня отстаивания непосредственных внешнеполитических интересов. Более того, то и дело звучали вполне авторитетные голоса, акцентировавшие не различия, а именно румынско-молдавскую общность. Так, в относящейся к марту 1924 г. записке наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина запланированное создание на левобережье Днестра молдавской автономии в составе Украины называлось преждевременным на том основании, что «вызовет экспансионистские устремления румынского шовинизма. Обнаружение такого количества молдаван, т.е. *румын* (выделено мною. — А.С.), на украинской территории усилит позицию румын при спорах по вопросу о Бессарабии» (цит. по: [9]). Глава советской дипломатии, как видим, не проводил этнических различий между румынами и молдаванами. Как не видели слишком большой разницы через 16 лет, летом 1940 г., редакторы газеты «Правда», вскоре после перехода Красной армией Днестра давшие слово кишиневскому рабочему («я *румын*,

но есть разница между рабочим-румыном и румыном-боярином») (см. [10. 1940. 12 VII]). В январе 1950 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения великого поэта Михая Эминеску, он подавался в центральной советской прессе исключительно как великий румынский поэт, в партийно-идеологическом аппарате не считали политически актуальным акцентировать его место именно в истории молдавской литературы (показательно само название статьи: «Выдающийся поэт румынского народа» [10. 1950. 15 I]), такая задача признается насущной куда позже. Как явствует из работ последних лет (см. [11]), к концу 1950-х годов были налажены довольно тесные культурные связи Румынии с Молдавской ССР и об угрозе попадания молдаван под чуждое политико-идеологическое влияние не заговаривали, хотя вопрос об особой молдавской этничности и идентичности, формировании в СССР молдавской «социалистической нации» был к этому времени достаточно проработан. В 1961 г. в Москве вышла книга в то время еще молодого, а впоследствии крупного историка В.Н. Виноградова «Россия и объединение румынских княжеств». Процесс объединения в конце 1850-х годов Дунайских княжеств (Молдовы и Валахии), поддержанный в то время и Россией, был показан в ней как естественный процесс создания национального государства в результате объединения малых государственных образований и складывания на этой основе единой нации (как это происходило в те же десятилетия в Германии и Италии). Никакого противопоставления молдаван румынам, валахам, утвердившегося в более поздней исторической литературе, у Виноградова в 1961 г. не было. Уместно в той же связи сослаться на мемуары другого известного историка, кишиневца И.Э. Левита, с середины 1990-х продолжающего профессиональную деятельность в США: «Мы считали неправомерным обелять и прославлять реакционных молдавских бояр, не желавших объединения сугубо из боязни утратить свою политическую власть и выступавших против всяких прогрессивных реформ, и объявлять их истинными патриотами, а унионистов (многие из них являлись активными участниками революции 1848 г. в княжествах), сторонников преобразований – антипатриотами. Сотрудники отдела (в Институте истории АН Молдавской ССР. – А.С.) обращали внимание на то, что нельзя трактовать процесс объединения княжеств вне связи с аналогичными процессами в Италии, Германии» (см. [12]). Как бы то ни было, ситуация в корне изменилась, когда в Москве вдруг «неожиданно» обнаружили сохранение у румынской партэлиты (а не только у старой, «буржуазной» или «буржуазно-боярской» интеллигенции) ностальгии по Бессарабии.

С этих пор, примерно с 1964 г., проблема выстраивания отношений с Румынией была неотделима от исторического обоснования права СССР – ни много, ни мало – на существующие границы, т.е. включала в себя защиту территориальной целостности СССР от идеологических посягательств соседней страны. Именно такого рода задачи ставились перед советскими дипломатами в Бухаресте. Изучение выходившей в Румынии исторической литературы (особенно по спорным проблемам общего с Россией прошлого) занимало весомое место в их деятельности. При этом показательно, что посол СССР, согласно публикуемой ниже записи беседы, предельно откровенно заявил своему собеседнику: обсуждаемый ими вопрос об освещении тех или иных проблем румынскими историками «имеет не столько историческое, сколько политическое значение», ведь «речь идет не о различной трактовке некоторых исторических вопросов, а о материалах, в которых завуалированы территориальные претензии к Советскому Союзу и предпринимаются

попытки поставить под сомнение правомерность государственной принадлежности части территории МССР и Украины к Советскому Союзу». Румынской стороне трудно было с этим спорить. При всех дежурных заверениях румынских функционеров о том, что речь, дескать, идет отнюдь не о каких-либо территориальных притязаниях (в конце концов, и Румыния подписала хельсинкское соглашение 1975 г., включающее в себя положение о нерушимости установленных европейских границ), а всего лишь о восстановлении исторической справедливости в научных трудах, готовность защищать свою позицию по бессарабскому вопросу («Мы знаем, какова истина в этом вопросе!» — заявил Казаку в ходе беседы советскому послу) говорила сама за себя. Надо заметить, что такого рода проблем официальная Москва в 1960—1980-е годы не имела больше ни с одним государством, кроме Китая и Японии. Понятно, что выстраивание отношений с Румынией в рамках социалистического содружества относилось к числу сложнейших задач советской внешней политики, при этом требовавших применения особых методов, включая частое использование исторической аргументации. Неудивительно постоянное обращение Брежнева и Чаушеску в ходе встреч к проблемам освещения в печати общего прошлого, о чем упоминается в нижеприведенной записи. Как упоминается там и об обещаниях Чаушеску «раз и навсегда покончить с подобными публикациями», впрочем, сделанных в условиях ухудшения ситуации на нефтяных рынках, чреватого новыми проблемами для румынской экономики, решать которые было трудно без помощи СССР.

Излагая своему собеседнику официальную советскую точку зрения, посол утверждал, что никаких нерешенных территориальных вопросов в отношении Москвы и Бухареста нет, все проблемы были окончательно и «по справедливости» разрешены еще в 1940 г. и тем самым созданы условия для поступательного развития братских взаимоотношений. Исторические публикации (все более многочисленные), в которых актуализировались старые территориальные споры, вызывали не просто крайне болезненную реакцию советской дипломатии, но побуждали давать отпор. По сути дела Советский Союз оказался в состоянии идеологической борьбы, ведомой, что уж совсем парадоксально, не просто с социалистической страной (как Китай), но с союзником по ОВД. Борьбы тем более острой, что проявления ностальгии по Бессарабии как одной из исконных румынских земель, на которую Румыния имеет свои исторические права, проникали и в массовую печать, всецело контролируруемую компартией, причем в союзники брался сам Карл Маркс: его высказывания с критикой имперской политики России в отношении Дунайских княжеств с 1964 г. активно тиражировались в партийной прессе.

Одним из главных полей идеологической борьбы стали историческая наука и система исторического образования, а на переднем крае в этой борьбе находились работники идеологического фронта Молдавской ССР. Из опубликованных документов получаем представление о конкретных шагах, предпринимавшихся с ведома и по настоянию Москвы в МССР в области не только пропаганды, но и исторической науки, призванной отстаивать приоритеты СССР в непрекращавшемся, пусть иногда затихавшем и принимавшем подспудные формы, споре с Румынией за большее историческое право на обладание Бессарабией [13]. Особенно острая фаза в этой борьбе пришлась на август 1968 г. В записке первого секретаря ЦК КП Молдавии И. И. Бодюла в ЦК КПСС от 23 августа с информацией о настроениях в республике

в свете военной акции ряда стран ОВД в Чехословакии и явно фрондерского поведения Чаушеску, поддержанного широким общественным мнением в своей стране, среди прочего содержалось предложение шире использовать радио и телевидение Молдавской ССР для пропаганды «на молдавском языке, доступном для румын» (не лишенный остроумия пропагандистский эвфемизм республиканских партаппаратчиков), официальных заявлений Советского правительства, ТАСС и установочных статей «Правды». Впрочем, к середине сентября острая фаза идеологической войны СССР с Румынией миновала, с обеих сторон были сделаны встречные шаги в отношении друг друга.

Плохо завуалированное стремление заявить свое историческое право на Бессарабию вызывало в Москве тем большее раздражение, что было связано с попытками ревизовать оценки роли СССР на ранних этапах Второй мировой войны (посол Дрозденко указывал собеседнику на «извращенное» толкование внешней политики СССР). Когда дело касалось трактовки определенных страниц истории войны, румынская позиция воспринималась уже не просто как нарушение джентльменской договоренности не ворошить прошлое, муссируя старые обиды. Даже частичный пересмотр исторической роли СССР в войне расценивался как святотатство. Разногласия в этом плане постепенно поднялись до уровня фактора, реально способствовавшего ухудшению межгосударственных отношений.

Аргументы посла в данном случае сводились к тиражированию официальной и отнюдь не бесосновательной советской точки зрения о Румынии как активном сателлите нацистской Германии, чьи усилия на стороне антигитлеровской коалиции после разрыва с «третьим рейхом» 23 августа 1944 г. отнюдь не дают оснований для принципиального пересмотра ее роли в войне, попытки которого в разных аспектах предпринимались в Румынии со времен Чаушеску. Чем дальше, тем больше. После 1990 г. утверждения о «справедливом» характере миссии 1941 г. по освобождению Бессарабии «от советского ига» и возвращению ее в лоно румынской государственности стали общим местом в исторической литературе посткоммунистической Румынии. Появилась в литературе и прямая апология Антонеску, чего во времена коммунистической диктатуры не было.

В полемике с румынским собеседником посол четко сформулировал официальную позицию относительно самого смысла исторических исследований: их цель состоит не в выявлении объективной истины, историческая наука должна служить прежде всего инструментом упрочения дружбы между соседними странами и правящими в них братскими партиями. Поэтому необходимо сосредоточиться на том, что объединяет, а не разделяет соседние народы, в то время как искусственное нагнетание вопроса о якобы несправедливых границах не только способствует разжиганию националистических настроений, но идет вразрез с самим характером отношений между социалистическими странами, способно вбить клин в советско-румынскую дружбу.

Идеологическая борьба велась с двух сторон, и в этой связи показателен контраргумент румын: в СССР тоже публикуются работы, не разделяющие румынских исторических концепций. Дело касалось прежде всего истории Бессарабии, румынского рабочего движения, но речь шла также и о базовой для режима Чаушеску идеологеме о континуитете (непрерывности проживания) румын в Карпато-Дунайском пространстве. Примеры могли приводиться в первую очередь из исторической продукции молдавской

советской историографии, оказавшейся, как отмечалось, на переднем крае в войнах исторической памяти между соседними странами. Существовали разногласия в трактовке истории межвоенной румынской компартии: коминтерновские установки, в соответствии с которыми она действовала, все более рассматривались в Румынии как чуждые ее национально-государственным интересам. С другой стороны, румынская историография, как правило, апологетически оценивала всю версальскую систему границ, установленных в Центральной Европе (ведь они были очень выгодны для Румынии), в работах румынских историков решительно отрицался ассимиляторский характер политики в отношении бессарабских молдаван (о какой насильственной румынизации можно говорить, если ее объектом выступали те же румыны, вопрошал В. Казаку). Предъявление взаимных претензий по поводу трактовок исторического прошлого (при всех ритуальных ссылках и тех, и других на интересы развития дружбы между двумя народами) заведомо приводило обе стороны в тупик, возникала патовая ситуация. Верил ли В. Казаку в возможность выработки общей позиции, когда упоминал деятельность советско-румынской комиссии историков, призванной служить поискам путей к взаимопониманию? Что касается упомянутого, проведенного летом 1980 г. именно в Бухаресте очередного всемирного съезда историков, использованного режимом Чаушеску для продвижения на международном уровне официальных исторических концепций своего режима, то имеющиеся документы раскрывают советские планы взаимодействия с историками Венгрии и Болгарии, создания с ними своего рода общего фронта в интересах опровержения наиболее спорных румынских постулатов — венграм, мало озабоченным проблемами истории Бессарабии, таковым казался тезис о континитете румын в Дунайско-Карпатском регионе².

Разногласия в понимании этнической сущности бессарабских молдаван (можно ли их считать румынами?) оставались камнем преткновения и при попытках наладить советско-румынский диалог на низовых уровнях. Как следует из документов, при всех шероховатостях в двусторонних отношениях контакты населения приграничных районов Румынии и СССР (в частности, Советской Молдавии) были на рубеже 1970–1980-х годов достаточно интенсивны, имели место регулярные поездки делегаций местных партийных функционеров, хозяйственных работников, передовиков производства в целях обмена опытом. Как читаем в одном из отчетов, глава делегации румынских партработников, посетившей Советскую Молдавию в конце 1980 г., «в беседе неоднократно подчеркивал, что независимо от отношений между руководителями государств (т.е. СССР и СРР) в конечном итоге народ решает свою судьбу, поэтому мы должны крепить дружбу между нашими народами» [14. F. 51. In. 52. D. 106. F. 36]. В отчетах о посещении делегациями Молдавской ССР близлежащих румынских уездов (составители которых, как правило, реагировали на любые антисоветские проявления принимающей стороны и особенно на разногласия по вопросу о праве Румынии на Бессарабию) в 1980 г. доминировали отзывы о том, что советских гостей встречали дружелюбно и гостеприимно, с румынской стороны высказывались пожелания

² См. записку посольства СССР (январь 1980 г.), подписанную 1-м секретарем посольства М. Мунтяном (впоследствии профессором МГИМО и Дипакадемии МИД РФ), «О некоторых новых тенденциях в румынской исторической науке в связи с подготовкой в СРР к 2050-летию первого дакского централизованного государства и подготовкой в Румынии всемирного конгресса историков» — экземпляр, направленный для ознакомления ЦК компартии Молдавской ССР [14. F. 51. In. 54. D. 7. F. 13–19].

об улучшении межгосударственных отношений, расширении и углублении взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества [14. Ф. 51. Ін. 52. D. 106. Ф. 4, 14, 18]. Вместе с тем принципиальные различия в историческом воспитании, сформированных школой и СМИ представлениях об истории Румынии, ее роли во Второй мировой войне, о сути бессарабского вопроса, о культурно-языковых различиях румын и молдаван, о праве самостоятельной молдавской нации на существование порождали взаимонепонимание. Гостям из СССР, судя по отчетам, порой резало ухо само слово «Бессарабия» применительно к Советской Молдавии, в музеях гг. Яссы и Ботошани бросались в глаза, вызывая соответствующую реакцию, карты Великой Румынии 1920–1930-х годов, включавшие междуречье Днестра и Прута. Подчас не нравилось, когда румынские собеседники ставили под вопрос существование особого молдавского языка, подвергали сомнению право на формирование молдавской социалистической нации. В музее Эминеску в Ботошани советские гости выражали недоумение, почему обходилась стороной принадлежность великого поэта к молдавскому народу (этому их учили в школе). Случались и острые конфликты, когда музейные экскурсоводы в присутствии ветеранов войны (а таковых было достаточно и среди этнических молдаван) оправдывали нападение Румынии на СССР в июне 1941 г. необходимостью вернуть утраченные в 1940 г. территории (см. [15]).

Важно иметь в виду, что 1980 год был достаточно спокойным в развитии советско-румынских отношений. На первую половину 1970-х годов пришелся незначительный экономический подъем, произошло определенное повышение жизненного уровня населения, но вместе с тем все острее стояла задача модернизации производства: без этого невозможно было рассчитывать на расширение экспорта производимых товаров не только на Запад, но даже в страны «третьего мира». До четверти доходов в госбюджет приносил экспорт продукции традиционно развитой нефтехимической отрасли, а потому зависимость румынской экономики от конъюнктуры цен на нефть была велика. Понятно, что на ее состоянии крайне негативно сказались всемирный «нефтяной» кризис, вызванный арабо-израильской войной 1973 г., и революция 1979 г. в Иране, вынудившая страны ОПЕК поднять цены на нефть. Некоторый подъем в румынской экономике позволил, наконец, режиму Чаушеску возобновить, а к 1984 г. с большим трудом завершить свою «великую стройку коммунизма», достроив печально знаменитый канал Дунай – Черное море (теперь уже, правда, в первую очередь усилиями не многочисленной армии заключенных, как это было в начале 1950-х годов, а главным образом солдат срочной службы), но не решил задач модернизации производства. Заметно прибавило трудностей и сильное землетрясение 4 марта 1977 г., разрушившее значительную часть Бухареста. Вдобавок на рубеже 1970–1980-х годов Румыния пережила две холодные зимы, потребовавшие больших расходов электроэнергии. Экономические трудности усилили заинтересованность в поставках нефти и газа из СССР и – шире – в активизации сотрудничества в рамках СЭВ, что приглушало стремление румынской элиты и дальше демонстрировать давно привычный для нее особый внешнеполитический курс. Усиление экономической зависимости от СССР в немалой мере объясняет отсутствие публичного осуждения Румынией (диссидентом в социалистическом содружестве) советской военной акции в Афганистане. Правда, в марте 1980 г. на совещании ПКК ОВД с румынской стороны все же проявилась особая позиция – на этот раз при обсуждении вопроса об обеспечении единого командования

армий стран-участниц ОВД в условиях войны (см. [16; 17])³. Однако слишком педалировать свои разногласия с СССР в Бухаресте не хотели. На состоявшемся в середине мая следующем совещании ПКК Румыния, насколько можно судить по имеющимся документам, не проявила особой позиции по принципиальным вопросам⁴.

Приоритетом в деятельности идеологических органов румынской компартии было проведение в Бухаресте в августе 1980 г. всемирного конгресса историков. Его, как отмечалось выше, предполагалось в полной мере использовать для донесения до западной профессиональной аудитории концепций, утверждающих не только преемственность современной румынской государственности традициям даков и Римской империи, но и определенные исторические права Румынии на некоторые земли, принадлежащие другим странам. Посольство СССР в Румынии в своей вышеупомянутой записке в МИД (январь 1980 г.) рекомендовало разработать для советской делегации на съезде инструкции, дабы помочь ей подготовиться к жесткому отпору. Конгресс историков прошел, однако, без серьезных скандалов, способных омрачить советско-румынские отношения. Внимание Чаушеску и его окружения вообще было в эти дни приковано не к съезду, а к начавшимся в Гданьске забастовкам. Слишком велик был страх, что румынские рабочие последуют польскому примеру. Основания для опасений, безусловно, были – наметившуюся в конце 1970-х годов тенденцию к снижению жизненного уровня небогатым глазом замечали члены делегаций, приезжавших в Румынию из СССР по межпартийному обмену. «По сравнению с 1974 и даже 1978 годом, когда руководитель нашей группы посетил Ботошанский уезд, наблюдаются острая нехватка некоторых продовольственных товаров (мясо, растительное масло, сахар), длинные очереди в продовольственных магазинах», – отмечалось в записке секретаря Фалештского райкома КПСС в ЦК КП Молдавской ССР (декабрь 1980 г.) [14. Ф. 51. In. 54. D. 106. Ф. 35]. Обращалось внимание на дефицит бензина, что вызывало удивление в стране с развитой нефтеперерабатывающей промышленностью. Однако в день, когда информация о событиях в Польше попала в румынскую печать (как и в печать других социалистических стран), Чаушеску позволил себе закатить грандиозный банкет для участников всемирного конгресса историков. Ломившиеся от изобилия угощений столы были призваны продемонстрировать интеллектуалам-гуманитариям со всего мира процветание социалистической Румынии⁵. Впрочем, звучавшие на фоне гданьских забастовок фанфары не слишком адекватно отражали настроение Чаушеску и его окружения. В руководстве партии отдавали себе отчет в том, что в стране имеются (пусть пока еще слабые) силы, которые явно не против перенесения в Румынию польского сценария и только ждут удобного случая для того, чтобы направить вектор развития страны в аналогичном направлении. А значит избрать забастовки инструментом давления на власть. Ключевая страна советской сферы влияния – Польша – переживала системный сбой, который мог негативно сказаться на функционировании других компонентов той же системы социализма, включая Румынию.

³ О проблемах и разногласиях в советско-румынских отношениях 1970–1980-х годов см. подробно [18].

⁴ Пленум ЦК КПСС 23 июня 1980 г. с удовлетворением констатировал единство в ОВД (см.: [19. Ф. 89. Оп. 42. Док. 15]).

⁵ Свидетельство известного отечественного историка В.Я. Гросула, участника конгресса.

Особую обеспокоенность руководства РКП вызывали настроения интеллигенции. В конце 1970-х годов под влиянием чехословацкой Хартии-77 в Румынии активизировалось диссидентское движение. Его лидеры историк В. Джеорджеску, М. Ботез и другие активисты адресуют руководству государства письма с требованием соблюдения конституции и прав человека, политических и экономических реформ [20. С. 353—360]. Протестные настроения захватили и рабочий класс, причем, как и в Польше, хотя и в значительно более скромных масштабах, оппозиционно настроенные интеллектуалы наводили мосты к независимому пролетарскому движению⁶. Предпринимались попытки установления связей румынских диссидентов как с Западом через аккредитованных в Румынии иностранных дипломатов и журналистов, так и со своими единомышленниками в других социалистических странах. Воспринимая возникновение диссидентского движения как наглядное проявление углубляющегося системного кризиса, власти крайне нервно реагировали на любые идеологические манифесты и концепции альтернативной направленности, даже не заявляющие о разрыве с социализмом. Преследовались и, в конце концов, были высланы из страны лидеры диссидентского движения, в частности В. Джеорджеску и писатель П. Гома. Никакой жизнеспособной реформаторской альтернативы предложениям диссидентов идеологи РКП противопоставить не могли, что само по себе свидетельствовало о кризисе власти. Ни о какой корректировке концептуальных основ режима в целях повышения эффективности его функционирования речи не шло, дело сводилось к поискам новых финансовых источников поддержания экономической и социальной стабильности, к ситуационным и не всегда успешным мерам по сохранению достигнутого уровня жизни, главным образом за счет западных кредитов.

Переживаемые экономические трудности и стремление не допустить (во имя сохранения общественного спокойствия) слишком резкого, взрывоопасного падения жизненного уровня населения заставили румынское правительство летом 1980 г. обратиться к поискам новых займов, планировалось, в частности, получить у Международного банка реконструкции и развития заем в 325 млн долларов. Хотя эту проблему в основном удалось в это время решить, зависимость румынской экономики от конъюнктуры цен на нефть только усилилась. К концу 1980 г. внешний долг превысил сумму 10 млрд долларов, что отражало неблагоприятное экономическое положение в стране. В сложившихся условиях совсем не было смысла ссориться ни с Москвой, ни с другими партнерами по СЭВ и ОВД. Более того, в этот период со стороны Чаушеску проявилось некоторое повышение интереса к внешнеторговому сотрудничеству в рамках СЭВ⁷. Таким образом, в момент беседы посла В. Дрозденко с В. Казаку большого стремления к фронде перед СССР у руководства румынской партии не было. Однако, зная чувствительность общественного мнения в самой Румынии к бессарабскому вопросу, в Бухаресте сохраняли последовательность, ни в коем случае не желая публично признать за СССР большее историческое право на Бессарабию, чем имеет Румыния. Любые уступки здесь

⁶ Забастовка шахтеров в Долине Жиу в августе 1977 г., попытка создать независимый профсоюз в 1979 г., завершившаяся арестом ее инициаторов.

⁷ В Москве в свою очередь и тогда, и позже понимали, что дополнительные поставки нефти Румынии «надо теснейшим образом увязать с нашим требованием об изменении принципиальных направлений румынской внешней политики. Мы должны твердо сказать т. Чаушеску, что Румыния должна идти с нами в общей колее» [19. Ф. 89. Оп. 42. Док. 66. Л. 3].

противоречили базовым идейным установкам румынского национал-коммунизма. Примечательно и другое. При всей общности исторических традиций населения по обе стороны Прута, на территории, где некогда существовало Молдавское княжество, в Москве прекрасно понимали, что в современной Румынии совершенно отсутствует какая бы то ни было питательная среда и почва для сепаратизма Запрутской Молдовы, возникновения там центробежных тенденций, оживления в противовес Бухаресту молдавского национального сознания жителей этого края. Показательно, что Дрозденко не стал спорить с утверждением Казаку о том, что молдаване в румынской Молдове являются румынами. Постановка вопроса о молдаванах в Румынии действительно была табуирована в советской литературе.

Приход к власти М.С. Горбачева и его команды застал Румынию в состоянии углубляющегося системного кризиса. В свое время, в августе 1968 г., интервенция в Чехословакии стала для Н. Чаушеску хорошим поводом продемонстрировать как Западу, так и собственному общественному мнению независимость перед Москвой. Тактика имела временный успех: благодаря осуждению акции ОВД он заработал немалый капитал как во внутривластном (укрепив режим своей личной власти), так и во внешнеполитическом плане (так, в августе 1969 г. Бухарест посетил совсем недавно приступивший к своим обязанностям президент США Р. Никсон). Впоследствии этот капитал был всецело растрочен. Постепенное ужесточение внутренней политики Румынии, усиление до совершенно грандиозных размеров культа личности, растущая неплатежеспособность по полученным кредитам, жесткие преследования оппозиционно настроенной интеллигенции (вопреки подписанной в том числе и Румынией Хельсинкской декларации) — все это нанесло в 1970-е годы сильный урон репутации Чаушеску.

По мере дальнейшего ухудшения экономического положения страны Чаушеску в интересах выживания своего режима должен был все сильнее разыгрывать националистическую карту. Взятый курс на сокращение любой ценой внешнего долга был призван возыметь пропагандистский эффект, внушить населению уверенность в жизнеспособности румынской модели социализма, оптимальности избранного пути, а иностранных партнеров убедить в надежности внешнеторговых соглашений с Румынией. Были введены строгие меры по экономии электроэнергии, контроль за потреблением, произошел отказ от финансирования ряда жизненно важных проектов, сокращение социальных программ. Пустели полки магазинов, людям приходилось туже затягивать пояса, но делать это на фоне строительной гигантомании, приобретшей поистине чудовищные формы. Сносились целые районы исторической застройки Бухареста (сыграло на руку и землетрясение 1977 г.), а на их месте начали возводиться отчасти и до сих пор недостроенные гигантские здания, призванные символизировать имперскую мощь новой социалистической Румынии, открыто афиширующей преемственность государственным традициям даков и Древнего Рима. К концу 1980-х годов в стране сложилась ситуация, которую в марте 1989 г. с острым сарказмом прокомментировал в интервью французской прессе известный поэт Мирча Динеску — о Румынии как уникальной стране, где даже желающий повеситься от безнадежности существования не может этого сделать, потому что в магазинах нет ни веревки, ни мыла (см. [21]).

Румынская модель социализма, чем далее, тем более, характеризовалась усилением режима личной власти диктатора. Элита, опасаясь потерять льготы, упражнялась в словословии, демонстрации лояльности вождю, все более утрачивавшему адекватное представление о реальности. В начавшейся в СССР горбачевской «перестройке» Чаушеску увидел большую угрозу для себя, не скрывая от М.С. Горбачева отрицательного отношения к происходящему в СССР. Особенно напугала румынского лидера фактическая утрата коммунистами власти в Польше вследствие демократического волеизъявления населения летом 1989 г. Положение дел в экономике самой Румынии уже тогда давало все основания предполагать, что смена власти в этой стране может принять куда более острые формы. В свете ниже публикуемого документа кажется еще более парадоксальной политической эволюция Чаушеску. Политик радикально националистического толка по иронии истории превращался в последние месяцы жизни в «коммунистического интернационалиста». В августе 1989 г. Чаушеску обратился к лидерам других европейских социалистических стран с призывом собраться и обсудить положение дел в Польше, создающее угрозу для судеб социализма в рамках всего блока. Как ЦК ПОРП, так и ЦК КПСС решительно не поддержали его инициативы. В ответе ЦК КПСС румынскому руководству отмечалось, что факт созыва такого форума дал бы повод представить ПОРП в качестве силы, выражающей антинациональные интересы, и таким образом «сам ход политических событий в стране объективно лимитирует возможности наших совместных шагов, не вступающих в противоречие с суверенитетом ПНР» [19. Ф. 3. Оп. 103. Д. 181. Л. 140–141; 22]. До мощного социального взрыва в Румынии и бесславного падения диктаторского режима Чаушеску оставалось менее четырех месяцев.

Режим этот пал, как прекратил свое существование в 1991 г. и Советский Союз. Однако столкновения исторической памяти между носителями российского и румынского взглядов на бессарабскую проблему не ушли в прошлое, они даже обострились, ведь речь теперь уже не идет о соблюдении взаимных союзнических обязательств (см. [23]). Особую остроту они принимают, когда в Румынии происходят новые и новые попытки хотя бы частичного оправдания действий Антонеску на Восточном фронте. Круг проблем, затронутых в беседе Дрозденко и Казаку, сохраняет свою актуальность, ведь существующая на карте Европы Республика Молдова (главное яблоко раздора в любой из российско-румынских войн исторической памяти) продолжает и сегодня оставаться полем подчас довольно острого противоборства между Россией и Румынией за влияние как в политическом, так и в культурном плане.

Документ публикуется по копии, направленной из Москвы в Кишинев в 1980 г. для ознакомления партийного руководства МССР.

Из дневника В.И. Дрозденко¹

Запись беседы с членом Политисполкома, секретарем ЦК Румынской компартии В. Казаку

12 марта 1980 г.

¹ Дрозденко Василий Иванович (1924–1982) – партийный работник Советской Украины, советский дипломат. Был первым секретарем Киевского горкома, секретарем, членом Политбюро ЦК КПУ. Член ЦК КПСС. С 1971 г. до конца жизни посол СССР в Румынии. Скончался в Бухаресте. Похоронен в Киеве.

Посетил В. Казаку и имел с ним беседу следующего содержания.

В. Казаку сообщил, что проведение переговоров с тов. Тихоновым Н. А.² относительно дальнейшего развития румыно-советского экономического сотрудничества руководство РКП поручило члену Политисполкома ЦК РКП, премьер-министру правительства СРР И. Вердецу.

Румынская сторона исходит из того, что предметом переговоров будут перспективы экономических и торговых связей в следующей пятилетке, прорабатываемые вопросы производственного кооперирования между нашими странами, в целом расширение и углубление румыно-советских экономических отношений в духе договоренностей между тов. Л.И. Брежневым и Н. Чаушеску³.

И. Вердец готов выехать в Москву и просит сообщить приемлемые для этого сроки, а также состав советской делегации на указанных переговорах с тем, чтобы определить состав сопровождающих его лиц.

В. Казаку сказал, что при желании советских товарищей встречу можно провести и в Бухаресте⁴.

Поблагодарив за сообщение, сказал, что незамедлительно передам его в Москву.

Далее в соответствии с поручением сделал нижеследующее заявление.

Как известно, между руководством наших партий была достигнута договоренность о прекращении издания таких материалов, в которых предпринимаются попытки обосновать «исторические права» на некоторые территории, входящие в состав СССР. Во время встречи Л.И. Брежнева в Крыму в августе 1979 г. Н. Чаушеску подтвердил решимость «раз и навсегда покончить с подобными публикациями».

Однако в Румынии продолжают появляться уже после встречи в Крыму книги и статьи, авторы которых вновь и вновь пытаются поставить под сомнение правомерность вхождения Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР, «доказать», что эти территории якобы являются частью «румынского этнического пространства» и т.п.

Одновременно активизировались попытки оправдать действия правящих кругов королевской Румынии в канун Второй мировой войны и при этом в ложном свете представить советскую внешнюю политику в предвоенные и первые послевоенные годы. Румынская армия в период ее участия в антисоветской войне изображается как «гуманная», «демократическая», а ее действия «до Днестра» как пользовавшиеся поддержкой народа и имевшие «справедливый» характер.

Такого рода утверждения содержатся, в частности, в недавно вышедших в свет книгах: «Страницы военной истории румынского народа», тт. 5–6 (под ред. И. Чаушеску⁵); «Всеобщая история. Новейший период, 1939–1945 гг.»,

² Тихонов Николай Александрович (1905–1997) был в это время первым заместителем председателя Совета Министров СССР. С октября 1980 по сентябрь 1985 г. – председатель Совета Министров СССР. Член Политбюро ЦК КПСС в 1979–1985 гг.

³ О контактах Л.И. Брежнева и Н. Чаушеску см.: [18]. Автор этой книги, известный румынский специалист по новейшей истории В. Буга, был и свидетелем событий, многократно выступая на переговорах в качестве переводчика Чаушеску.

⁴ Экономические переговоры, о которых идет речь, были отложены и состоялись в июне 1981 г. в Москве. Н.А. Тихонов возглавлял советскую делегацию уже в роли председателя Совета Министров СССР.

⁵ Илие Чаушеску – брат Николае Чаушеску, видный представитель его клана. Генерал. Избирался в высшие органы партии. Занимался вопросами патриотической пропаганды, курировал военно-историческую науку.

т. 24; Ш. Лаке и Г. Цуцуя «Румыния и Парижская мирная конференция 1946 года», в некоторых материалах, опубликованных в журналах «Аналеле де историе», «Ревиста де историе».

Как известно, факты говорят о другом. Армия королевской Румынии вместе с гитлеровским вермахтом напала в июне 1941 г. на СССР, преследуя агрессивные, захватнические цели, и в течение более трех лет участвовала в антисоветской войне. Временно оккупированные территории подверглись грабежу и разорению, сотни тысяч советских людей, в том числе женщин, детей и стариков, были истреблены. Королевские румынские войска, действовавшие на территории Молдавской ССР и ряда областей Украины, установили такой режим, который мало чем отличался по масштабам террора и грабежей от захватнической политики немецко-фашистских оккупантов.

Щадя чувства румынского народа, мы старались избегать, насколько возможно, напоминания об этих фактах. Но это не значит, что они забыты.

Мы твердо считаем, что исторические исследования и публикации должны служить делу упрочения дружбы и братских связей между КПСС и РКП, между Советским Союзом и Румынией, а не приобретать нездоровое политическое звучание, создавая помехи для нормального развития советско-румынских отношений.

Продолжающийся выпуск в Румынии книг и статей, извращающих исторические события, касающиеся Советского Союза, и оправдывающих агрессивные, захватнические действия правящих кругов буржуазно-помещичьей Румынии, вызывает законное недоумение и возмущение в Советском Союзе. Искусственное нагнетание вопроса о границах и разжигание националистических чувств идут вразрез с самим характером отношений между нашими партиями и странами. Они на руку лишь тем силам, которые хотели бы подорвать советско-румынскую дружбу, вбить клин между нами, спекулируя на том, что между СССР и Румынией якобы есть нерешенные территориальные вопросы, они наносят ущерб и интернациональному воспитанию трудящихся.

Между Советским Союзом и Румынией нет территориальных вопросов, а наоборот, имеются все предпосылки для дальнейшего развития дружбы и сотрудничества. В этом же духе неоднократно высказывались и румынские руководители. Однако в Румынии вопреки имеющимся договоренностям продолжают публиковаться публикации, которые отнюдь не служат достижению этой цели, и они не могут быть оставлены без соответствующей реакции с нашей стороны.

Внимательно выслушав, В. Казаку сказал следующее: Благодарю, я проинформирую руководство нашей партии.

Со своей стороны, прежде всего хотел бы отметить, что, безусловно, имеются все предпосылки и договоренности на самом высоком уровне, обеспечивающие всестороннее развитие отношений между нашими странами в духе принципов, за которые мы выступаем, — взаимного уважения и сотрудничества в двустороннем и многостороннем планах.

Что касается поднятого вопроса, то дело обстоит таким образом. Вы процитировали высказывание Н. Чаушеску во время прошлогодней встречи с тов. Л.И. Брежневым о решимости «раз и навсегда покончить с подобными публикациями», но забыли упомянуть о том, что и советская сторона выразила готовность не публиковать таких материалов. Несмотря на эту договоренность,

у вас появляется много статей, монографий, содержащих ряд ошибочных тезисов, касающихся Румынии. Упомяну лишь об основных моментах.

Во-первых, о том, как освещаются у вас формирование румынского языка и народа, его «континуитет (непрерывность проживания) в Карпато-Дунайском пространстве». Много вопросов возникает в связи с вашей трактовкой войны 1877–1878 гг., когда Румыния завоевала государственную независимость. У вас настойчиво цитируется ряд документов нашей партии межвоенного периода, которые мы не признаем; Румынию называют империалистическим государством, хотя она никогда таковым не являлась, говорят о какой-то румынизации, а кого мы румынизировали – румын? Внешняя политика Румынии в 1918–1941 гг. изображается у вас глобально в неблагоприятном свете, как целиком реакционная, а ведь в ней были позитивные стороны и нюансы⁶. У нас нет никакого интереса оправдывать деятельность реакционных, буржуазных румынских кругов или извращать внешнюю политику Советского Союза.

Вы назвали несколько изданных у нас работ, мы посмотрим, о чем идет речь в этих материалах. Просьба, однако, внимательно взглянуть на то, что делается у вас в этом отношении: соответствующих публикаций у вас гораздо больше. Если этому не положить конец, то мы, разумеется, не можем запретить писать своим историкам. Коль скоро между нами достигнута договоренность, давайте ее выполнять, но с обеих сторон, с соблюдением исторической правды и в интересах развития дружбы между нашими партиями, странами и народами. У вас же в 1979 г. и в начале нынешнего года было опубликовано большое количество материалов в упомянутом духе, чему можно привести много примеров.

По данному вопросу была достигнута определенная договоренность во время пребывания делегации КПСС в Бухаресте в октябре 1978 г. В прошлом году он был вновь поднят перед Н. Чаушеску, который подчеркнул необходимость выполнения договоренности с обеих сторон. Теперь опять нам говорят, что мы ее не соблюдаем. Если обвинять нас в этом, то проблемы не решить, надо и вам посмотреть свои публикации и соблюдать указанную договоренность.

В ответ на это сказал:

Вы говорили об искажениях, допускаемых якобы советскими учеными при освещении сложных вопросов истории наших стран и о нарушениях будто бы советскими историками имеющейся на этот счет договоренности, что, мол, вызывает ответную реакцию румынских историков.

Действительно, у нас работают над вопросами русско-румынских и советско-румынских отношений. Известно, что в истории этих отношений имеются и сложные моменты. Мы всегда считали и считаем важным, чтобы историки наших стран бережно касались этих моментов, делали акцент на том, что свидетельствует о глубоких корнях дружбы наших народов, о связях между прогрессивными, революционными силами, коммунистами наших стран, о взаимной поддержке и совместной борьбе наших народов против фашизма, за свободу и прогресс, за социализм и коммунизм.

⁶ Положительные оценки внешней политики министра иностранных дел Н. Титулеску, одного из «архитекторов» системы европейской безопасности в середине 1930-х годов, всегда разделялись и советской, а позже российской историографией (см.: [24]).

Хочу подчеркнуть, что в трудах наших ученых не допускается недружественных положений в адрес Румынии и, тем более, территориальных претензий к ней. Возможно, некоторые из них в ряде случаев использовали излишне эмоциональные выражения, но характер освещения смежных вопросов истории в советской исторической литературе является дружественным по отношению к Румынии, ее народу и соответствует объективным требованиям классового подхода к истории как науке. Наши историки, в т.ч. в МССР, не допускают, к примеру, утверждений о том, что в Румынии проживают молдаване (В. Казаку заметил на это, что «молдаване в Молдове являются румынами»).

В нашем обращении речь идет не о различной трактовке некоторых исторических вопросов, а о материалах, в которых завуалированы территориальные претензии к Советскому Союзу и предпринимаются попытки поставить под сомнение правомерность государственной принадлежности части территории МССР и Украины к Советскому Союзу.

Речь идет также об извращенном толковании внешней политики СССР в называвшийся период.

Эти вопросы имеют не столько историческое, сколько политическое значение. Об этом неоднократно говорилось румынским товарищам в дружеской форме, в том числе на встречах тов. Л.И. Брежнева с Н. Чаушеску в 1978 и 1979 годах и на переговорах делегаций наших партий в октябре 1978 г.⁷

Хочу еще раз сказать, что территориальный вопрос между нашими странами давно решен и больше не существует. Что касается истории, то, как говорил Н. Чаушеску, надо «превратить ее в орудие сближения и дружбы народов». Уровень наших отношений, дух братской дружбы, характер сотрудничества между нашими партиями и странами позволяет успешно решить эту задачу.

В. Казаку вновь сделал упор на том, что упоминавшуюся договоренность необходимо соблюдать с «обеих сторон», что после октября 1978 г. в Советском Союзе опубликовано много материалов, якобы ущемляющих интересы Румынии, и, следовательно, ее историки не могут не реагировать на это, но «у нас публикуют не столько и не так, как у вас» (Никаких конкретных работ В. Казаку не привел).

Что касается участия Румынии в антисоветской войне, то, заметил он, «не следует смешивать народ с тогдашними правящими кругами», «мы сами повернули оружие и освободились от фашизма»⁸. По поводу завуалированных территориальных претензий в румынской историографии В. Казаку заявил: «Мы знаем, какова истина в этом вопросе».

Отвел указанные утверждения аргументами в духе вышеизложенного.

Секретарь ЦК РКП высказался за то, чтобы общий подход к смежным вопросам истории наших стран изыскивался румыно-советской комиссией

⁷ См. [18].

⁸ Преувеличение роли своей армии в освобождении страны от фашизма было характерно для румынской историографии как при Чаушеску, так и в посткоммунистическую эпоху. Между тем, по оценкам Генштаба Красной армии (декабрь 1944 г.), две румынские армии, сражавшиеся с конца августа 1944 г. на стороне антигитлеровской коалиции, «воюют плохо и стимулом для них сейчас является предстоящая передача Румынии Северной Трансильвании. Если этого стимула не будет, то румынские армии будут сражаться еще менее эффективно» [25. С. 237].

историков⁹. К примеру, добавил он, надо, чтобы они уже сейчас взаимодействовали в связи с предстоящим в Бухаресте в августе всемирным конгрессом историков¹⁰.

В ходе беседы В. Казаку заметно нервничал, хотя старался казаться спокойным.

Прощаясь, он просил передать привет от него и наилучшие пожелания секретарю ЦК КПСС тов. Русакову К. В.¹¹

На беседе присутствовали инструктор Отдела внешних связей ЦК РКП В. Буга и советник Совпосольства В. А. Деменчук.

Посол СССР в СРР В. Дрозденко

Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău). F. 51. In. 54. D. 7. F. 48–54.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631.
2. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы.
3. *Brown J. F.* Rumania Steps Out of Line // *Survey. A Journal of Soviet and East European Studies.* № 49. October 1963.
4. *Garthoff R. L.* When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // *Cold War International History Project Bulletin.* Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington. Issue 5. Spring 1995.
5. *Croitor M.* România și conflictul sovieto-chinez (1956–1971). Ed. II. Cluj-Napoca, 2014.
6. *Sticalin A.* Hrușciov și Tito: o discuție îndelungată despre România (Leningrad, iunie 1964) // *Arhivele Totalitarismului.* București, 2014. № 1–2. P. 165–194. На русском языке: Хрущев и Тито: долгий разговор о Румынии (Ленинград, июнь 1964 г.) // Научный сайт «Dacoromania (История Бессарабии, Молдовы и Румынии)». Апрель 2015 г.
7. *Anton M., Chipere I.* Instaurarea regimului Ceaușescu. Continuitate și ruptură în relațiile româno-sovietice. București, 2003.
8. *Стыкалин А. С.* Кризис в советско-румынских отношениях в августе 1968 г. и его влияние на контакты граждан двух стран (по материалам архивов Москвы и Кишинева) // *Международные отношения в XX веке. Сб. статей.* Киров, 2016. Вып. 4.
9. Приднестровская государственность: история и современность. Тирасполь, 2005. С. 106.
10. Правда.
11. *Cojocaru Gh.E.* «Dezghetușul» lui N. Hrușciov și problema Basarabiei. Târgoviște, 2014.
12. *Левит И. Э.* Воспоминания о молдавской Академии наук и ее первом президенте Я.С. Гросуле. Тирасполь. 2014. С. 213.
13. *Negru E., Negru Gh.* «Cursul deosebit» al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studiu și documente. Chișinău, 2013. Vol. 1 (1965–1975).
14. *Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău).*
15. *Стыкалин А. С.* Общественные настроения в Советской Молдавии в 1960-е годы и позиция партийного руководства республики. Проблемы национальной идентичности мажоритарного населения и румынского культурного влияния // *Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ.* М., 2014.

⁹ Существовала с 1970 г. С советской стороны ее возглавлял опытнейший функционер в области исторической науки академик И.И. Минц (1896–1991).

¹⁰ Как отмечалось выше, с советской стороны, напротив, готовились на съезде дать отпор румынским историческим концепциям, взаимодействуя при этом с историками Венгрии и Болгарии.

¹¹ Секретарь ЦК КПСС К.В. Русаков курировал отношения КПСС с компартиями социалистических стран.

16. Грибков А. И. Судьба Варшавского договора. Воспоминания, документы, факты. М., 1998. С. 31–32.
17. *Oprîş P. Nicolae Ceauşescu și iluzia sa politică: desființarea concomitentă a NATO și a Tratatului de la Varșovia* // *Arhivele Totalitarismului*. București, 2009. № 3–4.
18. *Buga Vasile. Pe muncie de cuțit. Relațiile româno-sovietice. 1965–1989*. București, 2013.
19. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
20. *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века*. СПб., 2012. Т. 1. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов.
21. *Стыкалин А. С. «Наша страна стала дьявольским воплощением несовместимости политики с географией». Геополитические парадоксы последних лет эпохи Чаушеску глазами румынского поэта (весна 1989 г.)* // *Европейские сравнительно-исторические исследования*. Вып. 4. Восток на Западе, Запад на Востоке. М., 2014.
22. *Constantin I. Aspecte privind relațiile româno-polone în perioda anilor '80* // *Dosarele Istoriei*. 2005. № 3–4.
23. *Забытый агрессор. Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии*. М., 2011.
24. *Колин А., Стыкалин А. С. О работе комиссии историков России и Румынии* // *Славяноведение*. 2003. № 3.
25. *Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы*. М., 2000.

© 2017 г. Л.Ф. ШИРОКОВА

СЛОВАЦКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН 1970–1980-х годов

1970–1980-е годы стали для словацкой литературы периодом переоценки прошлого и ухода от необходимости отражать действительность времен «нормализации». Были созданы крупные произведения с исторической тематикой, разнообразные по проблематике, стилю, авторским стратегиям.

For Slovak literature, the 1970s and 1980s were the period of reevaluation of the past and escape from reflecting on the realities of the «Normalization». There were big works on historical topics created in these decades, differing in subjects, style and authors strategies.

Ключевые слова: словацкая литература, исторический роман, поэтика, сюжет, герой.

Keywords: Slovak literature, historical novel, poetics, plot, hero.

Осмысление прошлого, ключевых моментов национальной истории издавна, еще со времен романтизма, было важной составляющей словацкой литературы. Жанр исторического романа (повести, новеллы) развивался в Словакии на протяжении длительного времени, становясь в разные периоды то особым, единичным феноменом, то явлением определяющим, общим для творчества целого ряда писателей. Подъем исторической прозы был часто связан со всплеском интереса к самой истории, с необходимостью ее соотнесения с настоящим.

Таким периодом рефлексии, переоценки прошлого и в то же время ухода от необходимости отражать современную действительность времен «нормализации» стали для словацкой литературы 1970–1980-е годы. Тогда ведущими писателями среднего поколения были созданы крупные прозаические произведения с тематикой недавнего или более отдаленного прошлого. В их числе трилогия В. Шиккулы «Мастера» (1976–1979) и его роман «Матей» (1984); романы П. Яроша «Тысячелетняя пчела» (1979) и «Немое ухо, глухое око» (1984); романы Я. Йоганидеса «Конюх Марек и венгерский папа римский» (1983) и «Самая печальная оравская баллада» (1988), а также романы Л. Баллека «Помощник» (1977), «Акации» (1981), «Лесной театр» (1987), трилогия И. Габая «Колонисты» (1980–1986) и др. Данное явление было неоднородным как в идейно-художественном, так и в жанровом отношении; среди произведений этих лет встречается и социальный роман (Шиккула, Ярош, Габай), и психологический роман с элементами детектива (Йоганидес), и роман-биография (Гикиш, Шиккула).

Широкова Людмила Федоровна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Разнообразные по проблематике, стилю, авторским стратегиям, эти произведения лишь в самом общем, условном плане можно подразделить на две группы по таким характеристикам, как время действия или тип героя.

В 1970-е годы, в начале волны исторической прозы, чаще возникали романы, в которых углубление в прошлое было не столь значительным, — это было относительно недавнее словацкое прошлое (от рубежа XIX–XX вв. до 1940-х годов). Целью авторов была рефлексия этого времени как истоков современности, осмысление состояния и развития общественного сознания и человеческой личности, своего рода «историзация» опыта предыдущего поколения.

Произведения, созданные позднее, в 1980-е годы, в большей мере отвечали традиционному представлению об исторической прозе (в том числе в словацком ее варианте, представленном в творчестве Я. Калинчака, Л. Надаши-Еге, Л. Зубека и др.). Их авторы повествуют об отдаленном времени исторических сдвигов и потрясений XVI–XVIII вв., и на их фоне — о превратностях жизни отдельного человека, часто одаренного и неординарного, гуманиста по убеждениям, судьба которого драматическим образом переплетается с судьбами великих, реальных исторических деятелей европейской истории.

К первому типу исторической прозы мы относим, в частности, трилогию Винцента Шикеры (1936–2001) «Мастера». Ее составляют романы «Мастера» (1976), «Герань» (1977) и «Вильма» (1979), объединенные общей фабулой, центральными героями (Имро Гулдан, его жена Вильма, отец семейства — мастер-плотник Гулдан) и большим числом второстепенных персонажей — их родных и односельчан. Помимо этих связующих нитей между различными по построению и наполнению частями трилогии существует еще множество внутренних признаков их общности, относящихся к художественной концепции писателя, к оригинальному способу повествования и развития сюжета, к уровню поэтики в целом.

Среди таких признаков важную идейную и композиционную роль играют многочисленные авторские отступления, разбросанные по всей трилогии. Их мотивы и содержание самые разные, однако можно выделить несколько наиболее значимых тематических узлов — это рассуждения о мастерстве, а по сути — об искусстве в разных сферах человеческой деятельности, о характере словацкой истории и словацкой нации, о литературе и ее предназначении.

Фабульное действие в первом томе относится к определенному историческому отрезку — последнему году перед Словацким национальным восстанием (1944 г.). Но открывается роман не описанием исторических реалий, а почти былинным, выдержанным в фольклорной стилистике зачином, подчеркивающим обобщенность художественного образа действительности и создаваемых автором фигур и типов, при всей их жизненности и глубине психологических характеристик. Представив героев, автор на первых же страницах демонстрирует особые приемы своего повествования, переходя при этом к сниженной, иронической тональности. Здесь и в дальнейшем эпическое повествование периодически обрывается и приостанавливается, давая место порой шутивным, порой взволнованно-экспрессивным авторским рассуждениям.

От частных человеческих судеб В. Шикера переходит к более широким и при этом эмоциональным рассуждениям об истории («речке истории»), о забытых, затерянных в ней «обыкновенных людях», после которых «осталось множество пустых мест, которые мы привыкли заполнять словами «рабы», «солдаты»,

«крестьяне», «рабочий класс». Писатель горячо протестует против поверхностного, рутинного толкования истории и роли в ней человека: «Имя крестьянина, который тысячу лет назад растил здесь хлеб, нам не известно, зато имя того, кто этот хлеб отнимал или прошел по нему огнем и мечом, сияет славой, и беда школьнику, который его забыл» [1. S. 227]. Настоящая история, по его убеждению, – в природе, в дорогах, пересекающих край, в руинах замков и в старых пашнях, где трудятся поколения крестьян, предков и потомков символического вечного пахаря, появляющегося в отступлении-притче.

Мотив исторической судьбы малого народа усиливается и в прямых авторских рассуждениях, и в часто встречающихся полифонических диалогах, в которых звучат анонимные реплики и более развернутые высказывания.

Действие второго романа трилогии, «Герань», разделено на два русла: в чередующихся главах автор повествует попеременно то о событиях в деревне, то о злоключениях сельчан, ушедших в партизанский отряд. Фабульная «военная» линия с центральным героем Имро Гулданом ритмически пересекается фабульной линией относительно мирного «тыла», словацкой деревни, воплощенной в фигуре Вильмы. Роман «Герань» отличается и более выраженным повествовательным, эпическим планом. В нем гораздо меньше экспрессивных авторских отступлений; автор погружается в сознание героев и, наблюдая за их судьбами, нередко говорит их голосами.

Время повествования во втором томе часто перемещается из 1944 года в актуальное время его написания – начало 1970-х годов, что позволяет В. Шикуле взглянуть на прошлое через преломляющую оптику времени и человеческого опыта. Дополнительную функцию в повествовании приобретают эти временные перемещения, когда в одной из глав романа появляется особый персонаж – второе, детское «я» нынешнего взрослого повествователя. Переживания и впечатления Имро, становящиеся с течением времени рефлексиями, воспоминаниями, рассказами, которыми он делится с этим будущим автором-повествователем, – еще одна значимая составляющая историко-эпической основы романа.

Третий роман трилогии, «Вильма», отличается от предыдущих и содержательно, и композиционно. Время действия – первое послевоенное десятилетие, что определяется скорее хронологией личных переживаний героев, чем социально-историческими приметами, лишь изредка обозначаемыми автором. Место действия ограничено одной географической точкой – деревней Околичне – родиной Гулданов. В трех главах романа – «Мальчик», «Медное солнце», «Вильма» развивается единая фабульная линия, небогатая на внешние события, на эпическое действие. Сюжет, как и в первом томе трилогии, усложняется за счет разного рода авторских отступлений; большое место отводится и внутренним монологам героев, их рефлексиям и переживаниям.

Художественный мир, создаваемый В. Шикулой в трилогии «Мастера», глубоко гуманистичен; он сосредоточен на человеке «обычном» (писатель намеренно избегает определения «простой человек»), со всеми его человеческими слабостями и грехами, с множеством связей и отношений с окружающей действительностью.

Другое историческое произведение схожего типа – дилогия Петра Яроша (р. 1940) «Тысячелетняя пчела» (1979) и «Немое ухо, глухое око» (1984). Это своеобразная сага о крестьянском роде Пиханда, семейная хроника, вплетенная в канву исторических событий в Словакии (и Австро-Венгрии) с конца XIX в. до начала 1920-х годов. Время и сами глобальные исторические

события, как и у Шикеры, поначалу не играют в романе значительной роли и обозначаются как бы мимоходом. Так, читатель узнает о времени действия лишь на 30-й странице, после развернутой и богатой подробностями сцены поездки Мартина Пиханды с двумя сыновьями — Само и Валентом в лес за дровами. Повествование лишь местами напоминает реалистический роман о селе, вскоре возникает череда мистических мотивов, чудесных происшествий, и почти каждый последующий персонаж, появляющийся по ходу сюжета, приходит сюда со своей легендой, прозвищем, яркой необычной чертой. Через оба романа проходят и определенные сквозные мотивы и символы (пчела, рыба, дерево) оппозиции («рождение» — «смерть», «деревня» — «город» и даже «самогонка» — «смородиновое вино»), двойничество персонажей, повторяющиеся в разное время одинаковые события. Так, например, мотив рыбы, который возникает в начале первого романа и встречается в дальнейшем, обретает разные воплощения: это и пойманные Валентом Пихандой в ручье три форели, и сцена, когда его брат Само чуть не умер, подавившись костью одной из этих рыб, а вторая, зажаренная, принялась летать по комнате, и деревянная рыба, оказавшаяся внутри ствола распиленной сосны, и далее — фантастическая рыба-кит, в брюхе которой чудесным образом путешествовал по морям и рекам страстный любитель географии, отец семейства Мартин Пиханда. При этом с христианским символом, как можно было ожидать, эти рыбы не связаны — позднее мы узнаем, что по местному поверью рыба — предвестник неприятностей с женщинами. В целом же все повествование, образы и характеры героев пронизаны духом почти языческого витализма, жизнелюбия, естественного, гармонического эротизма. Роман Яроша являет собой гимн природному человеку, человеку-труженику в лице своих колоритных героев — крестьян и одновременно мастеров-каменщиков, которые каждый год отправляются на заработки в дальние и ближние места.

В этой связи в романе звучит и тема «словаки как строители чужих городов», напрямую перекликающаяся с концепцией словацкой истории, которую высказывал в своих эссе 1960–1970-х годов («Где наши замки», «Раздувая родные очаги», «Здесь живет народ» и др.) один из крупнейших словацких писателей послевоенного периода Владимир Минач (1922–1996). Сравнивая прошлое словаков и других, «больших», европейских наций, он писал: «Если история — это история королей и императоров, военачальников и князей, победоносных войн и захваченных земель, если история — это история насилия, грабежей и эксплуатации, то у нас нет истории. Но если история цивилизации — это история труда [...], тогда это наша история. Мы народ строителей: мы, каменщики и строители, возвели Вену и Пешт, мы помогали строить многие чужие города, но не разрушили ни одного» [2. S. 19]. В романе Яроша этим словам вторит Само Пиханда: «Мы строим Дебрецин, в Будапеште на парламенте наши имена, в Темешваре, в Вене, в Братиславе мы восстанавливаем старые и строим новые дворцы» [3. S. 292].

Этот образ народа-строителя подкрепляется и другим основным сквозным мотивом — пчелы, тысячелетней плодотворной матери улья, неутомимой труженицы и кормилицы. С соблазняющей его огромной пчелиной маткой говорит в полусне, на границе реальности и фантазии, Само Пиханда, с пчелами сравнивают словацкий люд и Мартин Пиханда, и местный учитель и селекционер Орфанидес: «Мы как пчелы. Работа всегда нас спасала. Тысячу лет мы выдержали только потому, что умели работать, как пчелы» [3. S. 76]. Ближе к финалу первого романа, во время

Первой мировой войны, пробуждаясь к активной жизненной и политической позиции, Само видит другую сторону этого образа: «Тысячелетние рабочие пчелы! До сих пор мы были пчелами! Мы не создавали, что у нас есть и жало, что мы можем и ужалить» [3. S. 475]. Однако миролюбивый Само, носитель природной гармонии, в финале все же склоняется к эволюционному, созидательному, а не революционному пути и напоминает о том, что «мед носят в улей пчелы, и мы – эти пчелы!» [3. S. 500].

В ряду схожих или сопоставимых по типу с уже рассмотренными нами произведениями можно назвать также и упомянутые вначале романы Ивана Габая (р. 1943) и Ладислава Баллека (1941–2014) о словацком Юге, написанные в этот же период и отсылающие читателя ко времени 1930–1940-х годов.

Ко второй обозначенной группе произведений словацкой исторической прозы можно отнести ряд книг 1980-х годов, прежде всего – романы В. Шиккулы, Я. Йоганидеса и А. Гикиша.

Роман В. Шиккулы «Матей», изданный в 1983 г., посвящен полной драматизма и превратностей жизни реального исторического лица – Матея Гребенды (1796–1880), человека «из низов», скромного бродячего торговца, ставшего подвижником словацкого просвещения. Существует литература об этой примечательной личности: сохранились воспоминания о нем современников, его автобиография («Собственное жизнеописание»), о нем написан роман (Л. Зубек. «На службе у Матея Гребенды», 1949).

Повествование в романе строится в хронологической последовательности – автор прослеживает жизнь героя с раннего детства до глубокой старости. Время в каждой из восьми глав соотносится с тем или иным историческим событием, нередко указываются и конкретные даты и имена исторических деятелей. Однако композиционное обрамление повествования многозначной символической сценой из последних лет жизни Матея Гребенды задает и определенный субъективно-эмоциональный тон, не свойственный жанру исторической хроники, и одновременно обозначает надфабульный, идейно-смысловой уровень произведения.

Интродукция – обращение повествователя к концу жизни Матея перед самим ее описанием – еще раз подтверждает высказанную в «Мастерах» мысль писателя об ограниченности любых жанровых условностей – будь то хроника или биографический роман; жизнь всегда оказывается богаче, а человеческий характер – сложнее. Старик Гребенда вспоминает, как симпатизировавшие ему Л. Штур и А.Г. Шкультеты уговаривали его написать или продиктовать кому-нибудь свое жизнеописание. Но «когда Матею это прочитали, ему показалось, что все было совсем, совсем по-другому» [4. S. 10].

Повествование строится здесь иначе, чем в предыдущих романах Шиккулы. Писатель соблюдает последовательно хронологический принцип изложения событий, лишь изредка прибегая к отступлениям от фабулы. Авторский голос почти не слышен, а повествователь занимает позицию заинтересованного, но стороннего наблюдателя и осведомленного комментатора. Отраженные в романе исторические события хоть и не являются только фоном, но представлены весьма избирательно и субъективно, поскольку все повествование сфокусировано на личности центрального героя, на плавном течении его жизни, тесно связанной со своим историческим временем.

Скромность и смирение – важные черты характера героя, определившие всю его дальнейшую жизнь: «Он рано смирился с тем, что будет оказывать

людям самые мелкие услуги, что этим и придется добывать хлеб свой насущный» [4. S. 182]. Услуги посыльного, доставляющего за грошовое вознаграждение крестьянам в соседние деревни и студентам в отдаленные города письма, гостинцы и весточки от родных, — стали не просто полезным и добрым делом. Они послужили началом пути героя к просвещению, к духовному росту. Общаясь со студентами, он знакомится со многими известными или будущими деятелями словацкой культуры, образованными людьми во всех уголках страны. Дороги, пешие путешествия становятся для Матея судьбой, способом существования. Его манит поэзия вольной жизни, слияния с живой, таинственной природой словацких гор и лесов.

Элементы художественного вымысла сочетаются в романе с фактографической точностью. Так, строкой из судебного протокола звучит фраза: «В году 1831 были осуждены и приговорены к смертной казни через повешение и 3 сентября повешены на холме близ Комарно десять крестьянских предводителей и бунтарей, и с ними Людевит Гамза по прозвищу Крестьянский генерал» [4. S. 79]. В текст романа включены обширные документальные выдержки из газетных публикаций 1840-х годов, представленные, для большей аутентичности, в старой орфографии.

В каждой из глав повествователь уделяет некоторое место описанию исторических реалий того или иного периода в жизни центрального героя. Так, в первой главе («Матей») приметы исторического времени — начала XIX в. — связаны с обнищанием простого люда и разгулом разбойничества. Частью словацкого пейзажа становятся многочисленные виселицы, на которых вешают и разбойников, и голодных воришек-бедняков: «За каждым городом возвышалась в те времена виселица. А за некоторыми — даже и не одна. То и дело гонялись за кем-то гайдуки и стражники. Повсюду кого-то хватили, в каждом крае было кого ловить» [4. S. 29].

Матей Гребенда — свидетель и участник событий, ставших историческими, современник и собеседник многих впоследствии знаменитых людей, среди которых и деятели словацкой политики и культуры, и вошедшие позднее в фольклор колоритные фигуры разбойников. Матей предстает как один из сонма безымянных создателей и хранителей словацкой фольклорной традиции, образцами которой изобилуют страницы романа. Основным занятием стала для Матея торговля книгами, приносявшая ему скромный, но постоянный доход. Автор еще более приземляет образ Матея, упоминая, что разносил он, помимо книг, и капусту, и лук, и прочие простые, «низкие» товары, а дома держал мелочную лавку с табаком и керосином. Вместе с тем героем движут возвышенные и бескорыстные чувства.

Он не только услужливый посыльный, который разносит людям долгожданные весточки и гостинцы, но и посредник, «мостик», соединяющий просвещенный круг словацких «будителей» с не пробужденным еще людом. Вечный странник, будучи сам частицей народа, он идет в народ с собственной культурно-просветительской миссией.

Сюжет романа Яна Йоганидеса (1934—2008) «Конюх Марек и венгерский папа римский» (1983) связан с реальными событиями европейской истории XVI в.; точно указана и дата как точка отсчета фабульного времени — 26 января 1512 г. Действие охватывает промежуток между кануном избрания нового Папы Римского и подавлением крестьянского восстания в Венгрии под предводительством Дёрдя Дожи. Но тематика романа не сводится к историческим реалиям, подготовке Римом нового крестового похода и драматическим

событиям восстания: автор намного подробнее показывает «подковерную» борьбу в церковных и светских верхах, коварство и жестокость политиков и иерархов, нравственный упадок в обществе при внешнем соблюдении христианских заповедей и установлений. Столь же многообразно и идейное наполнение романа, вбирающее в себя целый комплекс проблем, среди которых центральная — проблема утраты людьми человечности, сострадания и отзывчивости, верности своим внутренним убеждениям, над которыми возобладали политическая выгода, корысть или простое чувство самосохранения. Носителями отрицательных качеств в романе выступают, как правило, реальные исторические персонажи — претендент на папский престол кардинал Томаш Бакоц, будущий король Венгрии граф Ян Запольский, политический интриган канцлер Штернберк, целая череда римских церковников. Носитель гуманистических ценностей по сути лишь центральный, вымышленный персонаж — главный конюх графа Запольского Марек. Но чтобы увидеть и показать этот человеческий стержень, автор последовательно снимает с него несколько личин.

Лицо служаки Марека, видимое со стороны, описывается как «в высшей степени обыкновенное, малозапоминающееся, словно уже при рождении ему определили место среди грязных неотстирывающихся тряпок, оно как картофелина среди других картофелин». Марек оказывается в центре интриг в Будине, куда съехались послы европейских королевских дворов в преддверье нового крестового похода, ему уготована роль исполнителя политического убийства. Но отказываясь подчиниться приказу, Марек открыто смеется в лицо Запольскому, невольно снимая при этом свои маски — сурового грубияна, осторожного приспособленца и раскрывает третий уровень своей личности — раскрепощенной, свободной от страха, сострадающей: «Ненавязчивое и скрытное, немногословное, хотя и деятельное сострадание к людям, которое Марек часто прикрывал юмором, чтобы кого-нибудь не обидеть или не смутить, коренилось в его врожденной, глубинной, простой как трава любви к самой жизни» [5. S. 106].

Своих героев Йоганидес рассматривает подробно, словно под лупой; часто используя характерный для него художественный прием — описание выражения глаз персонажа, реакции его зрачков на сокровенные мысли и переживания: «Зрачки чиновника сузились. Будто в один миг съежились, как от внезапного испуга или вспышки света. Но тут же вновь расширились, словно чиновник ощутил вдруг восторг, обретя прежнюю уверенность в себе» [5. S. 72]; «Именно вследствие смещения испытываемых им самых искренних чувств, отражавшихся на его лице и приходящих в противоречие с его положением, в глазах его на мгновение появлялись искры непозволительной и нескрываемой насмешки» [5. S. 39] и др.

Автор исподволь вскрывает корни характеров и комплексов своих персонажей, рассказывая о психологических травмах, полученных ими в нищем голодном детстве, препарирует их сознание и подсознание, сложную связь намерений и поступков. Это в равной мере относится и к сострадательному Мареку, и к карьеристу Бакоцу, и к жалкому лжепророку Дьелефи, и к другу Марека, судебному чиновнику Моцарту, который потерял самого себя, отрекшись от гонимого властями учителя.

Роман Антона Гикиша (р. 1932) «Время мастеров» (1983) близок к роману Йоганидеса «Конюх Марек» по времени действия, также относящегося к периоду позднего Средневековья — начала европейского Возрождения.

Точная датировка глав с символическими названиями подчеркивает стремление автора к художественной достоверности в отражении исторических реалий и процессов, начиная с 1492 г. (первая глава первой части романа – «Возы») и заканчивая 1526 г. (последняя глава второй части – «Виселицы»).

События романа разворачиваются на фоне широкой картины жизни не только Венгрии и шахтерских городов нынешней Центральной Словакии – Банской Штьявницы, Кремницы, Банской Бистрицы, но и соседних стран Европы. Главными приметами времени, значимыми для автора и для его героев, представлены оживление наук и ремесел, динамичный обмен новыми идеями и художественными открытиями, расцвет архитектуры и живописи, и в то же время – острая борьба претендентов на святой престол в Риме, политические интриги в европейских королевствах, кровавые народные бунты и сжигание ведьм.

Широка и палитра персонажей, создающих в совокупности эту пеструю картину; наряду с явно вымышленными фигурами встречаются и образы реально существовавших политических деятелей, церковных иерархов (в их числе – и кардинал Томаш Бакоц). Персонажи второго плана – богатые бюргеры, хозяева рудников и крупные чиновники нередко наделены чертами и именами людей, упоминаемыми в сохранившихся до наших дней документах и хрониках города Банска Штьявница. Два центральных героя – художник Шебастьян из Штьявницы (герой первой части романа) и скульптор Йорг из Сильта (герой второй части) также своего рода художественная «реконструкция» исторической реалии – личности мастера, подписывавшего свои работы инициалами M.S., который являлся автором живописных изображений и, возможно, скульптур на евангельские сюжеты, созданных для церкви св. Катарины в Банской Штьявнице.

Мастер Шебастьян, характер и судьба которого представлены в романе более рельефно, наделен многими чертами художника-гуманиста своего времени. Выходец из небогатой семьи словацкого рудокопа и немецкой колонистки, он образован, начитан, знаком не только с лучшими образцами европейского искусства, но и с многими их творцами. Интеллектуальный поиск сочетается у него с постоянной рефлексией, сомнениями в собственных силах и таланте. Автор в своей реконструкции делает попытку проследить ход мысли художника, описывая реальные картины M.S., сохранившиеся в разных собраниях. Так «воссоздается» рождение замысла алтарной панели «Христос на Масличной горе»: «Он искал канон и нашел его. Вот он: мы восходим вверх по картине, как по ступеням страха [...] Шебастьян чертит ломаную линию и соединяет лица фигур на будущей картине» [6. S. 111].

Параллельно с линией жизни Шебастьяна, этого почти анонимного, безвестного человека, в романе прослеживается судьба знаменитой королевы Беатрисы Арагонской, покровительницы наук и искусств, ставшей игроком и жертвой придворных интриг в борьбе за венгерский престол; их пути по ходу сюжета изредка символически пересекаются.

Историческими сведениями автор насыщает и собственное повествование от третьего лица, и высказывания персонажей, создавая атмосферу не только реальности исторического времени, но и особого многоголосия. Так, сведения о процветающих, богатых серебром и золотом шахтерских городах, об их быте и отношениях с другими частями Венгрии читатель получает из красочного рассказа-монолога хозяйки придорожного трактира, где останавливается

Шебастьян с своими попутчиками. Иногда роль повествователя от первого лица переходит к другому персонажу — наставнику Шебастьяна священнику Матушу; в романе эти места в тексте обозначены словами «Из воспоминаний патера Матуша».

Нередко по ходу сюжета происходит смена места и времени действия, автор использует прием ретроспекции. Так, например, описывается одно из важных жизненных впечатлений художника: «Воспоминания из Нюрнберга: мастер Шебастьян сидит в корчме рядом с Дюрером, таким же молодым, как и он сам, слушает его медлительную и завораживающую немецкую речь» [6. S. 74]. Упоминает он и мастера Павла, создателя уникального деревянного алтаря в Левоче, и другого своего современника, «мастера из Флоренции, которого зовут Микеланджело» [6. S. 182].

Критика 1970—1980-х годов приветствовала возрождение крупного эпического жанра, возможно, не всегда верно определяя идейную сущность произведений. Так, автор относящегося к этому явлению и вошедшего в литературоведческий обиход определения «новый историзм прозы» В. Шабик полагал, что «динамика развития прозы отразила динамику современного общественного процесса, процесса создания новых и пересмотра прежних ценностей», что «новый роман является продуктом нового исторического сознания прозы, обусловленного активным участием литературы в жизни народа» [7. S. 101].

Сегодняшнее словацкое литературоведение (Р. Билик и др.) рассматривает волну исторической прозы 1970—1980-х годов в историко-литературном контексте, связывая ее с поисками национальной идентичности конца 1960-х годов (эссе В. Минача, Д. Татарки). Критически оценивая концепцию Минача как национально ограниченную, закрытую от исторического венгерского контекста, Р. Билик видит в апологетике «нового историзма» 1970—1980-х годов идеологическую попытку «расширения настоящего», однако подчеркивает и другую сторону этого явления: «Тематизация прошлого с упором на труд и национальный аспект позволила авторам избежать отражения настоящего в декларируемой в то время версии» [8. S. 214].

Действительно, в возникновении рассмотренной нами волны исторической прозы определенную роль сыграли и внелитературные факторы периода «нормализации», затронувшие не только словацкую, но и чешскую литературу. Со стороны идеологически ангажированной критики, особенно в 1970-е годы, в адрес писателей звучали и рекомендации и даже требования освещения тем современности. Следствием стало обращение многих из них к прошлому с тем, чтобы не просто уйти таким образом во внутреннюю эмиграцию, но и исподволь проанализировать и осмыслить исторические закономерности словацкого пути, истоки национального характера. Эссе В. Минача, несомненно, интересны по своим идеям и отличаются яркостью и эмоциональностью изложения; современный исследователь творчества писателя П. Матейович с полным основанием называет его «мастером этого жанра, создателем современной словацкой эссеистики» [9. S. 3]. Однако их все же не следует рассматривать как некое руководство для исторической прозы, хотя написанные почти на десятилетие позднее романы В. Шикулы, П. Яроша и другие в определенном смысле перекликаются с ними.

Эти произведения представляют несомненный интерес для исследования; они составили самую значимую часть литературного фонда 1970—1980-х годов и по праву занимают достойное место в словацкой литературе XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Šikula V.* Majstri. Bratislava, 1976.
2. *Mináč V.* Dúchanie do pahrieb. Bratislava, 1972.
3. *Jaroš P.* Tisícročná včela. Bratislava, 1979.
4. *Šikula V.* Matej. Bratislava, 1983.
5. *Johanides J.* Marek koniar a uhorský pápež. Bratislava, 1983.
6. *Hykisch A.* Čas majstrov. Bratislava, 1983.
7. *Šabík V.* Čítajúci Titus. 1982.
8. *Bílík R.* Historický žáner v slovenskej próze. Bratislava, 2008.
9. *Matejovič P.* Vladimír Mináč a jeho životný príbeh // Sme. 2016. № 6.

© 2017 г. *Н.Н. СТАРИКОВА*

СЛОВЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ 1990-х годов

В статье рассматривается литература Словении в первое десятилетие после обретения государственной самостоятельности (1991). На это время пришелся процесс адаптации литературы и всей литературной инфраструктуры к новым общественным обстоятельствам.

The article considers Slovenian literature in the first decade after the proclamation of the state sovereignty (1991). This period was marked by the process of adaptation of literature and the whole literary infrastructure to new social realities.

Ключевые слова: словенская литература, независимая Словения, переходный период, эстетический плюрализм.

Keywords: Slovenian literature, independent Slovenia, transitional period, aesthetic pluralism.

В XX в. Словения (как и вся Европа) испытала масштабные потрясения. Первая и Вторая мировые войны, драматическая эпопея борьбы с фашизмом и гражданская война, завершившийся крахом опыт строительства социализма – все это нашло отображение в потоке произведений разной идейной и эстетической направленности, ставших красноречивыми свидетельствами времени. Минувшее столетие почти на всем протяжении представляло плацдарм столкновения идеологий, поставив Словению перед выбором между фашизмом и коммунизмом, между коммунизмом и демократией. Литература оказалась в гуще идеологических столкновений и испытывала сильнейшее их давление. Оно было различным на разных этапах, но присутствовало на протяжении всего столетия, нередко принимая насильственно-репрессивные формы. Период социалистического строительства отличался особенно настойчивым стремлением властей к контролю над литературой. Однако и в этот период искусству удавалось сохранять известную автономность. Наиболее значимыми этапами словенского литературного процесса XX в. можно считать межвоенное двадцатилетие с его «атмосферой свободного художественного поиска, идейных и философских споров и значительного художественного плюрализма» [1. С. 217], «оттепельные» 1960-е годы, а затем и «транзитивные» 1990-е. В условиях политико-идеологического прессинга литература сумела выработать специфические формы художественного сопротивления, которое расшатывало идейные и художественные стереотипы и мифы и делало процесс освобождения художественного слова от диктата

Старикова Надежда Николаевна – д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.

идеологии необратимым. Именно со страниц художественных произведений впервые в послевоенной словенской истории зазвучала критика политической системы, литература первой обратилась к запретным темам недавнего прошлого и современности (сфабрикованные политические процессы и расправы без суда, лагеря для политзаключенных, политические репрессии). На закате титовской эпохи литературные инициативы словенских писателей, по сути, заменили «отсутствующие институты “нормального” политического плюрализма» [2. С. 49]. Именно писатели привлекали внимание общественности к несовершенству существующей политической системы, пробуждая желание ее изменить, что, в конечном счете, привело к обретению словенцами государственности.

1990-е годы – важнейший этап в новейшей истории словенской литературы, время, когда естественным образом отпала необходимость в тех отнюдь не художественных обязанностях, которые литература была вынуждена выполнять на протяжении практически всего своего пути. Историческая судьба народа стала первопричиной особой миссии, которую осуществляла литература: через художественное слово шло для него осознание единства словенской нации. На протяжении нескольких веков важнейшей задачей словесности на словенском языке была самоидентификационная, ведущей функцией – национально-охранительная. Бессменно находясь на страже национальных интересов, защищая и культивируя национальные ценности, литература на самых разных этапах словенской истории и особенно в ее переломные моменты (1848, 1918, 1945, 1991 гг.), с одной стороны, становилась орудием внедрения в общественное сознание различных программ национального возрождения, с другой – стремилась интегрироваться в общеевропейский литературный процесс. В немалой степени благодаря особому положению литературы внутри национальной мифологии, сохранению ею «кода» нации, амортизировался культурный и идеологический прессинг со стороны властей всех государств, в состав которых входила Словения. И вот высокая и благородная цель достигнута: после первых многопартийных парламентских выборов в 1990-м и победы коалиции демократических партий «Демос» 25 июня 1991 г. провозглашена Республика Словения. После этого литература Словении, казалось бы, должна была утратить свой привычный статус *борца за* – язык, культуру, национальное самосознание, наконец, за национальную независимость, но инерция многовековой самозащиты – своеобразный «посттравматический синдром» – дала о себе знать, что проявилось, в частности, в активности художественной публицистики, получившей после провозглашения суверенитета практически абсолютную свободу. Большинство действующих прозаиков, поэтов, драматургов, критиков самых разных поколений и политических взглядов считали своим долгом хотя бы раз выступить с полемической статьей, очерком, эссе или памфлетом на страницах ведущих газет и журналов. При этом полярность выдвигаемых точек зрения от призывов к очищению и обновлению христианского гуманизма до дискуссии о «фашизации» современной словенской культуры просто поражала. Литература вновь стала объектом пристального внимания со стороны католических кругов, политическая роль которых отчасти благодаря позиции нового главы словенских католиков архиепископа Ф. Роде с его призывом «Тот, кто хочет быть истинным словенцем, должен быть истинным христианином!» в 1990-е активизировалась.

Главной ареной социокультурной полемики 1990-х стал журнал «Nova revija», подхвативший эстафету «вольных» изданий конца 1950-х — начала 1960-х годов «Revija 57» и «Perspektive», вокруг которых в годы «оттепели» группировалась либеральная словенская интеллигенция. В июне 1980-го шестьдесят словенских деятелей культуры, большинство из которых являлись преподавателями Люблянского университета, обратились к властям с идеей учреждения нового литературно-критического периодического издания — журнала, в котором «затрагивался бы широкий спектр общественных и культурных вопросов» [3. S. 1155]. Первый номер вышел в мае 1982 г. В редакционный совет вошли поэты Н. Графенауер, С. Макарович, Борис А. Новак, философ Т. Хрибар, литературный критик А. Инкрет, прозаик Д. Рупел. Несмотря на то, что официально «Nova revija» имела подзаголовок «культурный ежемесячник», издание не только обращалось к проблемам культуры, литературы и искусства, но и вело яростную полемику по общественно-политическим и национальным вопросам, касающимся как словенского, так и общеевропейского контекста, став, фактически, первым легальным органом политической оппозиции, с его страниц впервые в Словении публично прозвучали требования демократизации, введения многопартийной системы, установления конфедерации. «Nova revija» стала одним из рычагов влияния на массовое политическое сознание, катализатором общественных перемен. Не случайно и первая попытка дать характеристику состоянию национальной культуры в первое десятилетие независимости была сделана на ее страницах (206 номер 1999 г.). Высоко оценивая историческую роль культуры в целом и ее конкретный вклад в обретение словенцами государственности, редакторы номера Ф. Бучар, П. Ямбрек, Й. Пучник, Н. Графенауэр, Р. Шелиго, Д. Янчар в заключительном резюме подчеркивают, что новые условия требуют новой системы национальных духовных ценностей [4. S. 368]. Одним из важных факторов ее формирования становится литература.

Последнее десятилетие XX в. получило в словенской литературной критике целый ряд определений. Это и «время постмодернизма», и время «транзитивности», в которое формируется «литература переходного периода», время доминирования «автопоэтик». При этом, несмотря на порой декларируемое отдельными писателями безразличие к объективной реальности, речь не шла о полном ее игнорировании художественной литературной практикой. Литература независимой Словении активно искала не только свое место в новой системе координат, но и новые способы взаимодействия с действительностью, стремясь быть востребованной в контексте всей меняющейся европейской общественно-политической архитектоники. И в этом смысле круг проблем, с которыми столкнулась словенская литература в 1990-е, сходен с теми, что решали другие литературы, имевшие за плечами опыт социалистического строительства. Прежде всего, это вопрос «выживания» в условиях рынка, отсюда — тенденция общего «облегчения» и «тривиализации» литературных жанров в сторону детектива, триллера, фантастики, усугубляющаяся тем огромным количеством переводной и не всегда качественной, но доступной продукции, которая «забывает» отечественную. Другая особенность — активность и востребованность так называемых паралитературных жанров: политических мемуаров, нехудожественных автобиографий, путевых записок, эпистолярных. Получили развитие направления, ранее почти не представленные: литература сексуальных меньшинств, эротическая и феминистская беллетристика, реальную конкуренцию напечатанным текстам начали составлять

и первые виртуальные опыты. Еще один характерный симптом – сохранение синдрома «преследования», стремление догнать европейский литературный стандарт и вписаться в него. Здесь бесспорным лидером гонки становится постмодернизм. И если постмодернистские «одежды», в прозе примеренные Б. Градишником и М. Швабичем еще в 1970-е годы, были скорее формой протеста, чем формой мироощущения, то вчерашние молодые – а в 1990-е уже сорокалетние – А. Блатник, Т. Перчич, М. Новак в основном озабочены проблемой себя в постмодернизме, а не постмодернизма в себе, и с этой точки зрения постмодернистская чувствительность, т.е. ощущение мира как хаоса, в котором отсутствуют критерии ценностей и смысловые ориентации, – не для них. Традиция собственной «постмодерности» вытекает исключительно из их личных представлений о ней, поэтому словенский постмодернизм трудно назвать явлением целостным с историко-литературной и социокультурной точек зрения. Однако в определенной степени именно благодаря воздействию на литературу эстетики постмодернизма оказался преодолен стойкий и последовательный консерватизм словенского художественного сознания (демонстративная лояльность к национальной традиции, неприкосновенность таких абсолютных величин, как патриотизм, национальное самосознание, литературная иконография, родной язык), наблюдающийся у словенцев, при всем их тяготении к западноевропейскому опыту – будь то декаданс, авангард или экзистенциализм, на протяжении последних полутора веков, и породивший значительное снижение потенциала иронического и пародийного в национальной литературе в целом. Постмодернизм дал возможность карнавализации (веселой относительности) самой причастности к национальной художественной классике, к тем клише, которые неизбежно приобретает любая литература в процессе своего функционирования. Впервые иерархия архетипических художественных ценностей была подвергнута «оперативному вмешательству», благодаря которому многие табу были сняты.

В типологическом плане весь спектр изысканий в области художественного слова «укладывался» в 1990-е в два основных потока: произведения, сконструированные с помощью «классического» вымысла, т.е. повествования, исповеди, и так называемая метафиктивная литература, в основе которой – подчеркнутая игра с языком, информационным кодом, цитатой, метафиктивность построения фабулы и подверженность интертекстуальным экспериментам. При этом четкой границы между двумя этими потоками нет. Они сосуществовали синхронно, одновременно опираясь на национальную литературную традицию и отталкиваясь от нее. Особенностью 1990-х стало именно обилие произведений, которые можно назвать «романами с элементами постмодернизма», где классическая повествовательная традиция «вбирает» компоненты иного художественного опыта, и постмодернистские приемы не служат для постмодернистских целей, тогда как количество «чистых» постмодернистских текстов не особенно велико. Таким образом, несмотря на заявленную частью словенской критики «эру постмодернизма» сами постмодернистские явления в литературе носят «мерцательный», дискретный характер. Желание интегрироваться и соответствовать оказывалось сильнее реальных художественных возможностей, и литературоведческая теория иногда даже несколько опережала художественную практику: работы Я. Вирка «Постмодерн и “молодая словенская проза”» (1991), Т. Штока «Зеркальное

отражение» (1994), Я. Коса «На пути к постмодерну» (1995), М. Ювана «Отечественный Парнас в кавычках: пародия и словенская литература» (1997).

В литературе 1990-х можно обнаружить следы классического реализма, магического реализма, модернизма, экзистенциализма, в ней присутствует часть тематического спектра предыдущего периода. Продолжается традиция автобиографической прозы: опираясь на сюжеты из личной жизни, пишут свои романы Н. Габрович – «Малахорна» (1989), Ф. Рудольф – «Открываю мельницу, закрываю мельницу» (1989), П. Зидар – «Новолуние. Огни неизвестности» (1990), Л. Ковачич – «Хрустальные времена» (1990), Н. Пирьевец – «Меченая» (1992), Д. Янчар – «Насмешливое вождение» (1993). Элементы автобиографизма лежат и в основе антиутопий Берты Боету Боета «Филио нет дома» (1990) и «Птичий дом» (1995). Тема женской эмансипации и одновременно зависимости, тема женщины-творца, ищущей себя в искусстве, выстрадавшая автором (по первой профессии театральной актрисой), несмотря на дань, отданную эротике и мистике, раскрывается ею с искренностью и трагизмом.

Остается востребованным исторический роман, причем такие разные его варианты, как историческая биография и новый исторический роман, синтезирующий современный и ретроспективный пласты. Авторы исторических биографий Т. Ковач-Артемис «Словенский оратор доктор Янез Блейвейс» (1990) о деятеле словенского возрождения и И. Сивец «Утро Иванова дня. Повесть об Адаме Равбаре, словенском витязе» (1993) о военачальнике, победившем турок в конце XVI в., – в своем стремлении обратить внимание публики на забытые страницы национальной истории и привлечь внимание читателя (в случае с Блейвейсом) к исторической миссии своих героев в целом преуспели.

Романы «Дочь короля» (1997) И. Шкамперле, «Скарабей и весталка, роман о грабителях душ» (1997) Ф. Лаиншчека, «Звон в голове» (1998) Д. Янчара объединяет общий для всех трех авторов прием: внедрение истории в современную фабулу. У Лаиншчека это исторические сны, которые видит и в которых одновременно живет древней жизнью современная героиня Карла Марчлевская, у Шкамперле – две параллельно развивающиеся сюжетные линии: одна, повествующая о жизненных перипетиях профессора Триестского университета Эрнста Фабиана, другая – обращенная к судьбе алхимика XVI в. Михаэля Мейера. Интересен и опыт Янчара, включившего в трагический сюжет о восстании заключенных в югославской тюрьме эпизоды осады иудейской крепости Масада римлянами в 66 году.

Подъем переживает литература, авторы которой широко используют мифологический, этнокультурный или фольклорный материал отдельных областей Словении; их произведения часто сравнивают с текстами «магического» реализма. М. Томшич, В. Жабот и Ф. Лаиншчек создают романы, действие которых происходит в сельской местности: у Томшича – на юго-западе, в словенской Истрии, у Жабота и Лаиншчека – на северо-западе, в Прекмурье. Все трое опираются на местный этнологический колорит, верования, суеверия, обычаи и легенды, включают в реалистическое повествование необычные, фантастические события, «приправляют» свои тексты магией волшебства. Язык их произведений регионально окрашен, часто архаичен, иногда существенно отличается от литературного. Томшич, которому эстетически близки латиноамериканские «магические» реалисты Г.Г. Маркес и М.А. Астуриас, в своих романах «Оштригеца» (1991) и «Кукурузное зерно» (1994) продолжает писать

о женщинах, живущих в словенской Истрии, «шавринках», к теме которых впервые обратился в 1980-е годы. Все происходящее в романах Жабота — «Пастораль» (1994), «Волчьи ночи» (1996) и «Нимфа» (1999) по-кафкиански осложнено патологическими поступками героев, часто включает фантастические мотивы старославянской мифологии, еще присутствующей в сознании старшего поколения прекмурцев. Писатель часто апеллирует к бессознательному, к той области, где главенствуют неодолимые «темные» силы. Произведения Лаиншчека, среди которых выделяются романы «Вместо кого цветет цветок» (1991), «Та, которую принес туман» (1993), «Скарабей и весталка» (1997), «Петушиный завтрак» (1999), несут в себе черты традиционного реалистического повествования в сочетании с элементами постмодернизма и «магического» реализма, научной фантастики, детектива, исторического романа, в них часто используется этнографическое наследие паннонских цыган. Так, в романе «Вместо кого цветет цветок» рассказывается история молодого музыканта, прекмурского цыгана, описаны подробности цыганской жизни, проблемы, обычаи и привычки цыган. Автор вводит словенского читателя в мир иных общественных, нравственных и культурных ценностей.

Новые художественные решения, продиктованные новой общественно-политической, культурной и литературной ситуацией, в 1990-е годы ищут не только авторы, вышедшие на литературную авансцену впервые, но и те, кто уже громко заявил о себе, например автор автобиографически окрашенной, написанной под влиянием М. Пруста модернистской прозы Л. Ковачич. В 1993 г. выходит его сборник коротких рассказов или легенд «Истории с крышек ульев», занимающий особое место в творчестве писателя как своеобразный эксперимент с поэтикой постмодернизма. Сборник включает рассказы, написанные по мотивам сюжетов рисунков, взятых с расписных крышек ульев. Писатель существенно отходит от своей излюбленной модернистской повествовательной модели, опирается на жанр народной сказки, для которой характерна аллегоричность. В первый и последний раз в своей прозе через интертекстуальные связи с фольклорными мотивами и имитацию стиля народных сказаний прозаик вносит в свой текст постмодернистские элементы. Одной из наиболее выразительных является «История про двухголового сына», повествующая о бедной девушке Ерице, родившей внебрачного сына с двумя головами, при крещении получившего имя Янез. Одна из голов на общем теле, правый Янез, добрый, благородный и набожный, левый же Янез злобен и жестокосерден. Из-за этих отличий их желания и действия постоянно вступают в противоречия, поэтому финал истории трагичен: левый Янез в порыве ярости душист правого и тем самым убивает самого себя. В этом сюжете есть аллюзия не только на фольклор, но и отсылка к древнему мифологическому мотиву близнеца или двойника, популярному в литературе XIX в. — демонический двойник человека противопоставлен ангелу-хранителю у немецких романтиков, Э. По, Г. де Мопассана и Ф.М. Достоевского. Ковачич интерпретирует этот мотив по-новому, придает своей версии символическое звучание. На территории бывшей Югославии нарицательным именем «янез» издавна пренебрежительно называли выходцев из словенских земель, поэтому в истории про левого и правого Янеза можно увидеть прямую отсылку к политической ситуации в Словении перед и во время Второй мировой войны, когда словенцы были разделены на левых (либералов, затем коммунистов) и правых (консерваторов, до войны объединенных в клерикальный блок), что в итоге привело к гражданской войне. Образ двух Янезов, противоречия между которыми не только непреодолимы, но способны

угрожающе усиливаться — это аллегория бессмысленного и абсурдного самоуничтожения, уже печально известного в национальной истории.

Часть авторов «молодой словенской прозы», заявившей о себе в конце 1980-х годов продолжают следовать известной формуле «мир как текст» с ее невозможностью отделить произведение от описываемой действительности и незавершенностью конечного результата. С романами действующих «классиков» постмодернизма «Кто-то другой» (1990) Б. Градишника, «Конгресс или убийство в территориальных водах» (1993) и «Соседки» (1995) М. Новак, «Тао любви» (1996) А. Блатника успешно конкурируют произведения амбициозных дебютантов М. Новак-Кайзер «Особые нежности» (1990), С. Боровник «Страшилки» (1990), К. Маринчич «Цветочный сад» (1992), Т. Перчича «Изгоняющий дьявола» (1994).

Очень показателен для рассматриваемого десятилетия роман Д. Янчара «Насмешливое вожделение» (1993), продолжающий традицию достаточно актуального для словенской прозы 1980-х типа романов писателей о самих себе (М. Рожанц, В. Зупан, Э. Флисар) и тяготеющий к синтезу элементов разных стилевых направлений. Тема освоения современным словенцем новых мировых пространств, ранее наиболее успешно воплощенная в бестселлере Э. Флисара «Ученик чародея» (1986) о путешествии автора в Индию и Непал, подается Янчаром через собственный «интеграционный» опыт и явно с учетом изменившихся конъюнктурных требований: в романе использован набор «проверенных» художественных приемов, среди которых и заигрывание с библейской тематикой, и исторический компонент, и умеренная эротика «со вкусом», и полифоничность, и аллюзии с литературной классикой. Вместе с тем, эта книга, по мнению критика Т. Вирка синтезирующая кафкианские и кундеровские мотивы [5. S. 91], действительно являет собой один из наиболее интересных примеров национального автобиографического романа. Не случайно сразу же после выхода в свет он был переведен на несколько европейских языков. Главный герой «Насмешливого вожделения» — известный словенский писатель, родом, как и автор романа, из Марибора, Грегор Градник — собирательное имя, знаковое для словенской литературы, составлено из фамилии известного поэта XX в. с трагической судьбой Алойза Градника (1882—1967) и имени другого талантливое и рано ушедшего из жизни современного поэта Грегора Стрниши (1930—1987) — в поисках преодоления обуявшей его на родине меланхолии, вызванной кризисом среднего возраста, приезжает в Америку с тайной сверхзадачей: найти иной менталитет, формирующий иной тип личности — антипода загадочной «славянской души». В быту же он приглашен преподавать азы так называемого креативного литературного метода слушателям нью-орлеанской специализированной школы писателей «College of Liberal Art». Градник хотел бы остаться в Нью-Йорке, но стипендия (и, кстати, немалая, ибо дает ему возможность скопить денег на покупку дома нового автомобиля) есть только в Новом Орлеане. Согласно идее профессора Фреда Блауманна, руководителя этой школы, на литературном поприще может преуспеть любой, ибо писатель — такая же профессия, как врач, адвокат, продавец и т.д., важно лишь знать методологию и не ставить восклицательный знак в конце финальной фразы. Объясняя новичку из Словении задачи учебного заведения, Блауманн подчеркивает: «Мы здесь не учим литературе, мы их здесь учим писать, никаких великих тем, только аутентичное выражение самих себя» [6. S. 16]. Идея тиражирования «мастеров слова» вызывает у героя ироническое недоумение и снисходительную улыбку. Сам он глубоко убежден,

что научить творчеству нельзя, писателем можно только родиться, и считает, что его собственный пример — лучшее тому доказательство. Градник довольно быстро осваивает принятый в южных штатах образ жизни: вместе с новыми приятелями — фотографом Гумбо и писателем Питером Диамантом, звездой метода Блауманна, эксплуатирующим тему велосипеда в Новом Орлеане (его книга «Новый Орлеан с велосипеда» — уже бестселлер), успешно «вписывается» в ночную жизнь города с его многочисленными барами, джаз-клубами, кварталами красных фонарей и знаменитой Бурбон стрит, попутно заводит бурный роман с очаровательной Ирен. После разрыва с ней герой возвращается в Словению, где предается размышлениям о своей американской жизни, при этом острее и глубже ощущая свою близость родине. Родные места, а также недавний короткий роман наводят его на мысль о том, что меланхолия является неотъемлемой частью души жителя нынешней Центральной Европы.

Снабженные ироническим подтекстом бытовые зарисовки и реалии американской жизни (обилие одновременно толстяков и джоггеров¹, поющие в ночных клубах старые русские эмигрантки и наглые черные официанты, нью-орлеанский карнавал и нью-орлеанский джаз) — глаз у Янчара наблюдательный и цепкий, вкус к детали необыкновенный — перемежаются с материалами из компьютера Блауманна, который пишет «нечто между прозой и эссе [...] что будет fiction и non fiction» [б. S. 32] о меланхолической материи. Американский профессор опирается на обширный труд английского протестанта Роберта Бёртона «Анатомия меланхолии» (1621), в котором делается попытка под медицинским, психологическим и философским углом зрения проанализировать это состояние человеческой души и организма, его причины, симптомы, последствия, способы лечения и разновидности. Бёртон выделяет меланхолию любви и науки, желания и религии, наконец, меланхолию одиночества, один из самых опасных видов, потому что именно она ведет к ипохондрии. Герой знакомится с текстом рукописи, черпая из него все новые исторические свидетельства, статистические данные, сведения о других видах искусства, касающихся предмета исследования (например о картине А. Дюрера «Меланхолия I»). Искусно лавируя между реальными документами и стилизацией, Янчар включает в «меланхолический блок» отрывки из «научных» статей, латинские четверостишия в словенском переводе, стихотворение «Меланхолия» австрийского поэта рубежа веков Г. Тракля, библиографию исследований о меланхолии, начатую Блауманном с Константина Афинского, снабжает роман несколькими развернутыми псевдонаучными классификационными справочными таблицами по меланхолии, включающими практические советы занемогшим, а также «средневековый» анатомический атлас уязвимых точек человеческого организма, на котором ярко-красным маркером под двенадцатым ребром справа указано место самой опасной для человека точки хандры, именуемой «spleen». Сам же Блауманн — потенциальный освободитель человечества от чумы конца XX в. — депрессии, несмотря на всю свою теоретическую подкованность, становится жертвой такого непредсказуемого рода исследуемого им недуга, как меланхолии любви, воспылав к своей слушательнице Мег безответной страстью, и чуть не совершает самоубийство. Касаясь вечной темы жизни и смерти, писатель чуть ли не впервые в своей литературной практике прибегает к открытому гротеску — рекламе самоубийства.

¹ Jogger (англ.) — любитель оздоровительного бега.

В книге, которая практически целиком — от мозаики отдельных сцен до внутренних монологов главного героя написана от третьего лица, Янчар вдруг напрямую обращается к читателю:

Вы несчастны?

Вам скучно?

Вас презирают?

*Воспользуйтесь единственным средством, которое всегда сработает—
самоубийством!*

С самоубийством навстречу новым успехам!

Самоубийство принесет радость в семью!

Общественное уважение вы достигнете только самоубийством!

Настоящее наслаждение — наслаждение самоубийством!

Без самоубийства вы не будете счастливы в жизни!

Без колебаний!

Закажите веревку «Тоска» и вашим мукам конец! ...

Обратитесь в кампанию «Смерть & Со». [6. S. 251–252].

Роман Янчара ироничен, его Градник самоироничен. И насмешка героя над самим собой — средство самообороны автора, с отвращением отторгающего измеряемую рейтингом, маркетингом и IQ (коэффициентом интеллекта) систему американских жизненных ценностей. Чего стоит один домашний таракан, «сосед» героя по гарсоньере, в котором тот находит «родственную душу». Для современных жителей южных штатов оказывается именно таракан — насекомое-эмигрант, вместе с переселенцами из Европы приплывшее в Новый Свет, является наряду с фасолью с рисом и джазом символом Нового Орлеана. Чтобы закрепить их с тараканом экзистенциальную близость, Градник в совершенно кафкианском духе называет его Грегором. В сцене интимной близости с Ирен автором иронично и изяшно обыгрывается чуждый американскому слуху шумный зубной звук «ж» как необычайно эротичный: в постели словенский писатель обучает свою возлюбленную-американку правильному произношению слов «жжелание», «вожжеление».

Очень точно определив свою функцию в новой обстановке: «Я наблюдатель [...] наблюдаю за тем, что здесь на другом конце света со мной происходит» [6. S. 12], герой, как и его прусак, является частью вечного и бесконечного движения мироздания, но, в отличие от последнего, способен это ощутить. На другом конце планеты ему не удастся встретить кого-то, кто бы кардинально отличался от него самого, но ему, «альпийскому меланхолику», а не джоггеру, глубоко чужд сумасшедший ритм Америки, и с чувством нескрываемого облегчения он возвращается домой, где его ждет любимая жена, могила скоропостижно умершей матери и «тот кусок терпеливой и преданной земли, которому он, Грегор Градник, нужен» [6. S. 280]. Ироническое, окрашенное юмором и сатирой повествование заканчивается на неожиданно высокой пафосной ноте. Вернувшись в Словению герой едет в деревню, откуда ведет начало его род, разыскивает в лесу древний могильник, чтобы, глядя сквозь дрожащие ветки в щель между землей и небом, с удовлетворением сказать самому себе: «Я дошел до могил, которые знаю с детства» [6. S. 282]. В целом, несмотря на постмодернистскую маску, временами надеваемую автором, его роман далек от идейных принципов постмодернизма.

1990-е годы стали важным переходным рубежом в биографии современной словенской литературы. Под влиянием общественных катаклизмов и пост-

модернистской парадигмы роль художественного слова начинает трансформироваться. Как отмечает Я. Кос, в Словении постепенно начало «утверждаться представление о том, что литературу, как и все прочие сферы культуры и цивилизации, следует понимать как производственно-потребительское поле деятельности, что означает ее подчинение рынку, вкусу и “потребностям” читателя» [7. S. 381]. Такой подход потребовал новых способов продвижения беллетристики, что, в свою очередь, оказало влияние на издательскую политику, критерии присуждения литературных премий и даже формирование литературного канона. В условиях нового экономического, политического и социокультурного контекста меняется сам строй художественности: соотношение в ней «высокого» и массового компонентов, острее встает проблема «обратной связи» литературного текста с читателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Старикова Н.Н.* Словенский исторический роман в XX в.: национальное и универсальное // Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2006.
2. *Juvan M.* «Postmodernizem in “Mlada slovenska proza”» // *Jezik in slovstvo*. 1988–1989. № 3.
3. *Gabrič A.* Kulturniška «opozicija» podira tabuje // *Slovenska novejša zgodovina*. 1848–1992. Ljubljana, 2005.
4. *Bučar F., Jambreč P., Pučnik J., Grafenauer N., Jančar D., Šeligo R.* Programske točke // *Nova revija*. 1999. № 206. Letnik XVIII.
5. *Virk T. D.* Jančar. Posmehljivo poželenje // *Literatura*. 1993. № 26–27.
6. *Jančar D.* Posmehljivo poželenje. Celovec; Salzburg, 1993.
7. *Kos J.* Primerjalna zgodovina slovenske literature. Ljubljana, 2001.

© 2017 г. В. ПАПОУШЕК

МЕТАФОРА И ИСТОРИЯ

Статья исходит из некогнитивного толкования метафоры Д. Дэвидсоном и связанного с этим концепта Ричарда Рорти о роли метафоры в истории. Автор статьи аргументирует свою трактовку произведения как комплекса иллокутивных актов, составляющих своего рода целое, которое можно назвать метафорой. Это произведение-метафора вмешивается с разной степенью активности в общественный дискурс и в определенных случаях обретает возможность изменять нашу терминологию и представления о литературе.

The article takes the premise of the non-cognitive interpretation of metaphor suggested by D. Davidson and the related concept of Richard Rorty about the role of metaphor in history. The author suggests his own interpretation as a complex of illocutive acts, composing a sort of entity, which could be called metaphor. This oeuvre-metaphor intervenes, with different degree of activity, into the public discourse and in some cases acquires the ability of changing our terminology and ideas about literature.

Ключевые слова: метафора, история, иллокутивный акт, некогнитивное толкование метафоры, литература.

Keywords: metaphor, history, illocutive act, non-cognitive interpretation of metaphor, literature.

Многие из тех, кто изучает историю литературы, с непостижимой легкостью считают объекты своих исследований или интересов весьма доступными. Вроде бы вполне достаточно ввести «объекты» литературных произведений и событий в некий структурированный ряд, и можно предположить, что если кто-нибудь скажет «Гамлет», то это слово для другого человека будет означать особое явление в истории литературы или культуры. Можно предположить также, что образованный человек поймет, что речь идет о пьесе Шекспира и что Гамлет — датский принц, который притворяется сумасшедшим, чтобы узнать, кто стал убийцей его отца.

Очевидно, что подобного примитивного описания недостаточно для идентификации объекта внимания, хотя не исключено, что кому-то и этого вполне бы хватило. Представим себе отдельное произведение как отпечаток текста, образчик или диаграмму каких-то значимых приемов (методов), которые позволили бы читателю или зрителю искать в этом отпечатке определенный смысл. При этом необходимо, чтобы этот «образчик текста» был идентифицирован разными реципиентами с большим единодушием, чем при описании

Папоушек Владимир — профессор, декан философского факультета Южночешского университета (г. Ческе Будейовицы).

сюжетной линии и определении имен персонажей. Такое «отдельно взятое произведение» охарактеризовать бывает весьма трудно из-за разнообразия интерпретаций, трансформаций оригинального текста, переводов и других метаморфоз, которые оно претерпевает с течением времени. (Мы исходим из свободной интерпретации статьи Питера Фредерика Стросона «Идентификация отдельности» (см. [1. S. 265–283].)

Отдельно взятый текст трудно поддается осмыслению. Его можно было бы легко отделить от семиотически активного окружения, куда могут входить цензура, идейные замыслы, либо зависящие от времени и групповых интересов тематические или иные ограничения вплоть до запретов. Здесь вряд ли пригодится риторика типа: «это “Бабушка” Божены Немцовой, а это “Май” Карела Гинека Махи». Более допустимы такие определения: «я вижу в маховском “Мае” то-то и то...», что выражает как субъективную неуверенность в идентификации данного текста и его исторических связей, так и сознание его переменчивости во времени и культуре.

Попробуем теперь рассмотреть проблему идентификации отдельных литературных явлений с помощью инструментария классической семиотики.

Чарльз Сандерс Пирс с помощью своей, не всегда ясной терминологии, искал такую первозданную связь между объектом и знаком, какую он видел в иконе. Икона, по его мнению, отсылает к исходному объекту и является первичной формой его обозначения [2].

Представим себе, как некогда, в стародавние времена возникло стихотворение, впервые воспевшее красоту дерева. Итак, когда-то росло дерево «А», перед ним оказался человек «В», который хочет поделиться своим впечатлением с неким сообществом «С». Сделал он это с помощью стихотворения, которое обозначим x_1 – т.е. первое стихотворение о красоте дерева. Однако теперь в нашем рассуждении о «первичности», где бы фигурировали дерево, поэт и стихотворение, возникают трудности с их идентификацией. Прежде всего, если то, что сочинил субъект «В» было стихотворением, откуда ему и его слушателям известно, что речь идет именно о стихотворении. Для этого уже должны были бы сложиться представления о данном понятии на основе множества примеров, которые бы позволили идентифицировать произнесенное субъектом «В» как стихотворение.

Что из этого следует? Прежде всего то, что практически невозможно встретиться с истинным первоисточником, что стихотворение не отсылает нас к какой-то конкретной реальности, и что наше восприятие стихотворения основано не на некоей его иконической «первозданности», а на представлениях об определенной схеме – «диаграмме» (термин Ч.С. Пирса), на основе которой мы можем судить, что повстречавшийся нам объект является стихотворением.

Если же мы тем самым работаем скорее с диаграммой, чем с отдельным явлением, необходимо осознать ограниченность нашего к ней подхода, поскольку она содержит всего лишь некий x (икс) из числа объектов, зовущихся стихотворениями, которые отдельный человек не способен охватить во всем их объеме. Никто из историков литературы не может знать количество стихов о красоте деревьев, которые есть во всех языках. Ему доступна лишь редуцированная репрезентация их диаграммы, в принципе случайной и зависящей как от начитанности литературоведа, его вкусов, интеллекта, замыслов, с которыми он приступает к данному материалу, так и от его способности

идентифицировать стихотворение как жанр и включить его в понятие «литература».

Историк литературы, критик, поэт, каждый, кто в своем лексиконе использует такие понятия, как стихотворение о красоте деревьев, или формулировки типа «шекспировский Гамлет», «шекспировское творчество», «литературное творчество чешских, русских или английских романтиков», «литература», «национальная литература» и т.д., имеет дело всегда с редуцированной диаграммой, чьи границы не поддаются четкой идентификации. «Объекты» — следы текста, представляющего одно произведение, или комплекс следов, т.е. собрание произведений, входящих в иерархию более крупных образований, которые, на первый взгляд, кажутся легко доступными, никогда не бывают такими на самом деле и с ними нельзя обращаться как с абсолютно и ясно определенными отдельными субстанциями. Никогда нельзя разделить такие объекты как «Гамлет», «Творчество Шекспира», «английская литература», «мировая литература» — они всегда вклинены друг в друга без четких границ между собой. Нельзя также воспринимать их в той же очередности, в какой они представлены в этой статье — в простейшем ряду, где одно выступает частью другого. Это было бы возможно лишь тогда, когда границы выше приведенных частей идеальной диаграммы были бы вполне отчетливыми. Уже «объект» «Гамлет» как текст определенного автора превращается в неясность. Пьеса «Гамлет» была сначала живой сценической речью, которая, возможно, еще при жизни Шекспира видоизменялась во время представлений пока не стала текстом [3]. Потом «Гамлета» переводили на разные языки, инсценировали, экранизировали. Остался ли, к примеру, «Гамлетом» фильм с Лоуренсом Оливье, или его русская экранизация с Иннокентием Смоктуновским режиссера-авангардиста Григория Козинцева?

Пока «объекты» исследований литературоведов, критиков или писателей остаются такими же трудно доступными и неясными, очевидно, что приступить к ним можно будет лишь через их радикальную редукцию. Каждого исследователя литературного объекта к ней приведет, с одной стороны, субъективный отбор, связанный с его собственными вкусами, а с другой — «отбор предварительный», предопределенный иерархией ценностей в традициях данного языкового сообщества. Однако даже подобные редукции не дадут возможности создать некие структуры, которые превосходили бы результаты лимитированных временем компромиссов между субъективным произволом и актуальными общественными представлениями о канонической иерархии ценностей.

Если же объекты на языке их пользователей сопротивляются ясной идентификации своей индивидуальности, а тем самым и описанию с помощью точных диаграмм, даже основанных на радикальных редукциях, то очевидно, что в подходах к ним надо использовать какие-то другие средства, а именно — образы, тропы.

Хейден Уайт в «Метаистории» и в «Тропике дискурса» доказывает, что образ является главным инструментом историка. Его разделение на метонимию, синекдоху, метафору и иронию [4; 5] можно сделать еще более радикальным, если рассматривать метафору в качестве основного инструмента языка литературоведа, историка, теоретика и любого из тех, кто имеет дело с вышеупомянутыми объектами. Уайт рассматривает тропику (тропы) со стилеобразующей точки зрения. Мы же станем относиться к метафоре

как к фундаментальному средству литературоведческого языка. (Для упрощения в качестве субъекта будем рассматривать именно литературоведа, весьма заинтересованного в как можно более ясной идентификации объектов своей деятельности.) При том что историки или теоретики литературы делают вид, что описывают объективную реальность, — все это пустая и откровенная симуляция. Их описания невозможно перепроверить, подвергнуть тестам на истинность даже в сфере издательской деятельности.

Любые жесты историков или теоретиков литературы, стремящихся искать и освещать закономерности литературных процессов, будут не более, чем перформативами, иллюкутивными актами типа: «считаю, что это так-то и так». События истории и происходящие там процессы будут лучше представлены с помощью образов, чем традиционного описания. Стремящееся к точности, оно должно было бы ограничиться лишь полным учетом того, что было опубликовано и названо книгой. Уже само это «названное» говорит, что и здесь должна была бы быть обозначена граница, хотя и в этом случае едва ли применимо само понятие «граница».

Если согласиться, что язык литературоведа основан на иллюкутивных актах вышеупомянутого типа, чью истинность невозможно проконтролировать, — именно они являются инструментом исторических суждений о трудно доступных объектах. Некоторые из их результатов даже могут иметь успех, поскольку то самое «считаю, что это так-то и так», может в конце концов стать предметом веры определенной части общества, а также основой и исходным пунктом для дальнейших изысканий.

Сомневаюсь, что здесь можно обойтись без помощи образов — метафор, причем под метафорой мы понимаем литературоведческие усилия, направленные на идентификацию таких объектов, как, скажем, «русский романтизм», «литература чешского авангарда», ключевое произведение автора «икс-игрек», литературный канон, структура произведения и т.д., а также отдельные произведения в историческом и литературном контекстах. Таким образом метафорой станет «творчество Карела Чапека», равно как и его же «Война с саламандрами» или «Кракатит».

Стоит объяснить наше толкование «метафоры». Казалось бы, классическая теория замещения одного другим преодолена. Если один предмет замещается в ходе высказывания, как это происходит в метафоре, любая внутренняя связь между ними исключается, причем эта замена может происходить до бесконечности. Ведь что-то уподобляется чему-то, а оно еще чему-то и т.д. и т.п.

На сложности с когнитивным определением содержания метафоры обращает особое внимание Дональд Дэвидсон [6].

Более популярная теория так называемой интерактивности, в которой наиболее разработан подход М. Блейка [7], учитывающего напряженность между частью и целым, признает определенное когнитивное содержание метафоры и игнорирует замечание Дэвидсона о том, что если в метафоре есть осмысленное содержание, то почему же его трудно определить [6. Р. 260].

Если принять мнение Дэвидсона, что метафора не имеет особого содержания, а является лишь словесной игрой, требующей оценок, а не объяснений [6. Р. 262], и что метафора обостряет наше внимание и открывает перед литературным языком новые возможности, прерывая словесный поток тем, что предлагает образ вместо продолжительного высказывания [6. Р. 261–264], то можно констатировать следующее. Данная концепция в высшей мере полезна — при создании литературоведческого дискурса — для наших представлений о том, как надо

обращаться с литературными текстами в истории и теории литературы, поскольку освобождает нас от необходимости искать неуловимое или симулировать эти поиски. Она превращает наш литературоведческий дискурс в исторически изменчивые и непрерывно развивающиеся поиски того, как надо говорить на литературные темы, об истории и теории литературы, при этом не вынуждая нас защищать иллюзорную стабильность, которой обычно завершаются подобные разговоры, сковывая их дефинитивными максимумами, опирающимися на познания объективной истины.

Представим себе теперь, что все объекты, какими являются произведения и их диаграммы, входящие в такие категории, как, например, «чешская католическая литература тридцатых годов», «расцвет английского романтизма» или «проникновение французского натурализма в чешский культурный контекст», являются ничем иным, кроме как образом – метафорой без специального когнитивного содержания, образом, цель которого – инициировать и вести разговоры вокруг этого образа, даже если его точное значение не определено.

Зададим себе вопрос – что изменится в рассуждениях о литературе после публикации, к примеру, «Улисса» Джойса?

Сразу можно сказать, что издание этой книги создает новый язык разговора о романе и его возможностях. Мы не утверждаем, что «Улисс» что-то объяснил или открыл какую-то объективную реальность, сделав ее более ясной и понятной. Нет однозначного ответа, в чем заключается смысл «Улисса». Принято лишь поверхностное описание типа: это происходит с одним человеком там-то и там-то в течение одного дня. К герою текста не подойдешь ни через перечисление всех мотивов, ни через их анализ. Любая интерпретация содействует не прояснению смысла произведения, хотя к этому и стремится, а расширению возможностей, как вести разговор на тему романа, Джойса, Одиссея, англоязычной литературы и т.д. Текст является художественным образом без особого осмысленного содержания, и попытки анализировать страницу за страницей излияния Молли Блум не дадут никакого разумного результата.

С другой стороны, бесспорно, что присутствие «Улисса» в семиотическом пространстве (термин Ю. Лотмана) определенной культуры меняет представления о романе, о возможностях литературы и о том, на каком языке общаться с литературным произведением.

«Улисс» – это образ, который своим метафорическим характером нарушает привычные рассуждения о романе и вносит в них то, что трудно вписывается в общепринятые разговоры на данную тему. Нарушение традиций является одновременно импульсом для возникновения новизны. «Улисс» расширяет границы представлений о литературе, не пытаясь их четко обозначить, а также отделить текст Джойса от всех прежних откровений о романе или литературе. Наоборот, он часто на них ссылается, прибегая к пародиям или иронии.

Для того чтобы сыграть роль метафоры, которую легче оценить, чем прояснить, необходимо, чтобы текст создавал новый лексикон, непривычные сочетания слов. Этот новый словарь станет причиной повышенного интереса к тексту тех, кто работает с ним, возбуждая их беспокойство, желание охватить целостность образа, конечно же не простого, но вызывающего к новым установкам разговора о романе и литературе, которые могли бы абсорбировать метафорическую аномалию и вновь ввести ее в литературоведческий

дискурс с помощью нового словаря, содержащего характеристики отношений к периоду до прерывания «нормального разговора на ниве литературоведения»... (Термины «аномалия» или же «нормальный разговор» – смоделированы и оформлены по Т.С. Куну. В его «Структуре научных революций» они заимствованы из дискурса естественных наук, чьи правила лучше сформулированы, чем в гуманитарных науках, где тропы, как мы пытаемся доказать, играют более существенную роль, чем в «нормальной науке» Куна [8].)

Если говорить о возможном восприятии романа «Уллис» как метафоры без определенного когнитивного содержания, это не означает, (возможно, что так никто и не думает), что роман Джойса «бессодержательный». В тексте, а иначе и быть не может, масса отсылок к разным объектам, событиям, другим текстам, ментальным ходам, которые легко найти и распознать как в семиотическом пространстве культуры пользователей, так и в пространстве физическом. Однако то, что представляет собой целое, нельзя определить иначе как образ, или диаграмма, или же как образчик того, чье содержание в целом – неопределенно, но достойно одобрения как острота, интересный случай, как языковая инновация, которая удивляет, раздражает или провоцирует. Интерпретатору – историку или теоретику литературы доступен лишь этот «образ» диаграмм, или образчик текста, который он сам способен увидеть и оценить по-своему. Подобный образ, образчик или диаграмма не обладают ни хронологической, ни морфологической стабильностью. Это лишь актуальное и локальное следствие определенных субъективных операций с текстом – чтения, интерпретации, анализа или введения в контекст. Поэтому каждый, кто работает с литературным текстом, не может делать ничего другого, кроме как высказывать свои соображения о характере воспринятого. Это можно делать лишь с помощью активизации нового образа, соотносящегося с исходной метафорой, что, разумеется, тоже требует поисков нового словаря.

Здесь мы подходим к взаимоотношениям между метафорой и радикальным изменением речений на тему, которую Т.С. Кун в связи с дискурсом естественных наук называет революцией – сменой парадигмы. Думаю то, что описывает Кун в других науках, обнаруживает определенное сходство и с литературоведением. Стремление нормализовать и восстановить разрушенную стилистику разговора о романе или литературе реализуется лишь тогда, когда сопротивляющимся образам окажут противодействие новый словарь, новая терминология, к примеру, тем, что Джойс будет назван модернистом, а его контаминации высокого – низкого сочтут «словесной революцией» [9].

Уолта Уитмена знали уже и Врхлицкий и Сладек, однако новый словник создал только С.К. Нейман, который по ходу рассуждений о Э. Верхарне ввел такое литературоведческое понятие, как «цивилизм».

Дальнейшее обновление относящегося к Уитмену словаря приходит с Группой 42, причем, словари Неймана и, к примеру, Индржиха Халупецкого из Группы 42 – несопоставимы. Оказывается, один и тот же объект – «Листья травы» Уитмена вызывал в разные периоды чешской литературы возникновение разных лексиконов, причем в его обозначении всегда присутствовала метафора без определенного когнитивного содержания, а именно – поэтическое произведение, возникшее на американской почве в девятнадцатом столетии.

Нельзя сказать, что разное отношение к Уитмену в разные периоды, инициирующие возникновение нового словаря, это такой же радикальный жест, как куновская «революция», ведущая к полной смене парадигм.

Однако метафоры типа «Улисс» такую силу, по нашему мнению, имеют. Полагаю, что в рассуждениях о литературе мы встречаемся с метафорами, образно говоря, разной материальной плотности. Супертяжелые объекты типа «Улисса», «Бесов» и «Преступления и наказания», «Процесса» или «Чумы» настолько притягивают к себе своим беспокойным настроением и способностью разрушить нормальный для своего времени литературоведческий лексикон, что становятся истоком настойчивой потребности изменить язык тех, кого не оставляет равнодушным материальность трудно объяснимого объекта и чья весомость не позволяет его не заметить. Подобные объекты еще прежде чем раскрыть свою сущность и найти себе объяснения огибают семиотический простор в своей округе и запускают в него новый язык на литературные темы, т.е. становятся причинами радикальной метаморфозы – возникновения новой парадигмы.

Остается, однако, вопрос, само ли качество новой «метафоры-произведения» гарантирует ее историческую весомость, «материальность». На это нельзя ответить однозначно, можно лишь констатировать, что «метафора-произведение», меняющая семиотическое пространство и стимулирующая новый язык, обретает притяжение в ходе истории, если на нее нанизываются новые интерпретации, если ее снова и снова используют наподобие культурного радиомаяка в истории литературы того или иного культурного сообщества.

К примеру, «Уллис» Джойса становится более материальной метафорой по сравнению хотя бы с его же «Поминками по Финнегану», возможно потому, что являет собой первый в истории и совершенно новый тип литературного языка и содержит более раздражающую конфигурацию значений, чем позднейший «Финнеган», который лишь углубил высказанное в «Улиссе».

«Улисс» ценится как оригинальный «анекдот», как провокация, которая раньше была невозможна и которая призывает объяснить эту аномалию. Нормальный язык рассуждений на темы романа и литературы нарушен и ищутся способы, как его обновить, чтобы трудно постижимая аномалия была включена в дискурс определенного культурного сообщества, рассуждающего о романе и литературе.

Точно так же можно трактовать и доминанту романа Сартра «Тошнота» в противовес к более обширному тексту «Дорог к свободе». Никто до Сартра не говорил о руке героя как о предмете, который одновременно «мой» и в то же время чужой, никто до него с такой последовательностью не описал отделение сознания героя от его тела.

До «Анны Карениной» Льва Толстого было написано много романов о русском дворянстве, но ни один автор не умел с такой легкостью маневрировать между описанием объективных реалий и скрытыми душевными порывами отдельных героев. Более того, трудно найти до «Анны Карениной» роман, который бы с такой настойчивостью разрабатывал тему экзистенциальной тоски человека. «Бесы» Достоевского – снова новый образ на тему безверия, богоотступничества и глубокого цинизма. Это приносит с собой новый словарь, шокирующий и беспокойный. До сих пор трудно найти исследователя, который бы до конца смог понять действия героев в «Бесах», из-за этого роман снова и снова интерпретируют и адаптируют для разных видов искусства. Несмотря на все сложности, роман «Бесы» продолжает притягивать к себе внимание, можно сказать, что он вызвал обновление словаря, отражающего человеческие зверства, попрание гуманистических принципов

христианской культуры, знаков человечности, делая это гораздо последовательнее, чем Эмиль Золя со своими натуралистическими образами.

Весомые метафоры излучают свет, предлагают нечто невиданное, недискуссионное, невообразимое и одновременно привлекают тем, что можно назвать ферментом, способствующим созданию нового словаря, раскрепощению человеческой фантазии. Это те аномалии, с которыми необходимо считаться во имя дальнейшего развития языка. Поскольку существующий не может справиться с ними, и происходят лингвистические перемены, — возникают потребности новых определений того, что такое роман, литература и что способны они отражать.

Помимо этих сверхтяжелых объектов есть еще и произведения-метафоры «среднего магнетизма», которые хоть и вызывают определенную метаморфозу словаря, но в умеренном виде. Есть также и объекты, которые не дают ничего, являясь метафорами неудачными. Сверхтяжелые объекты, способствующие радикальным переменам в словаре рассуждений на литературные темы, можно назвать мета-метафорами, именно они стоят за эпохальными метаморфозами парадигм.

Следует напомнить, что эти материальные объекты можно обнаружить только с исторической дистанции, т.е. когда они таковыми становятся. Процесс их «становления» достаточно проблематичен, и нельзя сказать — случаен ли он или закономерен, и что инновационная текстовая формула-метафора будет успешной, потому что принесет новый неожиданный образ и откроет новые возможности языка. Скорее всего речь должна идти об определенной комбинации того и другого, и что каждый исторический период несет в себе несколько текстовых образчиков потенциального развития языка, но лишь некоторые станут «сверхматериальной метафорой», способной менять парадигмы.

Метафорами, конечно же, являются не только отдельные произведения, но и слова, с помощью которых историки и теоретики литературы пытаются осмыслить более крупные образования, как, например, кластеры произведений одной эпохи в определенном географическом или языковом ареале, или комплекс произведений одного автора, его поэтику, исторические периоды. Все структуры, фигурирующие в языке литературоведа, как и литературная характеристика эпохи, события, лежащие в основе периодизации литературного процесса, законы построения произведения, идея, защищающая определенную парадигму литературного дискурса конкретной поры, — все это метафоры. Объекты литературоведения, как, например, «пражская еврейская литература», «поэтический авангард», «Пражский лингвистический кружок», или «метод структурализма», «close reading» (внимательное чтение), «деконструктивизм» — все это нельзя рассматривать иначе, чем через интерпретацию или же использование какого-либо события или образа, который инициирует выделение этих и других категорий. Нет определенности в понимании того, что такое «пражская еврейская литература», но есть досье образов и рассказов о Кафке, Броде, Рильке, Верфеле, которые используются в разных целях. К примеру, учитель средней школы может рассказать о Кафке, не прочитав ни одного его произведения, а ученик так же может воспроизвести или, точнее, использовать предложенные образы для того, чтобы сдать выпускной экзамен, причем ни один из тех, кто использовал имевшиеся в своем распоряжении образы, не видел в них ничего, кроме простого инструмента, востребованного актуальной ситуацией в их семиотическом

пространстве. Но даже научные способы их использования в языке профессионалов, историков и теоретиков литературы не обеспечивают четкую идентификацию объектов, поэтому и они имеют дело с метафорами. Например, историк, работающий над периодизацией определенной эпохи, станет искать аргументы для ее хронологического разграничения в некоем историческом (наиболее часто) или историко-литературном (менее часто) событии, причем в обоих случаях это событие будет подобно происшествию – метафорическому образу, который должен быть достаточно убедительным, чтобы сыграть хотя бы на время роль властелина времени и истории. Это может быть «случай-метафора» о немецкой оккупации Чехословакии, о феврале 1948 г. и захвате власти коммунистами, выступающими как образы, изменившие литературный дискурс эпохи. Это может быть и «случай-метафора» о Манифесте Чешской модерна, связанный с рассказом Шальды «Анализ», спорами Махара о Галеке и т.д. Углубленный анализ предложенного набора образов не продвинет исследователя ближе к правде, пока он не захочет повторить простые факты, типа – это произведение вышло в таком-то году.

Если теоретик станет использовать слова «деконструкция», «close reading», «структурный анализ», «герменевтическая интерпретация», это не значит, что он работает с четко разделенными понятиями, которые можно было бы вновь и вновь контролировать с точки зрения их морфологической определенности или же правдивости, это означает лишь, что он использует конкретные образы ради создания своего собственного образа.

Когда Дж.Х. Миллер в своих лекциях на Тайване объяснял в местном университете восторженным приверженцам американских теорий, что любая теория в принципе не поддается транспортировке и ее невозможно понять вне сообщества людей, которые создавали ее в ходе дискуссий, и что его теория должна быть создана заново, чтобы жить новой жизнью в новой среде [10], то это только подтверждает наши представления. Это означает, что восторженные тайванцы были увлечены теорией-метафорой не слишком-то ясной по содержанию, но необычайно притягательной. Воодушевленные присутствием этого материального объекта-образа, они создавали собственные образы, которые, однако, могут не иметь никакой определенной и подтвержденной связи с исходным объектом. Он служил возбудителем, успешной метафорой, способствующей продолжению разговоров на данную тему. Дальнейшие образы, призванные доказать понимание и овладение данной теорией, были лишь примером использования исходной метафоры для новых целей в новой среде.

Кажется, что именно тогда стоило бы употребить классический термин Блума «misreading» (неправильное чтение) [11].

Однако у Блума, как нам кажется, это понятие невнимательного, скоропелого чтения всегда связано с представлениями об определенном универсальном целом и не лишено метафизических амбиций. Оно выражает скорее людские слабости и недостатки, чем прагматическое отрицание общего познания реальности иначе, чем через деятельность и опыт людей. Одновременно метафора у Блума не лишена когнитивного содержания, она скорее скрытый посланник закона, чем продукт человека. Она – знамение судьбы, как у всех поэтов после Шекспира, о чем пишет Блум в книге «Канон западной литературы» [12].

Убеждение Миллера в «нечитабельности» первоначального образа гораздо ближе к нашим представлениям о функционировании метафоры в рассуждениях об истории и литературе. Например, из философии приходят

нищанские образы «смерти Бога», или хейдеггеровские образы конфронтации бытия и экзистенции, бендовская «измена интеллектуалов», термин «смерть автора» и т.д., а из естественных наук — «большой взрыв», «тепловая смерть вселенной», «генетическая манипуляция», «эволюция», «панспермия» и т.д.

Ни один из этих терминов не понятен без помощи воображения. Разумеется, с термином «большой взрыв» физик-теоретик будет работать иначе, чем литератор или философ, тем не менее ни один из этих пользователей не имеет в своем распоряжении ничего, кроме образа, который он дальше может употребить в какой-нибудь математической диаграмме, в романе или в философском эссе, но всегда в пласте образов, реагирующих на беспокойство и одновременно на «нечитабельность» образа первоначального.

Материалом для языка историка литературы, конструирующего некий рассказ на историческую тему, являются метафоры — в образе и подобии произведений, которые отвечают представлениям эпохи о том, что является стихом, что рассказом, а что романом. Писатель своим текстом уточняет и представляет то, что, по его мнению, является романом, а что — стихотворением.

Затем литературовед может использовать в своем языке структурные метафоры, задача которых изобразить период, его границы, доминирующие в нем идеи и течения, и, наконец, третьим источником являются метафоры, приходящие из других областей дискурса, но достаточно притягательных, чтобы инициировать сдвиги на другом дискурсионном поле. Эти образы свободно циркулируют в некий хронологический период в определенном сообществе и предлагают себя в качестве инструмента к использованию, аргументации, конструкции, воображения и плодов нового словаря. Они представляют собой переменчивые символические средства, которые данная общественная структура в настоящий момент имеет в своем распоряжении.

Историк и теоретик литературы не улавливают в своем языке какие-то объективные очевидности, не очень-то разбираются во взаимоотношениях и закономерностях отдельных явлений в материальном мире, они зависят от речевого поля, посредством которого на образной основе они создают новые образы, проявляющие себя в семиотическом пространстве как успешные либо неуспешные, полезные либо бесполезные.

Необыкновенно притягательные материальные объекты метафор, которые мы назвали мета-метафорами, способны радикально изменить весь вид дискурса определенного периода. Эти мета-метафоры можно найти как на литературном поле — и тогда выдающееся произведение изменит разговор о том, что является и не является романом, литературой, какая тематика допустима, а какая — табу. Они могут быть и составными частями другой дискурсивной формации, как, например, образ «смерти Бога» в конце девятнадцатого века. Сделки (негоциация, *negociace*) в пространстве культуры, которая употребляет такие понятия, как литература, литературное произведение, история литературы или литератур, всегда будут происходить через конфронтацию образов и иллокутивных актов типа: «считаю, что дела обстоят так-то и так», и происходить до той поры, пока будет существовать культура, а в ней приведенные выше понятия как средства общей веры, что именно операция с ними расширяет, идентифицирует и узаконивает пространство данного культурного сообщества. В этих условиях всегда будут иметь место концепты, нашедшие массовую и длительную поддержку. Их можно считать успешными, поскольку долговременное

воспринимается обществом как полезное на фоне тех актов, которые пользуются успехом недолго, либо никогда.

Истории литературы либо любые попытки описать литературный процесс всегда будут исходить из метафор, которые создают только новые образы, в определенном общественном пространстве соревнующиеся с другими, доказывая свою успешность и полезность. Можно сказать, что метафора — это то единственное, что позволяет нам говорить о своей истории.

Не думаю, что большой потерей для литературоведа будет отказ от тяги к абсолютному прояснению отдельных явлений и от точных описаний процессов в физическом пространстве и признание, что его язык обречен на использование тропов. Это не означает, что тем самым науки о литературе лишаются права называться науками. Напротив, это надо понимать как продвижение к полной ясности того, что собственно делает литературовед на своем поприще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Strawson P. F.* Identifikace jednotlivin // Analytická filosofie, první část. Plzeň, 2006.
2. *Peirs Ch.S.* On Sign. Chapel Hill, 1991.
3. *Greenblatt S.J.* Shakespearean Negotiation. Berkeley, 1988.
4. *White H.* Tropika diskursu. Praha, 2010.
5. *White H.* Metahistorie. Brno, 2011.
6. *Davidson D.* What Metaphors Mean // *Davidson D.* Inquiries into Truth and interpretation. Oxford, 2001.
7. *Black M.* Models and Metaphors. New York, 1961.
8. *Kuhn T.S.* Struktura vědeckých revolucí. Praha, 1997.
9. *Hilský M.* Moderniste. Praha, 1995.
10. *Miller J.H.* New Starts. Taipei, 1993.
11. *Bloom H.* A Map of Mistreading. Oxford, 2003.
12. *Bloom H.* Kánon Západní literatury. Praha, 2000.

Перевод Л. Будаговой

© 2017 г. Л.Е. ГОРИЗОНТОВ

ДИСКУССИЯ КОНЦА XIX ВЕКА О ТОМЕ «ЖИВОПИСНОЙ РОССИИ», ПОСВЯЩЕННОМ ЛИТОВСКИМ И БЕЛОРУССКИМ ГУБЕРНИЯМ

Посвященный белорусско-литовским землям том «Живописной России» (1882 г.) и его авторы (А. Киркор, П.П. Семенов, С.В. Максимов) подверглись острой критике М.О. Кояловича, который инкриминировал изданию пропольскую ориентацию. В защиту «Живописной России» выступили Н.И. Костомаров и А.Н. Пыпин. Предметом обсуждения стали проблемы этнокультурного облика периферийных регионов Российской империи и роли ее русского ядра.

The volume of the «Picturesque Russia» (1882) devoted to the Belorussian and Lithuanian lands and its authors (A. Kirkor, P. Semenov, S. Maksimov) were subjected to sharp criticism of M. Koyalovich who incriminated to the edition a pro-Polish trend. N. Kostomarov and A. Pypin publically defended the «Picturesque Russia». This discussion was centered on the issues of peripheral regions' ethno-cultural identity and the role of the Russian core of the empire.

Ключевые слова: Белоруссия, Литва, русско-польские отношения, польский вопрос, окраины Российской империи, Центральная Россия, А. Киркор, М.О. Коялович, Н.И. Костомаров, А.Н. Пыпин.

Keywords: Belorussia, Lithuania, Russian-Polish relationship, Polish question, borderlands of the Russian empire, Central Russia, A. Kirkor, M. Koyalovich, N. Kostomarov, A. Pypin.

В 1879–1901 гг. были изданы двенадцать томов (девятнадцать книг) «Живописной России», призванной стать компендиумом россиеведческих знаний и, вместе с тем, занимательным чтением и образцом книжной иллюстрации [1]. Инициатор и первый издатель «Живописной России» М.О. Вольф (1825–1883) – крещеный еврей из Царства Польского, начал свою работу на книжном поприще в 1840-е годы в Северо-Западном крае, где у него сложились важные для последующей деятельности замыслы и связи.

Горизонтов Леонид Ефремович – д-р ист. наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Статья подготовлена в ходе проведения работы по проекту № 15-01-0046 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

В частности, в 1856 г., уже перебравшись в Петербург, он планировал издать под редакцией видного польского писателя Ю.И. Крашевского (1812—1887) «иллюстрированное описание Польши». Во второй половине 1850-х годов наметилось русско-польское сближение, которое проявилось в усилении полонифильских настроений и надеждах поляков на благоприятное для них решение польского вопроса новым императором. Изменение политической ситуации в 1860-е годы воспрепятствовало реализации книжного проекта, и он в конечном счете трансформировался в издание «Живописной России» [2. С. 447—448, 451, 475].

Замысел Вольфа перешел в стадию практического осуществления лишь в конце 1870-х годов, когда в русско-польских отношениях впервые после восстания 1863—1864 гг. началось потепление, совпавшее с общим оживлением общественной жизни в России. Польский вопрос активно обсуждался в русской периодике представителями либеральных кругов [3—4]. Среди выступивших тогда в печати можно назвать А.Н. Пыпина, Н.И. Кареева и Р.И. Сементковского [5—7]. В их числе были и двое приглашенных к участию в «Живописной России» автора — В.О. Михневич и С.А. Венгеров [8—9], а также близкий Вольфу В.Д. Спасович, издавший книгу о маркизе А. Велепольском, государственную деятельность которого в начале 1860-х годов он оценивал как важный опыт русско-польского сближения на пути проведения реформ [10]. Аналогом М.Т. Лорис-Меликова в Царстве Польском стал либерально настроенный П.П. Альбединский, занимавший в 1880—1883 гг. ключевую пост варшавского генерал-губернатора и резко контрастировавший со своими предшественниками [11].

Рассчитывая при подборе авторов «Живописной России» прежде всего на русских литераторов, с которыми был тесно связан [12], не забывал Вольф и о своих польских знакомствах. В конце 1870-х годов петербургский издатель продолжал рассчитывать на сотрудничество с «неблагонадежным» Крашевским, вынужденным покинуть пределы Российской империи в 1863 г. Знакомство с рассказами и повестями последнего, посвященными польскому восстанию, позволяет говорить о расхождении взглядов польского писателя с официальным российским дискурсом [13]. К координаторам «Живописной России» на всем протяжении реализации проекта принадлежал секретарь Вольфа С.Ф. Либрович (1855—1918), имевший сходное со своим работодателем происхождение и являвшийся активистом петербургской Полонии.

Основным автором вышедшего в 1882 г. третьего тома «Живописной России», который был посвящен белорусско-литовским землям, стал Адам Киркор (1812—1886). Либрович характеризовал его как «представителя тех польских кружков, которые искали сближения с интеллигентною Россией и отреклись от надежды на восстановление Польши, кружков, много лет спустя превратившихся в партию т[ак] [называемых] угодцев» [2. С. 67]. Стремясь избежать преследований кредиторов после неудачных попыток содействовать русско-польскому примирению публикациями в периодической печати сперва в Вильне, а затем в Петербурге, где им в 1868—1871 гг. издавалась газета «Новое время», Киркор переселился в Краков. «Расчет его на материальную помощь со стороны зажиточных польских помещиков не оправдался, — свидетельствует Либрович. — А среди русских читателей многим не нравились та явная симпатия к полякам, которая сквозила в статьях киркоровского “Нового времени”, и слишком серьезный, научный тон самой газеты» [2. С. 69]. Давний знакомый и единомышленник Киркора М.О. Вольф помог основать газету, обратившись

к министру внутренних дел П.А. Валуеву, но не поддержал ее материально. Партнером Киркора по «Новому времени» стал Н.Н. Юматов, работавший прежде в «Вести», примечательной своей защитой польской шляхты [14. S. 269; 15. S. 104–105, 112–113]. Проживая в австрийской Галиции, Киркор продолжал заниматься проблематикой Западной России и не оставлял надежды вернуться в Российскую империю. Он принял предложение Вольфа стать автором «Живописной России».

Киркор подготовил очерки для обеих частей (книг) третьего тома, посвященных Литовскому (Виленская, Гродненская и Ковенская губернии) и Белорусскому Полесью (Минская, Могилевская, Витебская и Смоленская губернии). Использование в заголовках физико-географического термина Полесье, как и вовсе неадекватное общее название тома – «Западная и Южная Россия», способны ввести в заблуждение¹. О Смоленщине в томе писал С.В. Максимов (1831–1901), этнографические изыскания которого привели к рассмотрению ее в составе Белоруссии: Смоленск он даже называл белорусской столицей [17]. Экономические разделы в обеих «полесских» книгах принадлежат перу редактора «Живописной России» географа П.П. Семенова (1827–1914).

В начале 1884 г. в рупоре позднего славянофильства московской газете «Русь», издателем-редактором которой был И.С. Аксаков, появилась сокращенная перепечатка библиографической заметки из «Литовских епархиальных ведомостей» (Вильна) за подписью Белорус, содержащей резкие выпады против белорусско-литовского тома и издания в целом. Вместе с этим текстом была опубликована солидарная с ним заметка «Любопытная история» профессора Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Кояловича (1828–1891) – также уроженца Белоруссии и видного представителя западнорусизма, сотрудничавшего с Аксаковым с 1860-х годов [18]. «Русская простота» – общее название раздела с текстами Белоруса и Кояловича, и обозначение сюжета в редакционной статье словом «опростоволосились» достаточно красноречиво говорят о восприятии «Русью» поступившего сигнала [19]. В следующем номере газеты была помещена полемическая статья «О польско-русском примирении», направленная против «одного из больших петербургских журналов» и польских авторов [20. С. 13–25].

Оценка тома как непреднамеренной ошибки или недосмотра издателей «Живописной России» явно не устраивала Кояловича. Развернутую его критику он включил в свою главную книгу «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», опубликованную в том же 1884 г. «Живописной России» в ней посвящен особый раздел главы «Научное изучение естественных условий русской жизни», уступающий по объему лишь разбору сочинения француза А. Леруа-Болье (1842–1912) «L'Empire des Tsars et les Russes». Надо сказать, что не только консерватор-славянофил Коялович, но и русские либералы-западники оценивали объективность одного из основоположников французского россиеведения весьма

---

¹ Репринтное издание белорусско-литовского тома «Живописной России», осуществленное в 1993 г. в Минске, вышло под заглавием «Литовское и Белорусское Полесье». Между тем, природная зона Полесья не совпадает с рассматриваемыми в нем губерниями. Под Западной Россией принято было понимать западные губернии – не только белорусско-литовские земли, но и Правобережную Украину. Южную Россию обычно связывали с украинскими и новороссийскими землями [16].

высоко. Разбор «Живописной России», помещенный следом за характеристикой взглядов Леруа-Болье, резко с ней контрастирует.

Свои наблюдения Коялович адресовал «русскому образованному обществу», в котором, по его мнению, немало невнимательных читателей популярной литературы [21. С. 482–483]. Перечислив уже изданные тома «Живописной России», Коялович отметил, что все они посвящены окраинам Российской империи – северным, северо-западным, западным, восточным и южным (Кавказ). «Издание томов, обнимающих внутреннюю Россию, – заключал критик, – отодвигается [...] дальше, и является естественное предположение, что все окраины России, т.е. инородческие ее области, будут описаны, а внутренняя, самая русская часть России займет последнее по порядку издания место, если только явится когда-либо в “Живописной России”» [21. С. 480].

«Внутренняя Россия, населенная цельным русским народом, – настаивал Коялович, – есть зерно России и в смысле историческом, и в смысле этнографическом, и даже, как давно уже показывает опыт, в смысле экономическом. Казалось бы, всякому должно быть понятно, что для понимания жизни какой бы то ни было окраинной русской области нужно понять прежде это именно зерно России, из которого выросли и исходят русская сила и жизнь во все эти окраины. Но издатели “Живописной России” поняли иначе свою задачу» [21. С. 481]. В приведенном фрагменте Коялович отстаивает государствообразующий статус русских, апеллируя к истории складывания империи и демографической ситуации, а также к успешному развитию Центральной России, социокультурное и экономическое отставание которой по сравнению с рядом окраинных регионов и конкуренция с ними вызывали в ту пору озабоченность, нашедшую выражение в представлениях об «оскудении Центра» [22].

Коялович использовал традиционный термин «внутренняя Россия», вызывающий зрительную ассоциацию с окруженным инородческими окраинами русским ядром [23]. Этот образ создавался в его тексте также частым использованием понятий «окраинный» и «инородческий»: именно тогда, в последние десятилетия XIX в., сложилось алармистское убеждение в существовании неких интегральных окраинного и инородческого вопросов.

Надо сказать, что протесты против репрезентации России посредством ее отсталых или нерусских окраин фиксируются в отечественной общественной и научной мысли и много раньше. Так, М.В. Ломоносов, крайне чутко относившийся к создаваемому иностранцами образу России, обнаружил в заказанном Вольтеру сочинении о Петре Великом необъективное изображение своей родины. «Описывает г. В[ольтер] Лапландию, самоедов, – читаем в отзыве Ломоносова 1757 г., – а где многолюдные, плодоносные и наполненные городами княжения и провинции: Ярославская, Тферская, Володимер, Нижней и великое множество городов около Оки и других рек великих?». Слабозаселенным инородческим окраинам противопоставлялось процветающее великорусское волго-окское междуречье. Выступал великий ученый и против преувеличения значимости для Российской империи Ливонии. «Под смотрением» Ломоносова было составлено «Краткое описание России», получив французский перевод которого Вольтер переработал первую главу своего сочинения [24. С. 92–93, 566].

Итак, последовательность выхода в свет томов интерпретировалась Кояловичем как злонамеренное стремление принизить значение русского элемента и ядра империи. В очерке об истории создания «Живописной России» это

объяснялось совсем иначе: «Приняв во внимание, что окраины подвержены наиболее быстрым изменениям, да к тому и наименее известны русскому обществу, редакция решила в порядке выпуска книг “Живописной России” отдать предпочтение окраинам перед центральной частью империи» [25. С. 306]. Коялович же делал вывод, что издание предпринято «в иноземных или инородческих интересах».

Дополнительным подтверждением этого тезиса послужила вышедшая в конце 1883 г., уже после смерти М.О. Вольфа, брошюра С. Либровича [26], к публикации которой было причастно петербургское издательство Г. Глинского [27. S. 76]. Хотя сотрудничество Либровича с Вольфом началось лишь в 1875 г., большая часть брошюры, отвечая ее названию, посвящена попыткам подготовить в 1850-е годы иллюстрированное польскоязычное издание о землях, некогда входивших в состав Речи Посполитой.

Обращаясь к «Живописной России», Либрович достаточно подробно остановился на подготовке тома о Царстве Польском, показав, что привлечение русских авторов было вынужденным ввиду отказов поляков. Отказы эти, как правило, мотивировались занятостью и незнанием современных реалий. Примечательно, что авторов искали в том числе среди тех, кто проживал за пределами Российской империи и осуждался ранее по политическим делам. В одном случае причиной отклонения предложения стало опасение российской цензуры. Кого-то смущала публикация на русском языке [26. S. 34, 38]. И все же вывод Я. Дунина о том, что польские авторы не желали сотрудничать в издании, где Царство выступало провинцией империи Романовых, не находит подтверждения в брошюре Либровича [14. S. 270]. Тем более что не исключалась возможность осуществления замысла середины века: дополнения томов «Живописной России» о землях Речи Посполитой в составе Российской империи книгами о польских владениях Австро-Венгрии и Германии и публикации их на польском языке.

О подготовке уже опубликованного белорусско-литовского тома Либрович в 1883 г. сообщил относительно немного. По свидетельству сотрудника Вольфа, П.П. Семенов проявил большую деликатность, доверив составление плана тома о Царстве Польском Крашевскому, а окончательный план белорусско-литовского тома оставив на усмотрение издателя. Киркор намечался автором описания Литвы с самого начала. Единственный из четырех авторов-поляков, от которых ожидалось очерки о бывших землях Речи Посполитой, он выполнил свою задачу [26. S. 34]. Более того, его участие в проекте со временем существенно возросло: Киркор вносил коррективы в предложенный Крашевским план тома о Царстве Польском и отвечал за то, чтобы в его содержании присутствовала польская точка зрения, к своей авторской работе по описанию Литвы он добавил почти всю Белоруссию [26. S. 40, 42–43].

Замену ответившим отказом пришлось искать среди «русских литераторов и ученых, выбирая исключительно людей, известных своею беспристрастностью, даже определенной симпатией по отношению к Польше» [26. S. 39]. Видное место в брошюре Либровича отводилось одобрительным откликам на белорусско-литовский том влиятельной польской периодики Галиции, Царства Польского и российской Полонии. Рецензенты высказывались за его перевод на польский язык и хвалили не только Киркора, но и Семенова. Делалось заключение, что издание тома благотворно скажется на русско-польских отношениях, способствуя преодолению предубеждений [26. S. 43–48].

Согласно Кояловичу, в брошюре Либровича «с самой бесцеремонной откровенностью рассказывается, что издание это («Живописная Россия». — Л.Г.) предпринято собственно для целей польских и что для этого, насколько было можно, подобраны писатели не строго русского направления, а так называемого либерального, благоприятного полякам». Писателям же, которые «не станут писать в польском духе», в качестве уступки предоставлена возможность изобразить в «русском духе» внутреннюю Россию. Таковыми Коялович считал Д.И. Иловайского, И.Е. Забелина и С.В. Максимова, который в действительности принял участие в создании нескольких томов, явившись, в частности, основным автором очерков, посвященных Северу Европейской России. Хотя в реализацию проекта вовлекались «серьезные русские писатели», Коялович выразил уверенность, что именно авторы, которые «или суть носители чисто окраинных идей, или весьма сочувствуют им», будут определять направление «Живописной России». Особенно он ожидал этого в отношении томов, посвященных Царству Польскому и «Малороссийской нестепной области» [21. С. 481, 488].

Белорусско-литовский том Коялович характеризует как «первый, совершенно явственный опыт польских и вообще инородческих поползновений на уразумение России». Вердикт профессора Санкт-Петербургской духовной академии предельно категоричен: текст «почти весь представляет воспроизведение польских воззрений и польских притязаний на Литву и Белоруссию» [21. С. 481–482]. Киркора — «главного, так сказать, строителя путем науки польского здания в Литве и Белоруссии», Коялович сравнивал с более известным русскому обществу благодаря своей резонансной адвокатской деятельности В.Д. Спасовичем. Наличие как у Киркора, так и у Спасовича наряду с польским русскому образованию, их «научность» и «гуманность» не препятствуют тому, что обоим присущи «великая неправда и фанатизм по отношению ко всему русскому, как это русское сложилось во времена московские и сохраняется во все времена послепетровские» [21. С. 482].

Главное отступление от научности и гуманизма Коялович усматривал в осуждении Киркором истории православия в регионе. Он приписывал полякам и католицизму все хорошее, всячески превознося их роль. Даже церковную унию он считал ошибкой, ибо непосредственное обращение православных в римский католицизм ускорило бы полонизацию. Киркор стремится разорвать связи между Западной и Восточной Россией. Отмеченная тенденция отразилась также в подборе людей, которые упомянуты в тексте и представлены на иллюстрациях.

«Воззрения г. Киркора, — заключил Коялович, — имели такую силу в редакции “Живописной России”, что даже главный редактор этого издания, П.П. Семенов, усвоил их на некоторое время» [21. С. 484]. Высказывания маститого географа, как «правильные», так и «ошибочные», щедро цитировались Кояловичем. Суть «странных суждений» Семенова в том, что он считал невозможной денационализацию поляков, отдавая дань силе их культуры и исторической традиции и отводя им роль «одного из важнейших культурно-исторических элементов области».

Впрочем, согласно Кояловичу, в части тома, посвященной Белорусскому Полесью, Семенов противоречит Киркору, оценивая экономические последствия разделов Речи Посполитой, освобождения крестьян и восстания 1863–1864 гг. Все указания Семенова на интеграцию белорусско-литовских земель в Российскую империю приветствуются. Однако и по Белорусскому Полесью

у Кояловича есть вопросы к географу: тот писал, что со вторым разделом Речи Посполитой вхождение в империю белорусских земель завершилось, и назвал белорусов «пасынками» России. Коялович критиковал Семенова за экстраполяцию на Восточную Белоруссию западно-белорусских особенностей [21. С. 487].

Заканчивая разбор «Живописной России» повторением своей озабоченности по поводу продолжения издания, Коялович сам допустил серьезную оговорку — написал, что томом о Малороссии «будет замыкаться инородческий пояс России» [21. С. 488]. В 1910 г. включенная, вероятно, по оплошности, в циркуляр П.А. Столыпина формулировка, относившая украинцев к числу инородцев, вызвала крупный политический скандал [28].

Не избежал осуждения и авторитетный, «меньше всего податливый на уступки» С.В. Максимов. Описывая Восточную Белоруссию, которая, по оценке Кояловича, сливается с Восточной Россией, этнограф «естественно изобразил превосходство великоруса над белорусом». «Естественно», поскольку в тогдашней национальной характерологии восточного славянства сложились стереотипы, согласно которым малорусы дополняли великорусов, а белорусы являлись самой отсталой ветвью, нуждающейся в поддержке. Однако, подчеркивая различия великорусов и белорусов, Максимов невольно способствовал полонизаторской тенденции Киркора.

Таким образом, «Живописная Россия» попадала в опасный контекст очередного польского заговора, поддерживаемого русскими либералами. Подобного рода двойной удар по полякам и полонофилам («полякующим», как их называли в ту пору полонофобы) вовсе не был новацией Кояловича [29].

«В других томах, — признавал Коялович, — инородческие тенденции не обнаруживаются с такой страстностью». Тем не менее, региональная целостность Севера России обеспечивалась в «Живописной России» его преимущественно финским характером. Коялович считал неправильной существующую обособленность Финляндии и прибалтийских губерний от остальной империи. К тому же описание Прибалтики было доверено ее уроженцам. Кавказ и Западная Сибирь полиэтничны. Таким образом, всем пяти изданным к 1884 г. томам «Живописной России» недостает показа действия «русской этнографической силы», средоточием которой выступает внутренняя Россия [21. С. 487–488].

В 1885 г. на «славянофильствующую» книгу Кояловича в либеральном «Вестнике Европы» откликнулся Н.И. Костомаров (1817–1885), уже полемизировавший с ним двумя десятилетиями ранее. Тогда украинофил был принципиально не согласен с западнорусом в том, что украинские земли можно рассматривать в составе Западной России, ограничиваемой на востоке Днепром. Великорусы и белорусы, по мнению Костомарова, гораздо ближе друг к другу, нежели к малорусам [30. С. 404–413].

В первую очередь Костомаров ответил на выпады в свой адрес. Книга Кояловича напомнила ему 1860-е годы с распространенными в ту пору литературными доносами, бросающими «тень неблагонадежности в политических убеждениях», хотя «опасные последствия» подобных сигналов были вполне очевидны. Костомаров возражал против приписывания ему «какого-то колебания между русским историком и поборником малороссийских тенденций» [30. С. 414, 419].

Издававшийся Вольфом и сам писавший очерки для «Живописной России» Костомаров попытался вывести из-под огня критики вице-президента

Русского географического общества сенатора П.П. Семенова, который являлся не только редактором многотомника, но и речательством его благонадежности в глазах властей. Он не находил в позиции географа непоследовательности, ставившейся тому в вину Кояловичем. Об укорененности польской культуры Костомарову «приходилось десятки раз слышать в разных видах от русских по происхождению и православных по вере уроженцев Белоруссии». При этом с общей антипольской тенденцией Кояловича Костомаров солидаризировался: «Мы также не сочувствуем такому направлению г. Киркора, как и автор упомянутой книги» [30. С. 423–425].

Знакомство Костомарова с Киркором произошло в канун восстания 1863–1864 гг. В завершенных в начале 1880-х годов воспоминаниях Костомарова эта фигура охарактеризована достаточно противоречиво. С одной стороны, Киркор принадлежит к группе виленских литераторов, которые были «в большой немилости у тогдашних рьяных польских патриотов, смотревших на них как на изменников общему делу». С другой стороны, он сам «в то время отличался большим польским патриотизмом, что совсем не вязалось с последующим его отношением к этому вопросу, когда он находился в милости у М.Н. Муравьева, а потом, переехавши в Петербург, сделался издателем русской газеты». Согласно Костомарову, «запас его (Киркора. — Л.Г.) сведений за пределами Литвы был небогат» [31. С. 580–582]. Есть данные о том, что на рубеже 1860–1870-х годов. Костомаров активно поддерживал газету «Новое время», хотя ничего не опубликовал в ней за своей подписью [15. С. 113] и не отразил участия в ее судьбе в воспоминаниях.

Спустя несколько лет казус с третьим томом «Живописной России» получил пространный комментарий в «Истории русской этнографии» А.Н. Пыпина (1833–1904). К тому времени основные фигуранты дела (Вольф, Костомаров, Киркор) уже ушли из жизни. Когда книга Пыпина готовилась к печати, пришло известие о кончине Кояловича. Это, однако, не превратило интересующий нас сюжет в достояние истории, поскольку «Живописная Россия» продолжала издаваться и еще предстояло опубликовать тома, посвященные Царству Польскому и украинским землям.

Не называя имен критиков белорусско-литовского тома, Пыпин писал об «ожесточенных нападениях со стороны лагеря, продолжающего предания “Вестника Западной России”». В результате «издание Вольфа [...] причтено было к новым деяниям “польской интриги”» [32. С. 169–170]. Надо сказать, что полонофобскому виленскому журналу Пыпин уделил особое внимание [32. С. 90–100]. Принципиально оппонируя «Вестнику», историк науки вместе с тем указал на два связанных между собой недостатка текста «полуэмигранта» Киркора. Во-первых, тот не учитывает новые русские исследования по истории и этнографии Западного края. Во-вторых, им некорректно используется географическая терминология. Не получает должного толкования соотношение литовского и белорусского с русским и польским. Особенно слово Литва остается «двусмысленным и неясным». Таким образом, некоторые суждения Киркора отмечены поверхностностью и односторонностью, не соответствуя «состоянию, в каком находилось изучение западного края к 1880-м годам» [32. С. 170].

Однако в целом Пыпин выступил в защиту Киркора, заявив, что «политические инкриминации, падавшие необходимо и на г. Семенова, были все-таки излишни, и дело обстояло проще». Выбор Киркора в качестве автора признавался практически безальтернативным ввиду его готовности выполнить поставленную

задачу: в «русском научном кругу» специалиста не нашлось. Невнимание к обильной русской литературе 1860–1870-х годов объяснялось отъездом Киркора за границу. Наконец, «его сочувствия были не столько чисто польские, сколько смягченные тем местным “литовским” направлением, которого возможность признавали даже русские наблюдатели, как Безсонов». Речь шла о грани между сформировавшимися на почве Великого княжества Литовского литвинами и поляками Центральной Польши, а также о праве всех ветвей русского народа на сохранение своих отличительных черт. Позиции фольклориста П.А. Бессонова (1828–1898) Пыпин явно симпатизировал [32. С. 23, 96; 33]. Завершается данный фрагмент «Истории русской этнографии» цитатой из опубликованного в России некролога Киркора, в котором ему дается благожелательная оценка, утвердившаяся в российской энциклопедической литературе середины 1890-х годов.

Специалист по литовской и латышской этнографии Э.А. Вольтер отмечал, что Киркор «как журналист и политик подвергался сильным нападениям крайних партий польских и русских» [34. С. 127]. В «Русском биографическом словаре» о белорусско-литовском томе «Живописной России» сказано, что он «отличается прекрасным изложением и обширным, хорошо разработанным материалом; но освещение отношений разных народностей в Литве и Белоруссии может в значительной степени вызывать критику» [35. С. 670]. Вспоминая спустя много лет про инцидент с сочинением Киркора, С. Либрович писал: «Очерки эти вызвали сильные нападки на издание, так как известная часть русской печати усмотрела в них чуть не “польскую интригу”, хотя серьезная критика признала за работою Киркора бесспорное научное значение» [2. С. 71–72].

В 1896 г. к критикам «Живописной России» присоединился В.В. Розанов (1856–1919), сравнивая ядро империи и ее окраины в связи с представлениями об «оскудении Центра». Приходя в упадок, последний вызывал ассоциации с дичающим садом и старым чуланом. «Можно подумать, — писал Розанов, — что “империя” перестает быть русской; что не центр подчинил себе окраины, разросся до теперешних границ, но, напротив, окраины срastaются между собою, захлестывая, заливая собою центр, подчиняя его нужды господству своих нужд, его вкусы, позывы, взгляды — своим взглядам, позывам, вкусам. Употребляя таможенную терминологию, Россия пользуется в самой России “правами наименее благоприятствуемой державы”». В подтверждение своих слов Розанов отметил, что даже общие обзоры Российской империи вошло в привычку начинать не с Центра, а с окраин: «С *окраин* начинается монументальная “Живописная Россия”, с *окраин* начинается печатание материалов для истории образования в России и, наконец, с *окраин* начинается изучение русской географии в гимназиях». Иными словами, «Центральной Россией *скаучает* всякий пишущий, и это даже тогда, когда “писатель” есть только составитель учебника» [36. С. 650–651].

Повлияла ли критика Кояловича и его единомышленников на очередность публикации томов «Живописной России», которые после издания белорусско-литовского тома перестали выходить в соответствии со своей нумерацией? Посвященный Царству Польскому четвертый том с авторским участием А. Киркора увидел свет лишь в 1896 г., когда в начале нового царствования появилась надежда на изменение политики империи в польском вопросе. Перу Киркора принадлежат очерки «Первобытные времена», «Народное образование» и «Черты минувшей жизни». Однако основным автором этого тома стал

близкий сотрудник Вольфа В.В. Чуйко (1839—1899), который еще в 1881 г. отправился в изучаемый регион, что вовсе не являлось обычной в процессе подготовки «Живописной России» практикой.

Центральная Россия рассматривалась в шестом и седьмом томах, опубликованных в 1898—1900 гг. Позже них увидел свет лишь завершающий издание восьмой том, посвященный Среднему Поволжью и Приуралью. Отступления от первоначального плана диктовались не только теми или иными соображениями издателей, но и степенью готовности томов. Так, достаточно произвольный подбор авторов волжско-приуральского тома свидетельствует о проблемах с его написанием.

Примечательно, что издание следующего россиеведческого многотомника, адресованного широкой читательской аудитории («Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей»), началось в 1899—1902 гг. томами о Центральной России. Редактором нового издательского проекта, прерванного Первой мировой войной, являлся сын П.П. Семенова В.П. Семенов. «На центральные части России, — вспоминал он, — традиционно обращалось значительно меньше внимания, чем на окраины (часто приходилось слышать наивно-невежественный вопрос: “А что же в центре интересного?”)». У составителей даже возникли трудности с подбором иллюстративного материала. Однако, вопреки ожиданиям, посвященный Центрально-промышленной (Московской) области том имел успех, и десятитысячный тираж быстро разошелся. Том о Центрально-черноземной области получил признание за границей. В обоих случаях (во втором особенно) значительным был авторский вклад семьи Семеновых-Ламанских [37. С. 427, 455, 461—462].

В целом же в начале XX в. наблюдалось все большее разочарование в государствообразующей миссии Центральной России. Николай II даже публично согласится с русскими националистами из окраинных регионов империи в том, что именно окраины в их лице сохранили истинный русский дух [38. С. 236, 238; 39]. Рассмотренный сюжет важен для изучения Российской империи с точки зрения действия в ней центробежных и центростремительных сил, тенденций к распаду и обретению стабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., 1879—1901. Т. 1—12.
2. Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Пг.; М., 1916.
3. Дьяков В.А. Польская тематика в русской историографии конца XIX — начала XX века (Н.И. Кареев, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин, В.А. Францев) // История и историки. 1978. М., 1981.
4. Аржакова Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб., 2010.
5. Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880.
6. Кареев Н.И. Polonica. Сборник статей по польским делам. (1881—1905). СПб., 1905.
7. Сементковский Р.И. Польская библиотека. СПб., 1882.
8. Михневич В.О. Варшава и варшавяне: наблюдения и заметки. СПб., 1881.
9. Венгеров С. Умственный поворот в польском обществе // Устои. 1882. №5.
10. Спасович В.Д. Жизнь и политика маркиза Велепольского: Эпизод из истории русско-польского конфликта и вопроса. СПб., 1882.
11. Wiech S. Dyktatura serca. Na zachodnich rubieżach Cesarstwa Rosyjskiego. Dzieje kariery wojskowo-urzędniczej Piotra Albiedynskiego (1826—1883). Kielce, 2010.

12. *Gorizontov L.* The writers as popularizers of the knowledge about the Slavic peoples. The case of multi-volume «Picturesque Russia» in the last quarter of the XIXth century // *Literature and the History of Slavic Studies*. Bratislava. В печати.
13. *Шестопалова И.М.* Представления о сторонниках и противниках польского национального движения (На материале пропагандистской литературы 1860-х годов). Магистерская диссертация. М., 2014.
14. *Dunin J.* Petersburski księgarz i wydawca Bolesław Maurycy Wolff i Zygmunt Librowicz // *Książka ponad podziałami*. Lublin, 2007.
15. *Frączek M.* Petersburskie czasopisma Adama Honorego Kirkora // *Europa Orientalis. Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*. 2013. №4.
16. *Горизонтов Л.Е.* Поднепровье и Северное Причерноморье в многотомных описаниях Российской империи рубежа XIX–XX веков: терминологические аспекты // *Славяноведение*. 2016. №3.
17. *Горизонтов Л.Е.* Смоленский рубеж в войне 1812 года и ментальные карты Российской империи // *Studia internationalia: Материалы международной конференции «Западный регион России в международных отношениях XVII–XX вв.»*. Брянск, 2011.
18. *Горизонтов Л.Е.* Западнорусизм в мире идентичностей межславянского пограничья. Историографические наблюдения // *Славянский мир: в поисках идентичности (Историки-слависты МГУ. Кн. 8)*. М., 2011.
19. Русь. 1884. №13.
20. Русь. 1884. №14.
21. *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997.
22. *Горизонтов Л.Е.* Преемственность и различия в постановке проблемы оскудения центра во второй половине XIX–XX в. // *Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. XXXIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений*. М., 2012.
23. *Gorizontov L.* The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington, 2007.
24. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т.6.
25. Живописная Россия... СПб., 1901. Т.VIII. Ч.2.
26. *Librowicz Z.* Stara Polska w opisie malowniczym, historia niewydanego dzieła według nieogłoszonych dotąd listów i dokumentów Mich. Grabowskiego, Kaczkowskiego, Kirkora, Kondratowicza, Kraszewskiego, księgarza Maur. Wolffa i wielu innych. Petersburg, 1883.
27. *Kwiatkowska M.* Księgarnia polska w Petersburgu. Przyczynek do opisu polskiego ruchu wydawniczego na przełomie XIX i XX wieku // *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia librorum*. 2014. №1.
28. *Горизонтов Л.Е.* «Инородческий казус» 1910 года как проявление конфликта идентичностей в политической жизни Российской империи // *Сценарии конфликтов на рубеже XIX – XX веков: политические – социальные – культурные. Австро-Венгерская и Российская империи*. Wien, 2011.
29. *Шестопалова И.М.* Образы «полякующих» в русской и польской пропагандистской литературе 1860-х гг. // *Славянский альманах*. 2016. № 1–2.
30. *Костомаров Н.И.* Русские инородцы. Исторические монографии и исследования. М., 1996.
31. *Костомаров Н.И.* Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1990.
32. *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1892. Т. IV: Белоруссия и Сибирь.
33. *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001.
34. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. XV: Керосин – Коаиё.
35. Русский биографический словарь. Ибак – Ключарев. СПб., 1897.
36. *Розанов В.* Кто истинный виновник этого? // *Русское обозрение*. 1896. №8.
37. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* То, что прошло. М., 2009. Т.1: 1870–1917.
38. *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989.
39. *Циунчук Р.А.* Позднеимперская монархия и новый русский монархический церемониал в мемуарах члена Государственного совета Э. Войниловича // *Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии*. Орел, 2014.

© 2017 г. С.Н. СЕРЯГИН

УЧАСТИЕ В.А. ПАНОВА В ПОМОЩИ БАЛКАНСКИМ СЛАВЯНАМ

Изучение благотворительности россиян на Балканах связывается, как правило, с деятельностью Московского славянского комитета, т.е. с 1858 г. События, предшествующие этому (помощь Балканам в 1840-х годах) видятся недостаточно изученными. Статья посвящена одному из активистов этого предшествующего периода – симбирскому помещику Василию Алексеевичу Панову (1819–1849). Во многом его деятельность предвещает появление Московского славянского комитета, основатели которого И.С. Аксаков и М.П. Погодин были близкими друзьями и, своего рода, помощниками В.А. Панова.

The study of philanthropy of the Russians in the Balkans is associated, as a rule, with the activities of the Moscow Slavic Committee, in other words, as late as since 1858. Previous events (help to the Balkans in the 1840es) are not sufficiently studied yet. The article is devoted to one of the activists of that earlier period – a Simbirsk landowner Vasily Alekseevich Panov (1819–1849). In many ways, his activities preceded to the establishment of the Moscow Slavic Committee, whose founders Ivan Aksakov and Mikhail Pogodin were close friends and so to say assistants of Panov.

Ключевые слова: Балканы, благотворительность, Василий Алексеевич Панов.

Keywords: Balkans, charity, Vasily Panov.

Большинство источников отсчитывают деятельность Московского славянского комитета с 1858 г. Можно полагать, что это лишь дата официальной регистрации, организационная структура и основная деятельность сложились гораздо раньше. Причем деятельность была планируемая и совместная, т.е., не уделом единиц. Осуществлялась она лицами, многие из которых (М.П. Погодин, И.С. Аксаков) впоследствии вошли в состав Комитета. Свидетельством тому – активная переписка. Однако период благотворительности 1840-х годов освещается незначительно: «все эти отношения были более или менее случайны, носили, главным образом, частный характер, связь была неорганизованной и личной» [1. С. 13].

Как известно, Комитет основан был с тройной целью: 1) доставлять южным славянам денежные средства на пользу церквей, училищ и других истинно полезных учреждений; 2) доставлять им пособия книгами, утварью и всем тем, что может способствовать к поддержанию православия в отношении к церквам и училищам; 3) вспомоществовать в Москве молодым славянам, приезжающим

учиться [2. С. 18]. Одним из активистов этой деятельности был симбирский помещик Василий Алексеевич Панов. В 1842—1843 гг. он совершил путешествие по землям западных и южных славян, едва ли не первым из русских посетил Герцеговину. Возвращаясь из поездки, он полон благородных стремлений: «Что касается до страждущих братьев в Сербии, Боснии, Герцеговине, говорить о них — слишком длинное и важное дело, которое я должен буду предпринять по возвращении. Если я хочу быть честным человеком, я должен стараться теперь во всех отношениях употребить в пользу то, что мне показала и доставила судьба, случай» [3. Ед.хр. 36. Л. 38]. Ему удалось побеседовать с министром просвещения С.С. Уваровым, но к большому успеху это не привело. Личные сочувствия к угнетенным собратьям несколько расходились с имперским интересом сохранять целостность всех существующих границ, в том числе Турции и Австро-Венгрии. Осуществляемая помощь могла быть лишь тайной, а значит незначительной.

В.А. Панов взял благотворительность в свои, частные руки. Прежде всего, выпустил брошюру «Путешествие по землям западных и южных славян. Которский округ в Далмации». В предисловии он призвал к сочувствию единоверцам и, помимо всего прочего, отметил: «Все отдельно напечатанные экземпляры назначены мною для особенной цели, с которой я и предпринял описание своего путешествия: вырученные за них деньги будут употреблены на покупку церковных книг и утварей для нуждающихся православных храмов и монастырей в Далмации и Герцеговине» [4. Задняя сторона переплета]. Нельзя сказать, что книга эта пользовалась огромным успехом, но так или иначе распространялась, в письме родным из Калуги И. С. Аксаков просил: «Скажите Панову, чтоб прислал мне экземпляров десять своего путешествия по славянским землям; я нашел ему сбыт и, пожалуй, буду собирать» [5. С. 216].

Сложно сказать однозначно, почему брошюра не получила планируемого продолжения. То ли помешала занятость самого В.А. Панова — в 1845 г. он активно занимался изданием первого тома «Московского сборника», то ли нехватка сведений, о которых он писал Вацлаву Ганке: «Сведения мои для этого будут недостаточны, и я не знаю везде источников, откуда бы мог их почерпнуть. Надеюсь, что Вы не откажетесь мне в этом пособить. Попросите Шафарика, Палацкого, чтобы они указали мне на какие-нибудь книги, которые бы могли дать краткое, но ясное понятие» [6. С. 843—844]. Возможно здесь сказалось пагубное влияние «мешковатости ума» автора, которое также нельзя совсем отбрасывать: «Да, я мало делал, надобно повиниться в лености». Но как бы то ни было, свою функцию указанная брошюра выполнила — В.А. Панов отправил посылку на Балканы, затем просил знакомых: «Посылаю Вам напечатанный мною список тех книг, в которых нуждается православная церковь в Далмации и Герцеговине. Я в нем зачеркнул карандашом то, что мною уже послано. Если захотят пожертвования доставить ко мне, я с удовольствием возьму на себя труд отправить их тем же путем, каким я теперь отправил собранные мною средства. Если ж захотят отправлять сами — чему я еще более буду рад, лишь бы только было послано — то пускай мне сообщат список вещей и места их назначения, дабы я с своей стороны мог известить об этом всех кому знать надлежит» [7].

Что можно сказать, исходя из анализа этого письма, помимо того, что оказывается материальная помощь православным церквям Далмации? Оказывается, не так уж и мало. Во-первых, В.А. Панов выступил инициатором

отправки — извещает М.П. Погодина о требуемых вещах. При этом В.А. Панов не только агитировал к вспоможению (участвуют не только М.П. Погодин, но и другие лица: «если захотят отправлять сами»), но и сам проявлял активность. Можно предположить, что эта отправка не первая и, вероятно, не последняя: через два года он снова писал М.П. Погодину: «Сделайте одолжение, скажите, кому Вы пошлете Сборник в славянские земли, чтоб не посылать нам вдвойне; ибо некоторым из известных мне лиц я хотел послать сам» [8. Ф. 231/II. Картон 23. Д. 68. Л. 11]. Кроме того, как уже было отмечено выше, в своем деле он не одинок. Есть сведения о занятии благотворительным сбором средств И.С. Аксакова: «Вместо того, чтоб мне пересылать к вам деньги, пожертвованные в пользу далматских церквей, потрудитесь выдать Панову 25 р. 50 к. асс., именно 10 р. от князя П.П. Гагарина, 10 р. 50 коп. от князя Р.А. Оболенского, 5 руб. от барона Ф.А. Бюлера; пусть Панов пришлет сюда три экземпляра (своей брошюры о путешествии по славянским землям. — С.С.)» [5. С. 142]. Еще один общественный деятель, Ф.В. Чижов, также путешествовал по славянским землям (Истрия, 1843—1845 гг. с перерывами) и, также, поразившись бедности православных и твердости веры («служение происходило на славянском языке, по нашим киевским печатным книгам, напечатанных в Австрии единоверцы не признают, так как там введены изменения в Основы вероучения, приспособление к католицизму»), пообещал им помощь. Он написал в Москву — известному благотворителю Платону Васильевичу Голубкову и, в сентябре 1844 г., православной общиной были получены четыре ящика (вся церковная утварь, облачения, полное собрание богослужебных книг, в том числе 40 букварей) на общую сумму около 1 000 рублей. То есть, именно его можно считать первым «спонсором» угнетенных собратьев (для сравнения: В.А. Панов вернулся из поездки в апреле 1843 г., но посылка его датируется 1845 г.).

В опубликованных воспоминаниях Ф.В. Чижов отмечает сердечные качества В.А. Панова: «Лучшим удостоверением может быть его брошюра. Доброта его души и преданность церкви видны и тут. Все издание выпустил в свет только для помощи бедным герцеговинским церквям. — Но при этом отмечает. — Панов [...] без самостоятельных идей, весьма не глупый, но всегда остающийся в фактической истории» [9. С. 241]. То есть, условно говоря, безынициативный. Надо признать, в этой характеристике есть немалая доля истины, но заслуг В.А. Панова это никак не умаляет. Если Ф.В. Чижов ограничивается помощью одному поселению, то В.А. Панов охватывает значительную территорию.

Особо значимым видится письмо Панову от Н.А. Ригельмана, поскольку свидетельствует о налаженной и активной деятельности, а также перечисляет частично состав сотрудников: «За твое приятное известие о получении книг в Далмации, я заплачу таким же. На днях я получил письмо с благодарностью за высланные мною книги в Белград. Сообщи это письмо тем благородным жертвователям, для которых я был только посредником в этом деле, то есть Шевыреву, Погодину, Языкову, Вельтману, Коссовичу и пр. Из этого письма ты увидишь, что они нам шлют тем же путем, с просьбой отдать в какую-нибудь публичную библиотеку. Предоставляю вам решить, куда и как. Также они просят выслать перевод “Stunden der Andacht”, если таковой найдется, то потрудись приложить его к прочим книгам, которые ты наберешь. Не забудь “Исторический” и “Московский сборник”, последнего сделай одолжение — приложи один экземпляр с надписью генеральному консулу

в Белграде г-ну Данилевскому. Распорядись также отдачею назначенных книг Бодянскому, с которым можешь снести по вопросу отправки книг» [3. Ед. хр. 36. Л. 239]. Сам факт, что письмо адресовано В.А. Панову, а также некоторые детали («потрудись», «распорядись») свидетельствуют об особой его роли в этом деле. Роли если не организатора, то диспетчера.

При этом В.А. Панов не только отправлял посылки на Балканы, но и принимал путешественников у себя: «Итак, у Вас странноприимный дом, любезный Василий Алексеевич, для славян и прочих племен, Христ. спасибо Вам, и помогай Вам во всем на добро» [3. Ед. хр. 33. Л. 226]. А также пристраивал их (достаточно успешно) у знакомых, ходатайствует за них перед С.П. Шевыревым и П.А. Плетневым: «Позвольте Вам представить приехавшего сюда на днях из Одессы болгарина Захара Петровича Княжеского. Он едет в Петербург хлопотать о деле, для всех нас близком и общем, о вспомоществовании болгарам в деле духовного просвещения, о заведении типографии в Тернове и пр. Вы, верно, не откажетесь с Вашей стороны дать ему письма в Петербург» [8. Ф. 850. Ед.хр. 427. Л. 1]. «На днях явится к Вам с письмом от О.М. Бодянского один серб, известный в сербской литературе писатель Милютинович. Я взял на себя смелость просить Вас доставить ему в Петербурге безденежный приют, то есть, квартиру и стол» [10].

Окончательное переселение В.А. Панова в деревню в 1847 г., а также сложившаяся политическая ситуация, привели к прекращению его активности на этом поприще, однако, остается память, хранимая более десяти лет после его кончины: «В Марбурге со времен Панова, которого все помнят, никто из русских не был» [11. С. 438]. Такой «срок давности» лишний раз подтверждает международное значение деятельности Василия Алексеевича Панова. Дополнением здесь может служить заметка о состоянии Московского славянского комитета: «К сожалению, комитет принял слишком исключительное направление — оказание пособия славянам, обучающимся в наших учебных заведениях, и выдачу вспомоществования возвращающимся на родину славянам. На 1867-й год вся полученная в этом году сумма была израсходована на стипендиатов. Чем можно объяснить себе это явление? Неужели же нет других средств для поддержания славян? Причина, кажется, совершенно проста: для того, чтобы средства комитета расходовались более разнообразно и шли бы более производительно, надобно деятелей, а в них-то и чувствуется у нас недостаток. Всем, конечно, известно, что деятельность большинства членов комитета ограничивается взносом денег. В этом нельзя не винить отчасти и наших передовых славянских деятелей: надо к великому делу суметь привлечь людей, выбрать из толпы будущих передовых деятелей и подготовить их себе в преемники. Другая причина несколько неправильного положения комитета — это слишком русофильское, а не всеславянское направление некоторых из передовых наших славянских деятелей» [2. С. 20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960.
2. Беседа. 1872. № 8. Отд. 2.
3. Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 178.
4. *Панов В. А.* Путешествие по землям западных и южных славян. Которский округ в Далмации. М., 1844.
5. *Аксаков И. С.* Письма к родным 1844—1849. М., 1988.
6. Письма Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905.
7. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 373. Оп. 1. Ед.хр. 27. Л. 1—2.

8. Отдел рукописей РГБ.

9. Исторический Вестник. 1883. № 11.

10. Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Ф. 234. Оп. 3. Ед.хр. 501. Л. 1.

11. И.С. Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3. Письма 1851—1860.

Приложения.

Письмо В. А. Панова Ф. В. Чижову.

12 марта 1845 г.

В Триест на имя негодянта Ивана Схулевича отправляется по первому летнему пути три короба с книгами по следующему назначению:

В Герцеговину, в (приходы) города: Столац, Фочань, Никшичи, Крушевац и Призвор (названия возможно неточные. — С.С.), в каждый по одному экземпляру Триоди постный (Триодион) и цветной (Пентикостазион), Требника больших, Минеи общей и праздничной и Октоиха или Осмогласника (в 2-х кн.), следовательно всего 35 книг, которые запакованы в отдельном коробе, означенном буквой Г и должны быть доставлены в Дубровник на попечение господина Лайновича, обещавшего их препроводить в назначенные места в Герцеговину. В Дубровник 12 книг Минеи месячной для новой церкви.

В Сплитский округ в прав. церковь Усп. Пр. Богор. В Загорье и Неретве 2 больших Евангелия в оправе (в особом ящике), 2 Псалтири, 2 Апостола и 2 Службника всего 8 книг. В тот же округ в село Псалтирь следовательно всего 9 книг.

В Задорский округ в места: Белину, Кистань, Ивасиевцы, Радучичь, Теплю и Балки 6 Евангелий, в 4-ю д.л. в оправе; 2 таких же Евангелия в Которский округ в места Убли и Кривоние в последнее еще Псалтирь и Апостол (старые), всего 10.

Всех книг Церковных, теперь уже запакованных 66, на сумму 992 р. 30 коп. С ними вместе уложены 2 экз. 2-х первых №№ Москвитянина за 1845-й год, из которых одно доставить Е.В. Преосв. Владыке Черногорскому и Бердскому Петру Петровичу Негошу; другой Священ. Правосл. в Дубровник Георгию Николаевичу.

В Церковь Св. Арх. Михаила в Дубровнике и в Столац в Герцеговине посылаются два полных облачения для священника и Дякона. Уложены в особом ящике и в коробе вместе с книгами.

Отдел рукописей РГБ. Ф. 332. К. 44. Ед.хр. 19.

Письмо В. А. Панова М. П. Погдину

31 мая 18(45)?.

[...] Письмо, полученное Вами из Петербурга с реестром собранных пожертвований для православных церквей в землях славянских сообщены мне были вчера вечером уже поздно. Я нынче никак не успел у Вас побывать, завтра еду в Звенигород и не могу лично переговорить с Вами об этом деле так скоро, как бы желал. Посылаю Вам напечатанный мною список тех книг, в которых нуждается православная церковь в Далмации и Герцеговине. Я в нем зачеркнул карандашом то, что мною уже послано, именно: все книги, требовавшиеся в Герцеговину, 10 Евангелий, 3 Псалтири, 3 Апостола, 2 Службника. Собранные книги могут назначить в любую из означенных

в списке церквей, кроме уже снабженных. Я хотел бы чтоб 11 книг Минеи месячной были посланы в церковь Св. Мих. Арх. на острове Превлока в Которском округе Далмации. В списке она не значится. Меня там просили о доставлении Минеи месячной. В церковных утварях нуждаются почти равно все эти церкви, хотя и не столько, сколько в книгах. Особенно советовал бы я утвари послать в Столац в Герцеговину, в Рагузу и на остров Превлоку. Что касается способов отправления, я другого не знаю, как в Триест на имя негоцианта Ивана Скулевича. Он имеет дом в самой Рагузе (Дубровнике); отсюда все вещи могут быть доставлены во все места Далмации и Герцеговины, находящиеся в непрерывном сношении как с Триестом, так и с Дубровником. Я свой транспорт на сумму 350 рублей серебром отправил отсюда 16 мая в Одессу на имя Ник. Степановича Палаузова, который на корабле отправит его в Триест к Скулевичу. В Рагузе у меня есть тоже верный корреспондент на попечение которого Скулевич отправит книги, назначенные в Герцеговину. Всем им пошлю я особые извещения с подробными списками.

Если захотят пожертвования доставить ко мне, я с удовольствием возьму на себя труд отправить их тем же путем, каким я теперь отправил собранные мною средства. Если ж захотят отправлять сами — чему я еще более буду рад, лишь бы только было послано — то пускай мне сообщат список вещей и места их назначения, дабы я с своей стороны мог известить об этом всех кому знать надлежит.

*Российский государственный архив литературы и искусства.
Ф. 373. Оп. 1. Ед.хр. 27.*

© 2017 г. Д.О. ЛАБАУРИ, Г. ГЕОРГИЕВ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ Л.И. ЖИЛЫ «ВЕНСКАЯ “ЛОВУШКА”: ИСТОРИЯ ПЕРЕГОВОРОВ МЕЖДУ СССР И ВМРО ТОДОРА АЛЕКСАНДРОВА»

Сообщение посвящено научной дискуссии относительно теоретических вопросов, связанных с характером македонского освободительного движения конца XIX – первой трети XX в. Авторы предлагают собственный ответ на вопрос о глубинной сути данного движения – являлось ли оно проявлением болгаро-македонского ирредентизма либо же македонского политического сепаратизма.

The study deals with the scholarly discussion about theoretical issues related to the character of the Macedonian liberation movement in the late nineteenth and first third of the twentieth centuries. The authors suggest their own answer to the question of the essence of this movement: whether it was a manifestation of the Bulgarian-Macedonian irredentism, or Macedonian political separatism.

Ключевые слова: ВМРО, Коминтерн, Венский центр, Майский манифест, Болгария, Македония.

Keywords: VMRO (Inner Macedonia Revolutionary Organisation), Komintern, Viennese centre, May Manifesto, Bulgaria, Macedonia.x

В 2014 г. в Республике Македония на македонском языке вышла книга российской исследовательницы Лины Жилы, посвященная одной из наименее изученных страниц в истории Внутренней македонской революционной организации, а именно контактам Организации с советскими агентами в 1923–1924 гг. Исследование основано на обширном документальном материале, извлеченном из российских, болгарских и македонских архивов. Особую ценность при этом представляют ранее неизвестные исследователям письма и документы Т. Александрова, проливающие свет на последние месяцы жизни и деятельности вождя македонской революционной организации.

Проблематику переговоров советских дипломатов с македонскими революционерами Л.И. Жила помещает в широкий контекст идеологии и практики внешней политики Советского государства в 1920-е годы. Автор убедительно доказывает конъюнктурный характер большевистского, а затем советского лозунга о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Лозунг,

---

Лабаури Дмитрий Олегович – канд. ист. наук, доцент Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина.

Георгиев Георги Николов – д-р ист. наук, главный ассистент Института исторических исследований БАН.

использованный большевиками в период революции и Гражданской войны прежде всего для удержания власти, после провозглашения СССР в 1922 г. приобрел для Кремля главным образом пропагандистское внешнеполитическое звучание. Отказ творцов Версальского миропорядка от масштабного применения принципа национального самоопределения в послевоенный период позволил Советскому государству провозгласить себя единственным истинным защитником национальных движений поработанных народов, используя их в интересах разжигания революции [1. С. 32]. Доводы автора относительно инструментальной роли «национального вопроса» в идеологии и практике внешней политики Советского государства в 1920-е годы предельно убедительны – усиление межнациональных противоречий и разных форм национально-освободительной борьбы представляло интерес для большевистского руководства и искусно дирижируемого им Коминтерна исключительно к качеству одного из доступных способов внутривнутриполитической дестабилизации европейских государств, способной открыть широкий путь для реализации так называемой революционной перспективы. Насколько утопичен был этот подход читатель так же может судить по повествованию Жилы.

Ценность работы советских дипломатов и разведчиков с «национальными движениями» объяснялась тем, что такая «подземная», подрывная деятельность идеологически воспринималась большевистским руководством как составная часть мутировавшей в середине 1920-х годов концепции «мировой революции». Жила в данном случае совершенно справедливо утверждает, что победа сталинской концепции построения социализма в отдельно взятой стране отнюдь не означала принципиального отказа большевистского руководства от идеи мировой революции, которая теперь переносилась в категорию неопределенного и поэтапно достигаемого будущего.

Л.И. Жила при этом показывает и двойственность, по крайней мере, видимую, советской внешней политики 1920-х годов. Эта двойственность выражалась в параллельной деятельности двух институтов – Коминтерна, ставшего главным проводником так называемой подземной или «нелегальной» деятельности Советского государства за рубежом, и Наркомата иностранных дел (НККИД), демонстрировавшего курс на «мирное сосуществование» с капиталистическим окружением и сумевшего в 1920-е годы справиться с непростой задачей выхода из международной изоляции, добившись дипломатического признания советского режима большинством европейских стран. Однако более важным представляется другой вывод Жилы – о том, что НККИД в указанный период помимо реализации своей основной задачи – «обеспечения мирных условий для дальнейшего построения советского государства», имел и скрытую цель, призванную обслуживать «ведущую линию внешней политики Советского Союза» до 1927 г., а именно должен был оказывать дипломатическое прикрытие и содействие подрывной нелегальной деятельности советских агентов за рубежом. В этом плане руководитель НККИД Г.В. Чичерин одновременно выступал и в роли народного комиссара, и в роли революционера [1. С. 54–55]. Указанное, однако, не означало полного согласия в параллельной деятельности НККИД и других структур советской внешней политики с одной стороны и Коминтерна – с другой. Противоречия между болгарскими коммунистами в ИККИ и агентами советского влияния на Балканах по поводу отношения к ВМРО в 1924 г. как раз демонстрируют тот факт, что Коминтерн первоначально сохранял известную самостоятельность, диссонировавшую

порой с конкретными устремлениями советской внешней политики. Лишь после XV съезда ВКП(б) в декабре 1927 г., когда «национально-государственные интересы», в том числе интересы защиты и укрепления Советского государства, были признаны приоритетными по отношению к линии на разжигание «мировой революции», НКВД избавился от нехарактерных для него функций, а Коминтерн, наоборот, утратил остатки самостоятельности, окончательно и органично влившись в советскую политическую систему, возглавляемую Политбюро ЦК ВКП(б).

В первых главах книги автором убедительно показаны как механизм реализации, так и масштабы «нелегальной» внешнеполитической деятельности Советского государства в 1920-е годы. В частности, автор раскрывает роль советских агентов в дирижировании революционными проявлениями в Болгарии в первой половине 1920-х годов, показывает степень участия так называемого Венского центра Коминтерна в организации одиозного теракта в Софийском кафедральном храме «Св. Неделя» в апреле 1925 г. [1. С. 86–87]. Лишь провал попыток организации «Всебалканской рабоче-крестьянской революции» в середине 1920-х годов вынудил Балканскую комиссию Коминтерна к осени 1927 г. сосредоточить свое внимание на национально-революционных движениях на Балканах [1. С. 91].

Именно в этот контекст Л.И. Жила помещает сложную проблематику советско-македонских отношений в 1923–1924 гг.

Автор объективно подходит к определению причин интереса Советской стороны к ВМРО, которую ее конкуренты в македоно-одринском движении (так называемые федералисты) и болгарские коммунисты открыто изображали в качестве реакционной силы, союзной режиму А. Цанкова и замешанной в перевороте 1923 г. «Реакционный» характер ВМРО однако большевистское руководство предпочло не заметить, увидев в организации Т. Александрова и А. Протогеровова прежде всего значимый фактор дестабилизации положения внутри Королевства СХС. Революционная организация, несмотря на ряд ощутимых поражений, понесенных в предыдущие годы, по-прежнему сохраняла военно-политический потенциал достаточный для поддержания повстанческого брожения в Македонии, а возможно и для организации масштабной провокации, способной вызвать конфликт между Королевством СХС и Болгарией. В таком случае, по мысли идеологов и руководителей советской внешней политики, был бы открыт широкий путь для «революционной перспективы» на Балканах. Подход – предельно циничный, но македонские вожди тем не менее приняли приглашение к рискованной игре. Сколь бы не был велик страх утратить самостоятельность, превратившись в орудие чуждых интересов, возможность опереться на помощь Москвы показалась им более заманчивой.

В данном случае, как убедительно показывает Жила, обе стороны оказались в плену самообмана: советское руководство поверило в возможность «крупной акции» на Балканах в 1924 г., главным актором которой должна была стать ВМРО, тогда как Т. Александров был заморожен той помощью, которую «Великая славянская держава» оказала Кемалю Ататюрку и теоретически могла оказать ВМРО, признав организацию «автономистов» единственным легальным представителем интересов македонского народа. Особенно заманчиво такая перспектива выглядела на фоне все более ухудшающихся отношений между ВМРО и режимом А. Цанкова.

Разочарование Т. Александра и других вождей автономистов в сотрудничестве с СССР, однако, оказалось куда более глубоким. Л.И. Жила детально воспроизводит анатомию переговорного процесса в Вене, демонстрируя, что соблазненным первоначальными советскими обещаниями активистам ВМРО пришлось в дальнейшем иметь дело с абсолютно бескомпромиссной и прямолинейной большевистской машиной, агрессивной и напористой, действующей в духе «кто не с нами – тот против нас». Советских переговорщиков В.П. Милютина и М.А. Логановского, с которыми Т. Александру пришлось иметь дело в Вене, она с основанием характеризует как «фанатиков идеи мировой революции со свойственной им нетерпеливостью, нетолерантностью и радикализмом» [1. С. 179].

Добавим, что Т. Александров был не единственным, кто на себе ощутил методы большевистско-коминтерновской политики «напролом». Хорошо известен, в частности, случай с главой Хорватской крестьянской партии С. Радичем, который по возвращении из Москвы удрученно заявил своему соратнику В. Мачеку: «Ничего [не удалось добиться]. Коммунистам нужны не союзники, а только слуги» [2. С. 103]. Из повествования Жилы следует, что Т. Александров довольно быстро пришел к тем же выводам. Сложность его положения, однако, заключалась как в намного более уязвимом правовом статусе в рамках Болгарии, так и в особом интересе советской стороны к возглавляемой им революционной организации.

Подробно описывая этапы переговорного процесса, Л. Жила наглядно показывает, как большевики в буквальном смысле на ходу меняли стратегические планы своих взаимоотношений с организацией Т. Александра и А. Протогерова. Поймав представителей революционной организации в свои сети, переговорщики от советской стороны уже практически не возвращались к теме освобождения Македонии, а плели интриги вокруг различных способов привлечения ВМРО к борьбе за «установление рабоче-крестьянской власти в Болгарии».

Стоит ли и говорить о том, что попытки большевиков поставить ВМРО под контроль болгарских коммунистов и левых сил для ее использования в первую очередь в интересах разжигания гражданской войны в Болгарии были изначально обречены на провал. Это прекрасно понимали и сами болгарские коммунисты. Жила, в частности, приводит в качестве примера позицию одного из них – македонца К. Янкова, который не без доли иронии вопрошал относительно пресловутого «Майского манифеста»: «Что македонского в этих требованиях?» [1. С. 262].

Следуя логике «кто не с нами – тот против нас», большевики вскоре и вовсе сосредоточились на реализации программы минимум в отношении ВМРО, а именно: переговоры советской стороны о привлечении ВМРО на свою сторону постепенно трансформировались в борьбу против революционной организации автономистов и лично ее вождя Т. Александра, в чем советская сторона определенно преуспела. В итоге публикацией провокационного «Майского манифеста» советская сторона смогла значительно ослабить автономистов, внести дополнительный раскол в их ряды, дискредитировать лично Т. Александра, поставившего подпись под этим документом, ускорив его падение и развязав в итоге новый виток братоубийственной войны между македоно-одринскими деятелями. Эти выводы, впрочем, считаются утвердившимися и в болгарской историографии.

Жила однако идет дальше и затрагивает следующий, крайне деликатный, вопрос – каким образом «венская катастрофа» соотносится с эволюцией «идентичностей» правого крыла македонского революционно-освободительного движения и Т. Александрова лично.

Следует отметить, что тема национальной идентичности славянского населения Македонии до середины XX в. является одной из наиболее сложных для македонской историографии, тем не менее уже не настолько табуированной, как два десятилетия назад. Исследовательница подошла к данному вопросу предельно объективно и строго, давая слово в первую очередь историческим источникам. Приводимые ею документы, как советского, так собственно македонского происхождения характеризуют это население как «ощущающее себя болгарским» (Доклад ИНО ОГПУ от ноября 1923 г.) [1. С. 119], как «македонских болгар», «которые являются наиболее угнетенными и наиболее многочисленными в разделенной и поработанной Македонии» (Декларация ВМРО от 1 августа 1924 г.) [1. С. 273].

Лидеры ВМРО, согласно свидетельствам, используемым автором, называют себя болгарами, болгарскими патриотами и националистами. Советский резидент Б.Я. Шпак («Андреев»), ведший в декабре 1923 г. переговоры с Т. Александровым, в частности, следующим образом передает ответ македонского вождя на предложение сотрудничать с большевистской разведкой в Болгарии: «Помощь в военном шпионаже против Болгарии сейчас нам представляется невозможной по моральным причинам, поскольку мы сами являемся болгарами» [1. С. 128]. Второй руководитель ВМРО А. Протогеров на встрече с премьером А. Цанковым в начале 1924 г. на предложение покинуть на время Болгарию чтобы снять напряжение в болгаро-югославских отношениях, выпаливает: «Сильно мы испугались! Мы – македонцы, но в то же время и болгары-патриоты. До тех пор, пока Македония поработана, будет существовать и Македонская революционная организация. За свою свободу и за объединение с матерью-родиной Болгарией она принесла в жертву лучших своих сыновей» [1. С. 159].

Свидетельств подобной «болгарскости» вождей ВМРО и самой революционной организации в изложении Л.И. Жилы предостаточно. Чего только стоит описание ею драматичного кризиса в отношениях между болгарским правительством и ВМРО (с последующим вынужденным отъездом Александрова и Протогерова из Болгарии) в 1924 г., обстоятельства которого демонстрировали насколько крепко революционная организация своей корневой системой срослась с Болгарским государством.

На фоне всего этого тем более неожиданными кажутся итоговые выводы автора о якобы судьбоносном выборе Т. Александрова в августе 1924 г. в пользу македонской идентичности, выборе, который, по ее утверждению, имел фатальные последствия как для самого македонского вождя, так и для возглавляемой им организации.

Позиция автора заключается в следующем. После Рильского конгресса ВМОРО в 1905 г., обозначившего раскол в революционной организации на левую и правую фракции, последняя, к которой принадлежал в том числе и Т. Александров, последовательно отождествляла интересы Македонии с интересами Болгарии. Для деятелей типа Т. Александрова было характерно соединение двух идентичностей – территориальной (македонской) и национальной (болгарской). Обе идентичности, по мнению Л.И. Жилы, до поражения Болгарии в Первой мировой войне не противоречили друг

другу, а предполагали симбиоз «болгарского национализма» и «македонского патриотизма» [1. С. 282], выразившийся в стремлении к присоединению Македонии к Болгарии. Одним из проявлений этого симбиоза являлось устойчивое самоназвание «македонский болгарин».

Описанная автором болгаро-македонская концепция Внутренней революционной организации, и с этим тезисом сложно не согласиться, предполагала использование Болгарии в качестве инструмента в деле освобождения Македонии. Однако возникшие после Первой мировой новые реалии, как указывает автор, нанесли сокрушительный удар по этой концепции. Судьбы Македонии и Болгарии отныне разошлись. Слабая, поверженная и зависимая от победителей Болгария была не в силах более поощрять македонскую ирреденту. Премьер-министр А. Цанков и министр внутренних дел И. Русев твердо и недвусмысленно требовали от македонских вождей, во-первых, прекратить диверсионные вылазки на территорию сосердных государств, а, во-вторых, признать над революционной организацией суверенитет центральной болгарской власти.

«Новая реальность», по словам Л.И. Жилы, поставила Т. Александрова перед «безальтернативным выбором»: либо полностью подчинить организацию болгарским властям и отказаться от силовой борьбы за освобождение Македонии, либо же сохранить революционный и независимый характер организации, но вступить при этом в открытый конфликт с болгарскими властями, не готовыми больше терпеть государство в государстве на территории Болгарского царства. Т. Александров якобы сделал выбор в пользу второго варианта. Автор пишет буквально следующее: «Тодор Александров избавился от собственных иллюзий и заблуждений, согласно которым по окончании Первой мировой войны возможно было связать борьбу за освобождение Македонии с политикой болгарского национального государства» [1. С. 273]. По мнению Жилы, это означало, что в возникшем (впервые ли?) конфликте двух идентичностей Т. Александров сделал выбор в пользу «территориальной» македонской идентичности. За что заплатил собственной головой.

К сожалению, высказанная еще в самом начале книги, данная мысль так и осталась авторской гипотезой, не получив никаких реальных фактологических подтверждений кроме явно неубедительных ссылок на Декларацию (крайне неоднозначную в свете рассмотренных нами проблем) ВМРО от 1 августа 1924 г.

Столь же дискуссионной выглядит и высказанная Жилой гипотеза о причастности болгарских властей к устранению Т. Александрова. Категоричность суждений автора в случае, когда вместо доказательной фактологической базы используется аргумент «кому это было выгодно», вызывает некоторое удивление. Ведь Т. Александров к концу своего земного пути успел нажать себе массу врагов как внутри Болгарии, так и за ее пределами. Например, Жила сама описывает крайне нервную реакцию Венского центра Коминтерна на попытки Т. Александрова уклониться от предусмотренного, как полагали большевики, в Майском манифесте обязательства включиться в гражданскую войну против режима А. Цанкова [1. С. 265–267]. Новый представитель ИККИ в Вене Б.Д. Михайлов в середине августа 1924 г. настойчиво инструктировал большевистских агентов «ускорить изоляцию Т. Александрова». Жила отмечает: «Б.Д. Михайлов сделал ставку на “выдавливание” Т. Александрова и его сторонников из организации и “захват” ВМРО “левыми силами”».

Той же позиции придерживались В.Х. Аусем, Д.В. Богомолов, М. Логановский и Е. Голденштейн» [1. С. 267]. И тем не менее, она безоговорочно реабилитирует коммунистов, приведя в их оправдание лишь одно письмо Г. Димитрова Президиуму ИККИ [1. С. 301].

Можно поспорить и с выводом о том, что ВМРО после убийства Т. Александра окончательно утратила самостоятельность, а пришедший ему и А. Протогерову на смену Иван Михайлов стал чуть ли не агентом болгарского правительства. В действительности, организация И. Михайлова доставляла не меньше хлопот Болгарскому государству, а относительная развязка в длительном противостоянии болгарского правительства с ВМРО наступила лишь в 1934 г., и она являлась далеко не мирной.

Работа Л. И. Жилы, вне всякого сомнения, вносит важный вклад как в изучение целей и механизма реализации советской политики на Балканах в 1920-х годах, так и в осмысление наследия такой крайне противоречивой фигуры, как Тодор Александров. Однако не менее важен и тот факт, что выводы автора расширяют поле научной дискуссии относительно теоретических вопросов, связанных с характером македонского освободительного движения конца XIX–XX вв. Главным из этих вопросов в спорах историков (главным образом болгарских и македонских) безусловно остается диллема о глубинной сути данного движения – являлось ли оно проявлением болгаро-македонского ирредентизма либо же македонского политического сепаратизма.

Как нам представляется, описанная Л.И. Жилой коллизия, в которой оказался Т. Александров в 1924 г., была не нова для руководства македоно-одринских, а затем македонских организаций, всегда находившихся в крайне сложных отношениях с Болгарским государством. Стоит вспомнить хотя бы эпизод с Борисом Сарафовым, который в 1899–1901 гг. опутал тайными сетями своего Верховного комитета почти всю Болгарию и в какой-то момент превратился, по словам болгарского офицера П. Дырвингова, в настоящее «страшилище» для «князя, правительства и партии» [3. С. 40–41], но после своего временного ареста болгарскими властями и вынужденного отъезда затем из Болгарии растерянно спрашивал в одном из писем заграничных представителей ВМОРО Д. Стефанова и Т. Делииванова: «Определимся ясно: *македонские революционеры мы или болгарские патриоты?*» (выделено в тексте. – Д.Л., Г.Г.) [4. С. 102–103]. Данный вопрос ставили и другие представители македоно-одринского движения, и для большинства из них он имел риторическое значение, поскольку отображал две неразрывные ипостаси одного целого. Причем иногда даже в том случае, когда речь шла о так называемых санданистах и представителях левых группировок внутри македоно-одринского движения, славившихся своим неприятием «великоболгарского империализма» (характерный термин из их лексикона [5]).

Исторически так сложилось, что ВМОРО и ВМОК практически с момента своего возникновения на политическом небосклоне Болгарии хотели навязать болгарскому государству свое видение и методы решения македонского вопроса, превратив официальную Софию в заложника их подрывной деятельности в Македонии. Болгарское правительство и дворец наоборот желали видеть в революционных организациях македонских болгар послушное орудие своей политики в македонском вопросе. Противоречия в данном случае носили исключительно методологический характер – речь шла о том, в чьих руках будет сосредоточено руководство программой объединения болгарских земель. Что же касается стратегической цели – освобождения Македонии

и присоединения ее к Болгарии, она оставалась единой для всех институтов болгарского национального движения, включая правительство и македонские революционные организации. Все официальные программы, декларации и идеологические конструкты в духе автономизации и дистанцирования Македонии от Болгарии были не более чем ширмой для маскировки истинных намерений «македонских патриотов» и «болгарских националистов» в одном лице. По этому поводу еще в 1906 г. в обширном докладе, признававшем правильность выбора македонскими болгарскими тактики политического сепаратизма от Болгарии, глава II политотделения болгарского МИД Тома Карайовов (сам македонский болгарин по происхождению) разъяснял: «Путь слабого — в хитрости, которую следует противопоставить силе врага» [6. С. 132].

В этом плане принятая на вооружение Т. Александровым и возглавляемой им ВМРО идея независимой Македонии, являвшаяся всего лишь модификацией хорошо известной всем идеи Автономии Македонии (не случайно за последователями Т. Александрова закрепилось определение именно «автономистов»), не только никоим образом не противоречила внешнеполитическим установкам Болгарии, но и поддерживалась ею. Причина этого крылась в том колоссальном резерве доверия официальных болгарских властей к ВМРО и болгаро-македонскому населению, который убеждал в служебной и временной роли доктрины македонского политического сепаратизма. Сама Л. И. Жила воспроизвела весьма точную характеристику идейных устремлений ВМРО, данную советскими разведывательными службами в ноябре 1923 г.: «Официальная Болгария поддерживала и будет поддерживать автономистов по причине того, что видит выгоду в автономной Македонии, большинство населения которой всегда ощущало себя болгарскими. Такая Македония всегда бы была орудием Болгарии против Сербии [...] Организация автономистов никогда не была революционной — ее стремления чисто шовинистические» [1. С. 119].

Сложно не согласиться с автором относительно того, что, оказавшись на распутье, Т. Александров, несмотря на настоятельные просьбы болгарских властей, не отказался от этнической борьбы за освобождение Македонии и отверг идею подчинения ВМРО логике болгарской внешней политики. Сложно, однако, поверить в то, что этот выбор сопровождался отказом от болгарской идентичности и от преданности Болгарии и болгарской национальной идее.

Отчасти в подтверждение взглядов Т. Александрова можно привести содержание его письма Владимиру Карамфилову от 6 июля 1919 г., где он подробно объясняет мотивы выдвижения организацией лозунга независимой Македонии вместо требования автономии «под сербским (югославским) или греческим протекторатом». Л. Жила ссылается на это письмо, но по каким-то причинам опускает весьма солидную и важную часть объяснений Т. Александрова, которую мы позволим себе процитировать: «Все мы добивались применения бесспорных принципов Вильсона, на основе которых сегодня выстраивается новый миропорядок, в первую очередь с той целью, чтобы сохранить *моральное единство* (выделено в оригинале. — Д.Л., Г.Г.) нации, что сегодня является более важной задачей, важнее даже чем временная свобода. Сохранив моральное единство, рано или поздно мы сможем осуществить народ[ное] объединение: эта война — не последняя в истории, и очевидно, что новые войны не заставят себя долго ждать. Но однажды нарушенное моральное единство и возникшая пропасть между болгарскими из одной области и болгарскими из другой области, даже в том случае, если мы сможем освободиться, создадут угрозу [...]

нашего поражения и [нового] порабощения по частям [...] Все мы воспринимаем автономию или, точнее, создание независимой Македонии как меньшее зло по сравнению с невозможностью объединиться [с Болгарией] сейчас же» [7. С. 1154–1155].

Представляется, что ничего поистине новаторского в данном подходе Т. Александрова не было. Скорее он выступал как аутентичный наследник и продолжатель традиции руководителей и идеологов еще самого первого поколения Внутренней революционной македоно-одринской организации. Не Тома Карайовов ли еще в 1903 г. сформулировал следующую идею: «Присоединение к Болгарии, по-видимому, невозможно, поэтому мы действуем только для Македонии и во имя ее освобождения от турецкого ига. Но из этого не следует, что мы откажемся от нашей болгарской национальности» [8. С. 128–131]. Он же годом ранее в газете «Право» заявил во всеуслышанье: «Нет оснований возмущаться политическим сепаратизмом населения Македонии [...] Болгарская народность сохраняется как целое, неделимое, связанное духовной культурой, хотя она и будет политически разделена [...] Мы отвергаем какие бы то ни было упреки в национальном сепаратизме» [9. С. 474–477].

Поднатаревшие за годы информационной и идеологической борьбы за собственную значимость и статусность, македонские революционеры могли выпускать какие угодно публичные и громкие декларации с обвинениями и даже проклятиями в адрес официальной Болгарии (таков уж был их стиль), но главной лакмусовой бумагой их истинных намерений оставались их практические действия. В этом плане читатель книги «Венская “ловушка”...» наверняка обратит внимание на следующую деталь, упомянутую автором: всего за три недели до провозглашения «судьбоносной» Декларации от 1 августа 1924 г., якобы порывавшей всякие связи ВМРО с Болгарией, Т. Александров отправил отрицательный ответ на предложение так называемых «царибродских деятелей» организовать ряд терактов против Королевства СХС, мотивируя это следующим образом: «ВМРО считает опасным для Болгарии и бесполезным для Царибродского района сейчас предпринимать террористические акции без ведома болг[арских] властей» [1. С. 227]. А буквально за день до публикации указанной Декларации Т. Александров на встрече с коммунистом и «полуофициальным» представителем Венского центра К. Янковым пытался убедить его в том, что «попытка бунта в Болгарии представляет опасность не только для коммунистов, но и для самого государства, тогда как ВМРО нуждается в сохранении независимой Болгарии, пусть и под властью Стамбульского, но не под властью сербов и греков» [1. С. 259–260].

Как нам кажется, эти и подобные им поведенческие реакции Т. Александрова в полной мере соответствовали завету легендарного основателя четнического института Гоце Делчева беречь Болгарию и не вовлекать ее «босою в огонь» [10. С. 207]. Представление о Болгарии как последнем рубеже, который следовало сохранить во что бы то ни стало, имело массовое распространение в среде македоно-одринской эмиграции в Болгарии, вне зависимости от того, шла ли речь о прагматиках или идеалистах, рядовом¹ или руководящем составе.

¹ Публицист и революционер Христо Силянов, ставший в сентябре 1915 г. в преддверии мобилизации, непосредственным свидетелем и участником формирования знаменитой 11-ой Македонской дивизии, следующим образом резюмировал лейтмотив подслушанных им тревожных разговоров ее бойцов – беженцев-мужчин, собравшихся со всех краев Македонии и Фракии: «Лишь бы Болгария у нас осталась. ... Главное – Болгарию сохранить (не потерять ее в предстоящей войне». – *Д.Л., Г.Г.*) [11. С. 172].

В этом плане брошенную в пылу спора министром Русевым Т. Александрову фразу «Без Болгарии — вы ноль» едва ли можно оценивать как пустой блеф.

Прошло менее двадцати лет, и в 1941 г., когда большая часть Вардарской Македонии вновь оказалась под болгарским управлением, оставшиеся на боевом посту активисты и идеологи македоно-одринского движения с удивительной легкостью, такой же, впрочем, как и в 1912 или 1915 г., позабыли идеи о самостоятельности и независимости Македонии, вокруг которых было сломано столько копий в предшествующий период. И заплатили в итоге после 1944 г. крайне высокую цену за безоговорочный выбор в пользу полного воссоединения Македонии и Болгарии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жила Л.* Венская «ловушка»: история переговоров между СССР и ВМОРО Тодора Александрова. Скопье, 2014.
2. *Ревякина Л. В.* Коминтерн и судьба «левых» в балканских крестьянских партиях // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002.
3. *Елджров С.* Върховният македоно-одрински комитет и македоно-одринската организация в България (1896–1903). София, 2003.
4. *Пандев К.* Документи за македоно-одринското национално-освободително движение от архива на Димитър Стефанов // Исторически преглед. 1982. № 6.
5. *Кастелов Б.* Димо Хаджидимов. Живот и дело. София, 1985. С. 124–134; *Лабаури Д. О.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы. София, 2008. С. 131–133.
6. *Михов М.* Един рапорт на Второ политическо отделение при Министерството на външните работи и на изповеданията по македонския въпрос (1906 г.) // Македонски преглед. 1998. № 2.
7. Вътрешната македоно-одринска революционна организация (1893–1919 г.). Документи на централните ръководни органи (устави, правилници, мемоари, декларации, окръжни, протоколи, наредби, резолюции, писма). София, 2007. Т. I. Ч. 2.
8. Документи од Виенската архива за Македонија од 1879–1903. Скопје, 1955.
9. Македония. Сборник документов и материалов. София, 1978.
10. *Яворов П. К.* Гоце Делчев. София, 1904.
11. *Биларски Ц., Пасков И.* Дневници на Христо Силянов (1912–1917 г.) // Известия на държавните архиви. 1992. Кн. 63.

© 2017 г. Л.Н. БУДАГОВА

«МУДРОСТЬ ДРЕВНИХ ЧЕХОВ» Р. ЯКОБСОНА

Статья посвящена обстоятельствам создания Р. Якобсоном в США во время Второй мировой войны книги «Мудрость древних чехов», ее неоднозначному восприятию в кругах чешской эмиграции и расширенному переизданию в Праге в 2015 г.

The article deals with the circumstance of creation of Roman Jakobson's book «The Wisdom of the Old Czechs» in the USA during World War Two, its ambiguous reception among the Czech emigration and reprinting in Prague in 2015.

Ключевые слова: Роман Якобсон «Мудрость древних чехов», немецкая экспансия, побелогорский период, Богуслав Бальбин, чешская эмиграция, антифашистская литература.

Keywords: Roman Jakobson, «The Wisdom of the Old Czechs», the period after the Battle of White Mountain (1620), Bohuslav Balbín, Czech emigration, antifascist literature.

В разгар Второй мировой войны, в 1943 г., в Нью-Йорке, вышла книга Романа Якобсона (1896–1982) «Мудрость древних чехов». Ее автор, известная личность, попавшая даже в стихи Маяковского (как друг и объект восхищения красного дипкурьера Теодора Нетте, погибшего при выполнении задания) [1. С. 339–342] – человек яркой и сложной судьбы. Пресс-атташе (1921–1928) советского торгпредства в Чехословакии, высокообразованный молодой филолог, участник (1915–1920) Московского лингвистического кружка, одного из предтеч структурализма, Якобсон сближается в Праге с представителями левоориентированного чешского авангарда. В 1926 г. он принимает активное участие в создании Пражского лингвистического кружка, занимая затем в течение многих лет пост заместителя председателя объединения, создает работы о стихосложении, о творчестве А.С. Пушкина, Б. Пастернака, а позже А. Блока, В. Маяковского, В. Хлебникова и т.д. В 1930-е годы Якобсон преподает в университетах Праги и Брно русскую филологию, древнечешскую литературу. С наступлением Гитлера на Чехословакию Якобсон эмигрирует в марте 1939 г. в Данию, после этого в Норвегию, Швецию, а в 1942 г. – в Нью-Йорк, где вскоре становится заведующим кафедрой истории чехословацкой культуры и профессором общей лингвистики на филологическом факультете Свободного французского университета. Осенью 1942 г. он читает научно-популярные лекции при Кружке чехословацкой культуры, опубликованные в доработанном виде в 1943 г. в воскресном приложении к «New York Herald». На их основе

и возникла вышеупомянутая книга, чей подзаголовок — «Извечные основы национального сопротивления» подчеркивал не только ее патриотическую направленность, созвучную настроениям времени, но и опору автора на протекавшие в чешской истории процессы.

Эта книга с обширным сопутствующим и разъяснительным материалом была впервые после американской публикации переиздана в Праге в 2015 г. Томашем Германом (р. в 1974), сотрудником Института современной истории Академии наук Чешской республики и кафедры истории и философии естественных наук природоведческого факультета Карлова университета, и Милошем Зеленкой (р. в 1961), заведующим кафедрой чешского языка и литературы педагогического факультета Южночешского университета, сотрудником кафедры культурологии философского факультета Карлова университета.

Название книги не только повторяет сборник пословиц, «который когда-то “как зеркало поставил потомкам” Ян Амос Коменский», как подчеркивают издатели [2. С. 375], но и перекликается со сборником Франтишка Ладислава Челаковского «Мудрословие славян в пословицах» (*Mudrosloví národa slovanského ve příslovích*, 1851). Якобсон как бы закрепляет за чехами такое качество, как «мудрость», подтверждая это не пословицами, а историческими деяниями народа.

В своей книге Якобсон охватывает древнейший период чешской истории с IX до XVII в., разделяя его на пять этапов: 1. Девятое столетие. Великая Моравия; 2. Княжество Пршемысловичей; 3. Тринадцатое столетие: королевство Пршемысловичей; 4. Четырнадцатое столетие: век Люксембургов; 5. Гуситская революция и ее последствия. Автор анализирует первые литературные памятники, рассматривает генезис национального литературного языка как языка церкви под влиянием восточной цивилизации, фиксирует ранние проявления немецкой экспансии по отношению к чехам в периоды правления Пршемысловичей, подчеркивает роль Карла IV в поддержке кирилло-мефодиевской традиции, роль чешской реформации в демократизации церкви, в борьбе за право вести богослужение на чешском языке, в движении за национальную и социальную справедливость. К ее духовным наследникам Якобсон относит деятелей чешского национального возрождения XIX в. — Я. Коллара, Ф. Палацкого, К.Г. Гавличека-Боровского, уверенно включая в их ряды и президента Масарика.

Процессы, связующие разные этапы чешской истории, ее «красную нить» Якобсон видит в противодействии немцам, пытавшимся не только по праву сильного соседа покорить чешский народ, т.е. еще в древние времена расширить за его счет жизненное пространство, но и утвердить свое превосходство над чехами, оспорить их самобытность. От прошлого автор переходит к настоящему. «Неудивительно, что в Германии, то ли из-за неведения, то ли из-за сознательного игнорирования тысячелетней реальности, чешское национальное самосознание объявлено простым побегом новоявленных философско-исторических немецких учений, — пишет Якобсон. — Как ни странно, но эта нелепость проникает и в чешские публикации; совсем недавно мы прочли, что чешское национальное возрождение основывается на принципе, заимствованном из немецкой теории и базирующемся на природно-биологических свойствах рода или расы: т.е. речь шла об идее, которая является праматерью нынешних расовых теорий нацизма. Трудно себе представить более глубокое заблуждение, чем подобное толкование программы чешских будителей. Она могла опираться на понятийный аппарат Гердера или Гегеля, но по своей

сущности была неотделима от вековых национальных традиций. Трудно найти теорию, более противоречащую немецкому зоологическому национализму с его культом врожденных животных инстинктов, чем традиционная чешская концепция нации, основанная на сугубо социальной, сугубо культурологической точке зрения при особом внимании к языку. Трудно найти другую литературу, которая бы упорнее и последовательнее чешской относилась к родному языку как к инструменту национальной культуры, видела в нем “неизбежное и естественное средство поисков самых высоких и святых духовных целей” (Шафарик), “средство взаимопонимания, интимно связанное с мыслями и чувствами, со всей духовной и культурной жизнью отдельных людей и целых народов” (Масарик)» [2. S. 218–219].

Особое внимание уделяет Якобсон проблеме «Восток–Запад», участию в судьбах чешского народа западных и восточных влияний. Он оспаривает мнение о том, что с XI до XIX в. у чехов не было никаких связей с Востоком и все религиозные и культурные импульсы они получали с Запада, и что только XIX век связал чешскую мысль с Восточной Европой. Считая это мнение абсурдным, он утверждает, что колебания между Западом и Востоком, особенно характерное для культуры последних двух столетий, происходило на каждом этапе чешской истории. По его наблюдению, нельзя говорить об исключительно западной ориентации древнечешской литературы, что ни в одном из литературных произведений эпохи Яна Гуса или Карла IV не просматриваются немецкие образцы, а восточная церковь, выступавшая с обвинениями против Рима, импонировала гуситам. Он рассказывает о поездке на русскую землю в 1412 г. друга и последователя Яна Гуса Иеронима Пражского, о его уважении и внимании к православной церкви и ее духовенству и о том, как он открыто выразил свою позицию на церковном соборе в Констанце: «Чехи всегда были греческими воспитанниками, однако в борьбе за них между греками и немцами победили немцы, поэтому чем дальше, тем больше страдали чехи от угнетения; “и я поднял против этого, – произнес Иероним, – вместе с Яном Гусом свой голос протеста”» [2. S. 221].

В «военном» произведении Якобсона его глубокие знания историка и филолога, его эрудиция ученого сливаются с душевными порывами, с большими личными переживаниями.

В финале последней главы «Мудрости...» автор приводит цитату из гуситского «предостережения верным чехам» 1437 г., которое разоблачает намерения немцев гнать чехов из их домов, отбирать их земли, что, как подчеркивал Якобсон, и произошло меньше, чем через 200 лет после этого, т.е. в результате поражения восставших против Габсбургов чешских сословий в битве на Белой горе (1620). На побелогорский период Якобсон смотрит глазами Богуслава Бальбина (1621–1688), происходившего из обедневшей рыцарской семьи нетипичного чешского иезуита, выступавшего вопреки сану в защиту своих соплеменников и родного чешского языка. Якобсон щедро цитирует его знаменитый труд «Защита языка славянского, особенно чешского» (*Dissertatio apologetic pro lingua slavonica, praecipue Bohemica*, 1672), полностью с ним солидаризируясь. «“После битвы на Белой горе большая часть чешской земли была отдана чужеземцам и прежде всего военшине [...] Убирайтесь прочь, прежние хозяева – разнеслось по всей чешской земле”. Всем будущим защитникам Белой горы, т.е. тем, кто приветствовал поражение чехов, Бальбин отвечал: “Новые властители [...] стремились обессилить чешский народ невыносимыми данями, высосать из бедного люда пот и кровь, а главное – извести его родной

язык, поскольку покуда он жив, чехи не смогут смириться и возлюбить немецкого короля [...] От многих я слышал, что хорошо бы все коренное население Чехии схватить в охапку и утопить в ближайшем море [...], что надо относиться к чешскому народу как к потенциальному врагу, применять против него насилие и власть, а если это не поможет, то завоевывать его лестью, лицемерием и обманом [...] О, моя родина, неровня тебе тот, кто тобой владеет! О, великий преобразователь государства! Ты разрушил старый дом, а нового не построил [...] Ни один хозяин не стал бы обращаться со своим хозяйством так, как ты обращаешься с некогда процветавшим Чешским королевством, все его богатства, доходы, сбережения захвачены и тают с каждым днем, когда ненасытный императорский двор, соблазненный сладостью чешских денег, вопит во всю глотку: Давай! Давай! [...] Поистине никогда чехи не испытывали столь тяжкого гнета, никогда славянский язык не подвергался таким преследованиям и никогда ему не угрожала такая опасность, как в побелогорский период». В поддержку автора Якобсон приводит взволнованный комментарий лишнего всякой сентиментальности Карела Гавличека-Боровского: «Читать это без волнения не сможет ни один чех» [2. S. 238–239].

Поддерживая Бальбина, Якобсон выступает против тех чешских историков, прежде всего Э. Радла (1873–1942), которые нападали на литературный уровень и антинемецкий пафос его сочинения, считая, что Бальбиным движет элементарная злоба, традиционные предубеждения против немцев-чужеземцев, что чехов победили не немцы, а прогрессивные веяния эпохи, ибо «тогда не было споров между немцами и чехами», а Габсбурги сделали необходимый шаг к демократии, впервые в истории чешской земли поставив немцев на один уровень с чехами и введя в делопроизводство наряду с чешским немецкий язык [2. S. 238–240].

Последнее слово в своей книге Якобсон оставляет за Бальбиным, заканчивая ее, как и тот свою «Защиту», молитвой к святому Вацлаву, покровителю чешской земли. «Ты — народа нашего защитник и опора. Если мы погибнем, то и Ты с нами. От новых обывателей вряд ли можно дожидаться того преклонения, с которым на протяжении веков восхваляет и любит Тебя чешский народ [...] Не слушай промотавшихся сыновей своих. Прислушайся к зову предков, которые заботились о своих потомках, а сейчас взирают на Тебя на небесах. Святой Вацлав, Христов великомученик, единственный наследник земли чешской, будь заступником нашим!» [2. S. 240].

Публикация Якобсона имела большой успех. «Не могу горячо не порекомендовать эту книгу своим землякам. Из нее вытекает, что они должны гордиться своей принадлежностью к малому славянскому народу в центре Европы. Они прочтут ее с огромным интересом, ибо этот исторический и научный труд написан с вдохновением и жаром, с критическими выпадами, ироническими комментариями, и пронизан истинной любовью и восхищением к ним», — писал чешский публицист украинского происхождения Станислав Будин, редактор «New York Herald» [2. S. 259]. Однако далеко не все эмигранты разделяли этот восторг, наибольший протест вызывало отношение автора к немцам. Историк Отокар Одложилек (1899–1973) обвинил Якобсона в «новом национализме» [2. S. 284]. Протестантский теолог Йозеф Громадка (1889–1969) посчитал, что свои идеи о чешской традиции векового сопротивления немцам Якобсон отстаивает поверхностно и антинаучно. «При чтении тебя не покидает чувство, что автор злобно сводит счеты с кем-то, кого

не хочет называть [...] Все это удручающая мешанина злобы и демагогии» [2. S. 257].

Защищая Якобсона и полемизируя с его критиками, Иржи Восковец, известный драматург, актер, режиссер авангардного «Освобожденного театра», покорявшего довоенных зрителей антифашистской и антибуржуазной сатирой, назвал Якобсона ученым с темпераментом борца. «Якобсон показывает, как бессовестные немецкие историки испокон веков изображали историю чехов, как историю безвестной немецкой провинции, заселенной варварским и суровым народом» [2. S. 273]. Он отметил, что «Якобсон, приводя такие цитаты из средневековых немецких сочинений, по прочтении которых можно поклясться, что вы уже читали это в “Mein Kampf” или в произведениях Альфреда Розенберга, одновременно показывает, что девизом чехов всегда было – свобода и равенство всех людей, народов и языков» [2. S. 237]. Поддерживая Якобсона в противовес историкам, его осуждавшим, Восковец писал: «При всем желании я не вижу преступлений в том, что в атмосфере Лидиц, варшавского гетто, казни чешских заложников, в атмосфере героических сражений Чехословацкого корпуса в Советском Союзе и чехословацких летчиков RAF¹ в небе над Берлином, Якобсон отвергает историческую близорукость [...] которая датируется временем возникновения “Mein Kampf”» [2. S. 291].

Публицистический характер «Мудрости древних чехов» оценил и осудил Эдуард Гольдштюкер, чешский критик, историк немецкой литературы. Считая наиболее состоятельной с научной точки зрения лишь первую главу о Великой Моравии, Гольдштюкер предполагает, что Якобсон с самого начала стремился не к научному, а к пропагандистскому труду в помощь ведущейся борьбе. Охотно признавая, что исторические примеры борьбы чехов с немцами духовно укрепляют современных борцов, что и сейчас они там, где когда-то стояли их предки, благословившие потомков, что в схватке со столь бесчеловечным противником надо использовать любое оружие, Гольдштюкер все же отказывается принять слишком легковесную, по его мнению, пропаганду. В книге Якобсона он видит обеднение идеологии борьбы с врагом, сведение ее до необходимого минимума. «Ведь и сейчас многое зависит от того, во имя каких идей мы воюем с немцами и какими из них надо руководствоваться, претворяя их в поступки во время борьбы и после нее. Именно в этом истинное содержание национальной традиции, а не просто в антинемецком сопротивлении» [2. S. 276].

Легко было рассуждать таким образом в Нью-Йорке или даже в Лондоне, где тогда находился Гольдштюкер. Якобсон же, как видно, даже в Америке ощущал себя на переднем крае борьбы с захватчиками, на полях сражений Второй мировой и Великой Отечественной. И совершенно закономерно, что подзаголовок «Мудрости...» «Извечные основы национального сопротивления» раскрываются в ней как сопротивление немецкой экспансии.

Уже в мирное время Якобсон в переписке с историком В. Халоупецким, которого очень ценил (особенно изданный им сборник «На рассвете христианства: О нашей литературе романской эпохи IX–XIII вв.» [3]), сообщал, что собирается доработать, усовершенствовать свой текст, использовать документы, которых ему не хватало в США. Кроме того он жаловался из Америки своим чешским друзьям на не согласованную с ним публикацию в Чехии, в журнале «Listy» I (1946–1947) отрывков из книги, снабженную «сноской, полной

¹ Название великобританских ВВС – Royal Air Force (примеч. переводчика).

фактических ошибок», и тоже сообщал, что увлечен переработкой своего сочинения. Однако исправленная автором «Мудрость древних чехов», способная обогатить представления как о личности ее автора, так и о литературе антифашистского сопротивления (к которой произведение объективно тяготеет) в Чехословакии после 1948 г. так и не вышла.

Книга, опубликованная в 2015 г., — нечто большее, чем переиздание полузабытого произведения Р. Якобсона, практически затерявшегося в его богатом творческом наследии и как бы заново родившегося в год 70-летия победы стран антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. В многостраничном издании текст «Мудрости...» с картографическим приложением занимает всего лишь чуть более трети (134 с.) от ее общего объема (382 с.). Расширенное издание состоит из двух больших частей. В часть первую — «Военное произведение Романа Якобсона. Между структурной лингвистикой, славистикой и политизированной идеологией», входят пять фактографических и аналитических разделов, охватывающих биографию, научные и творческие интересы Якобсона до, во время и после войны. Вторая делится на «Мудрость древних чехов» и на полемику эмигрантов вокруг нее. Завершают издание Приложение, куда входит речь на присуждении Якобсону почетного звания профессора Университета Я. Б. Пуркине в Брно 15 августа 1968, справки об участниках полемики, редкие фотодокументы и т.д. Все это превращает «Мудрость древних чехов» 2015 г. в одно из самых основательных исследований жизни и деятельности ее автора.

Презентация книги, организованная Отделом истории славянских литератур Института славяноведения РАН, состоялась 17 ноября 2015 г. по инициативе приехавшего в Москву из Праги профессора Милоша Зеленки — одного из издателей этого труда, известного историка и теоретика славянских литератур и большого знатока творчества Р. Якобсона. Она вызвала такой большой интерес участников презентации, сотрудников разных отделов Института, что даже был поднят вопрос о переводе «Мудрости древних чехов» Р. Якобсона на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якобсон Р. Из комментария к стихам Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.
2. Jakobson R. Moudrost starých Čechů. Komentovaná edice s navazující exilovou polemikou / K vydání připravili a studii doprovodili Tomáš Hermann a Miloš Zelenka. Praha; Červený Kostelec, 2015.
3. Chaloupecký V. Na úsvitu křesťanství: Z naší literární tvorby doby románské v století IX. — XIII. Praha, 1942.

© 2017 г. Н.И. КИКИЛО

ДИСКУРСИВНАЯ ФУНКЦИЯ НЕЗАВИСИМОЙ *да*-КОНСТРУКЦИИ В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проанализирована особая группа независимых *да*-конструкций в македонском языке, которые выполняют дискурсивную функцию. Данная группа представляет собой коммуникативные клише и устойчивые формулы, которые можно классифицировать как дискурсивы с высокой и невысокой степенью идиоматичности. Анализ примеров выявляет тесную взаимосвязь между формальными характеристиками независимой *да*-конструкции и ее дискурсивной функцией.

The paper analyses a special group of independent *da*-constructions in Macedonian that perform the discursive function. This group consists of communicative clichés and set expressions that can be classified as discursive markers with high and low degree of idiomatichity. The context analysis shows close connection between formal characteristics of independent *da*-constructions and its discursive function.

Ключевые слова: македонский язык, независимая *да*-конструкция, морфосинтаксис, дискурс, идиоматичность, коммуникативные клише.

Keywords: Macedonian, independent *da*-construction, morphosyntax, discourse, idiomatichity, communicative clichés.

В македонском литературном языке *да*-конструкцией (далее ДАК) называется морфосинтаксическое сочетание модальной союзной частицы *да*¹ и финитного глагола (чаще формы презенса или имперфекта), которое в грамматической традиции условно подразделяется на два типа: зависимый и независимый (термины применительно к ДАК ввел Ю.С. Маслов [2. С. 286]). ДАК зависимого типа синтаксически подчинена другому глаголу наподобие нефинитных форм и имеет вид *да + praes*. ДАК независимого типа занимает синтаксическую позицию самостоятельного глагольного сказуемого и характеризуется широким спектром модальных значений, в котором можно выделить два семантических центра по частотности и регулярности употребления: значение императива и значение оптатива [1. С. 212]. Однако собранный материал показал, что из общего массива примеров императивных и оптативных ДАК

Кикило Наталья Игоревна – аспирантка кафедры славянской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Мы будем называть *да* модальной союзной частицей вслед за [1. С. 212], поскольку в зависимом типе она выполняет соединительные функции, при этом в независимом типе имеет преимущественно модальное значение частицы, которая определяет статус ситуации по шкале реальности/ирреальности.

выделяется особая группа типа *da + praes*, которая теряет связь с названными семантическими центрами и функционирует в языке в качестве дискурсивного маркера.

Дискурсивные маркеры помогают говорящему и адресату полнее и точнее осуществить успешную коммуникацию в соответствии со своими иллокутивными установками. Они «обеспечивают связность текста; отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего; выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения; соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом» [3. С. 7]. В дальнейшем будет использоваться термин «дискурсивный маркер», кратко «дискурсив», поскольку он акцентирует внимание на функциональном своеобразии данной группы ДАК, в отличие от термина «дискурсивное слово», который подразумевает жесткие формальные критерии (отсутствие зависимых элементов, неизменяемость формы, полная фразеологизированность значения [4. С. 27]).

Дискурсивные ДАК обладают рядом общих характеристик. Во-первых, обращает на себя внимание лично-числовое своеобразие формы глагола в составе ДАК. Дискурсивная функция диктует превосходство первого лица (преимущественно единственного числа), реже второго; число может меняться в зависимости от денотативных или прагматических факторов. Третье лицо встречается редко и обычно при безличном глаголе. В нашем корпусе таких примеров всего два: *така да се каже* (так сказать) и *да нема забуна* (чтобы было понятно). Во-вторых, в образовании дискурсивных ДАК участвуют глаголы двух семантических классов: глаголы речевого и ментального действия. В-третьих, происхождение дискурсивных ДАК от императивных и оптативных конструкций «закладывает» в них апеллятивный потенциал, что также создает «благоприятные условия» для функционирования данной группы дискурсивов.

Классификация дискурсивных ДАК

I. Высокая степень идиоматичности

Дискурсивные маркеры, обладающие высокой степенью идиоматичности, имеют более жесткие формальные характеристики. Глагольная форма в составе ДАК не может изменяться по лицам и числам без изменения функции дискурсива. Однако лексическое значение глагола частично сохраняется, поэтому в некоторых случаях он способен реализовывать свои семантические валентности. Также иногда ДАК сохраняет сочетаемость с побудительной частицей *ајде*. В скобках будут указываться допускаемые добавочные элементы (частицы, наречия), которые в некоторой степени модифицируют функцию дискурсивного маркера.

Подгруппа 1: ДАК с глаголом в первом лице единственного числа

1) (ајде/така) да речам/кажам – глагол речевого действия 1 л. ед.ч.

Функция: уточнение, смягчающее категоричность какого-либо утверждения.

1. Можеби сум единствениот, **ајде да речам**, писател, кој е толку застапуван во антологији и за кого е напишано толку многу, а кој напишал толку малку. (Может быть, я единственный, так сказать, писатель, кто написал так мало, но о ком написано так много, кого часто включают в антологии) [5].

2. Кога ќе ми речат дека чаршијата има хумор, јас со тоа не се согласувам. Јас мислам дека таму хумор нема. Таму има пакосни шеги на луѓе што безделничат и гледаат како да го понижат некогашто што мене тука. Тој хумор јас не го примам. Ние сме од селска, патријархална средина и нашиот хумор влече корени од анегдоти народни, хумористични народни песни, од едно постојано, **да кажам**, хроничарско следење на настани што можат хумористички да се осветлат. (Когда мне говорят, что у чаршии свой особенный юмор, я не могу согласиться. Я думаю, что там вовсе нет юмора. Там есть гадкие шуточки бездельников, которые только и ждут случая унижить прохожего. Такой юмор мне чужд. Мы вышли из сельской патриархальной среды, и наш юмор корнями уходит в народные анекдоты, юмористические народные песни, постоянную, так сказать, летопись событий, на которые можно взглянуть с юмором) [6].

Глагол данного дискурсива не реализует валентность адресата (нельзя сказать *така да ти/ви кажам*), также не допускается изменение ед.ч. на мн.ч. без изменения функции дискурсива. Если мы употребим глагол в ДАК с отрицанием, перед нами уже будет новый дискурсив:

2) (ајде) да не речам/кажам – глагол речевого действия 1 л. ед.ч.

Функция: уточнение, «ложно» смягчающее категоричность какого-либо утверждения, при этом уточнение имеет большую экспрессивность.

1. Има ли понапорно нешто од просечен, **да не кажам**, идеален, примерок на кротко човеченце. Скраја да е. (Есть ли что-то невыносимее, чем среднестатистический, чтоб не сказать идеальный, пример кроткого человечка. Чур меня) [7. С. 12].

3) (право/искрено) да ти/ви кажам (право/искрено) – глагол речевого действия 1 л. ед.ч.

Функция: оценочная, подтверждение говорящим истинности утверждения.

1. **Право да ви кажам**, црковната дипломатија ме интересира колку сметките за патарина од минатата недела. (Честно вам скажу, церковная дипломатия интересует меня ровно в той же степени, как чеки с прошлой недели) [8. С. 651].

2. – Да не се поткачи нешто со него? – Не, па кога да се поткачам, само што дојдов! Зошто? – Гледај да не се поткачиш. Една година сум у војска и, **да ти кажам**, овој е најкатиљ што се појавил. (Ты его что, чем-то задел? – Нет же, когда бы я успел, я только приехал! А что? – Смотри, не нарвись. Я в армии год и, я тебе скажу, он самый отъявленный мерзавец, который здесь когда-либо был) [9. С. 89].

Глагол реализует валентность адресата, что усиливает апеллятивную функцию данного дискурсива, адресант стремится убедить адресата в истинности своего утверждения, создать впечатление признания, искренности, и тем самым привлечь внимание к следующей части сообщения. В качестве возможного перевода данных дискурсивов на русский язык можно использовать следующие варианты: «я тебе/вам прямо скажу», «честно сказать», «я тебе скажу».

Дискурсив **(право/искрено) да ти/ви кажам** следует отличать от омонимичной ДАК, относящейся ко второй группе дискурсивов со слабой идиоматизацией:

да ти/ви кажам (нешто) / да те/ве прашам (нешто) – глагол речевого действия 1 л. ед.ч.

да ти/ви кажеме (нешто) / да те/ве прашаеме (нешто) – глагол речевого действия 1 л. мн.ч.

Помимо основной функции – экспликация коммуникативных намерений говорящего – дискурсив обладает дополнительной фактической функцией (установление контакта между говорящим и адресатом). Данный

дискурсивный маркер произносится с утвердительной, нисходящей интонацией. Приведем следующие примеры:

1. Нели викаат дека лепчето секогаш паѓа на намачканата страна? А нели викаат и дека, како и да ја завртиш, мачката секогаш се дочекува на нозе? Е, ај сега **да ве прашам**: што се случува кога намачкано лепче ќе врзете на грб на мачка? (Правду ведь говорят, что бутерброд всегда падает маслом вниз? И говорят, что, как ни поверни, кошка всегда приземляется на лапы? А сейчас я вас спрошу: что будет, если привязать бутерброд с маслом к спине кошки?) [8. С. 644].

2. Газда, ама те тепа некој зорт тебе, гледам дека нешто неизмерно те притиска и пече. **Да ти кажам ја нешто** – Тумба прежива уште малку на тема чаршиски муабети, ама Точак си фаќа пауза и со тампони у уши се враќа пак назад во муабет дури после две и пол страни жута штампа. (Шеф, грызет тебја что-то, вижу, давит на тебја и мучает. Вот что я тебе скажу, – Тумба пережевывает еще немного местные сплетни, но Точак берет таймаут и с затычками в ушах возвращается снова к разговору после двух с половиной страниц желтой прессы) [7. С. 84].

Подгрупа 2: ДАК с глаголом в первом лице множественного числа

1) да кажеме / да речеме – глагол речевого действия 1 л. м.ч.

Функция: 1) указывает на последующее построение гипотетической ситуации; в этом случае синонимичной конструкцией выступает *да допуштиме* «допустим» (примеры 1, 2, 3); 2) вводит иллюстрацию или пример к утверждению (пример 4).

1. Но, ајде малку да симулираме. **Да речеме** дека сега Трендо ќе ви ја изложи својата главна, стратешки важна размисла за опстојување на Македонија. Значи вака... (Но давайте немного пофантазируем. Скажем, сейчас Трендо вам изложит свою главную, стратегически важную мысль для сохранения Македониии. Значит так...) [8. С. 374].

2. За колкава количина станува збор? – прашање. – **Да кажеме** дека е околу десет тона, – одговара Точак. – Можам да ти дадам фина цена, само да погледнам. (О каком количестве речь? – вопрос. – Скажем, около десяти тонн, – отвечает Точак. – Я могу предложить неплохую цену, как только посмотрю) [7. С. 103].

3. Мора, сепак, секој да носи по некој бацил од вината за тоа во себе (и несвесно присутен бацил, **да допуштиме**), зашто и будењата намовнатени тоа го навестуваат. (Все-таки каждый должен носить вирус вины за это в себе (допустим, хотя бы и неосознанно), потому что пробуждения в холодном поту говорят об этом) [10. С. 149].

4. Има огласи кои ми задаваат тешки когнитивни маки и во чија суптилност никако не можам да продрам. **Да речеме**: «Менувам средства за чистење со доплата за бугарско возило?» Или оди па разбери го следниов хайку: «Баклави, Охрид, Ресен, Струга». (Есть объявления, которые вызывают тяжелое когнитивное расстройство, и их тонкость я не могу постичь. Скажем: «Меняю чистящие средства на болгарскую машину с доплатой?» Или поди разбери следующий хайку: «Баклава, Охрид, Ресен, Струга») [8. С. 511].

В первых двух примерах возможна замена дискурсива *да речеме* на коммуникативный эквивалент *да допуштиме*, в примере 4 такая замена невозможна. Следует отметить, что лично-числовая характеристика глагола в ДАК указывает не на реальных участников коммуникации, заданных контекстом, а «обозначает априори существующих в любом высказывании автора и отличного

от него адресата, который будет воспринимать сообщение» [4. С. 80–84]. Эта особенность также указывает на высокую степень идиоматичности данного дискурсива.

2) Да се разбереме — глагол ментального действия 1 л. мн.ч.

Функция: уточнение, при этом говорящий акцентирует внимание слушающего на принципиально важной для него информации, без которой нельзя полностью понять описываемую ситуацию.

1. Што ми пречи луѓето да си организираат митинзи на вистината и петиции за собирање потписи? Е па, ми пречи. **Да се разбереме**: не велам дека треба да се забрани, не велам дека човек нема право на такво нешто... Едноставно ми пречи и во тоа нејќам да учествувам. (Что мне мешает, когда люди организуют митинги правды и петиции для сбора подписей? А вот мешает. Не поймите меня неправильно: я не говорю, что их нужно запретить, не говорю, что у человека нет права на что-либо подобное... Просто мне претит, и я не хочу в этом участвовать) [11. С. 69].

2. Прво, **да се разбереме** дека ние не крадеме, туку враќаме, односно му помагаме на македонскиот крал да се доближи што повеќе до македонскиот народ. А кој друг е народот, освен ние. (Для начала, разберемся на берегу: мы не крадем, а возвращаем, то есть помогаем македонскому царю вплотную приблизиться к македонскому народу. А кто же здесь народ, как не мы) [7. С. 135].

Возможный перевод: «для ясности», «не пойми меня неправильно».

II. Невысокая степень идиоматичности

Вторая группа дискурсивных ДАК обладает невысокой степенью идиоматичности. Прежде всего, это выражается в их формальной неоднородности:

1) глагол в составе ДАК может менять числовую характеристику (ед.ч — мн.ч.), при этом функция дискурсива будет оставаться прежней;

2) список глагольных лексем, использующихся в ДАК второй группы, гораздо разнообразнее, однако большинство из них по-прежнему будет относиться к глаголам речевого или ментального действия;

3) глагол в составе ДАК полностью сохраняет свое значение, что позволяет использовать в одном дискурсиве несколько синонимичных глагольных лексем, например *да скратам/да скусам* (я сокращу); такая замена невозможна в дискурсивах первой группы: хотя глаголы *се разбере* и *се сфати* являются синонимичными, конструкция *да се сфатиме* не будет выполнять те же дискурсивные функции, что выполняет дискурсив *да се разбереме*, рассмотренный нами выше.

Для второй группы дискурсивных маркеров может быть указана одна общая функция — эксплицитное выражение коммуникативных намерений говорящего. Другими словами, говорящий указывает адресату на правильную с его точки зрения интерпретацию его речевых действий, комментирует порождаемый им текст. В каких-то случаях чтобы обеспечить однозначность своего сообщения, в других — экспликация используется как риторический прием (пример 1):

1 л. ед.ч. — 1 л. мн.ч.

«Я повторюсь...», «Повторю...», «Повторимся...»

1. Сфаќаш сега зашто луѓето веќе не идат у кино и не се замаараат со читање книги? Бидејќи сите уметници по малку или по малку повеќе лажат. **Да повторам**. Л-А-Ж-А-Т. (Понимаешь сейчас, почему люди больше не ходят

в кино и не утруждают себя читать книги? Потому что все люди искусства немного, или чуть больше, чем немного, привирают. Повторюсь. В-Р-У-Т) [7. С. 68].

2. Нејсе, Нестор Нинков го доживуваше подвижниот текст на својот компјутер како милогледни далги на езерото книжевен текст (морето е, сметаше, преголемо како метафора за нашата книжевност!) па, **да повториме**, се нурнуваше во него, останувајќи со отворени очи и уши, без страв од воспаленија, од инфекции, од отитис екстерна, медија и интерна. (Так или иначе, Нестор Нинков воспринимал подвижниот текст на своем компјутере как прекрасные волны на озере литературного текста (море, считал он, слишком велико, чтобы служить метафорой для нашей литературы!) и, повторимся, он нырял в него с открытыми глазами и ушами, не боясь воспалений, инфекций, отита externa, media или interna) [12. С. 96].

«Короче...»

3. Новогодишната празнична магија е огромна и во споредба со некои други празници, ги зафаќа сите луѓе и возрасти, се чувствува едно големо емоционално пулсирање во воздухот. Или, **да скусам**, лично повеќе ги почитувам новогодишните празници поради моите најблиски кои се радуваат околу целата таа подготовка... (Новогодняя праздничная магия гораздо сильнее, чем магия других праздников, она охватывает людей всех возрастов, в воздухе чувствуется единый сильный эмоциональный импульс. Или, если сказать короче, мне лично больше нравятся новогодние праздники из-за моих близких, которые радуются новогодней суете...) [13].

4. Но **да ја скратиме** досадната приказна за нашиот човек кому фино му легнало да се буричка по разголените плажи. (Но давайте сократим скучный рассказ о нашем брате-земляке, которому по душе болтаться по нудистским пляжам) [8. С. 245].

«Честно скажу...», «Будем честны...»

5. А јас и сега ќе си бев оној «костурот» од детските, пубертетските и армиските денови да не ме нервираа толку во последниве години, кога на нервна база, нели... дојдов до троцифрена бројка на вагата. Ај, **да бидам искрен**, има некое влијание и двеиполдецениското конзумирање пиво... (Я бы и сейчас был тем «скелетом», каким был в детстве, юности и в солдатские деньки, если бы в последние годы меня все подряд не раздражали, и на нервной почве, знаете...я дошел до трехзначного результата на весах. Но, честно скажу, повлияли и двадцать пять лет потребления пива...) [14. С. 69].

6. И онака нозете треба да се пуштат онолку колку што е долго чергичето. А на нашето чергиче, **да бидеме искрени**, човек не може ни нокти да одмори. (И так мы должны по одежке протягивать ножки, а наша одежда, будем честны, размером с ноготок) [8. С. 215].

В составе дискурсивов второй группы глаголы в первом лице единственного числа употребляются для комментирования утверждений, истинность которых может подтвердить только говорящий. Возможность употребления формы первого лица множественного числа возникает в том случае, когда истинность утверждения может подтвердить также и адресат. Говорящий не хочет ограничиваться своим опытом, и привлекает в доказательство еще и чужой (примеры 5, 6).

Стоит также отметить и «манипулятивное» употребление формы первого лица множественного числа, которое можно трактовать как особый прием авторского воздействия на читателя (адресата), через общее «мы». Использование личной формы «совместного действия» сокращает дистанцию между автором и адресатом, которую создает, в частности, непрямая коммуникация через письменный текст. Также через общее «мы» автор словно «приглашает» читателя (адресата) согласиться с истинностью его утверждений. В примере 6 автор не призывает читателя (адресата) быть искренним (императивное значение отсутствует), он хочет, чтобы читатель занял его позицию.

В письменном дискурсе использование подобных конструкций облегчает восприятие информации и уточняет цель высказывания. Также их употребление привлекает или удерживает внимание адресата, создает эффект непосредственного живого разговора автора с читателем, будь то публицистический или художественный текст.

2 л. ед.ч. — 2 л. мн.ч.

ДАК с глагольными формами второго лица почти не участвуют в образовании дискурсивных конструкций, поскольку в большинстве случаев данные формы принадлежат парадигме *да*-конструкций с императивным значением. Исключением из правила является глагол «знать», который обозначает неконтролируемое действие, несочетаемое по своей семантике с повелением. Говорящий не может заставить слушающего что-либо знать, поэтому императивная по форме конструкция *да знаеш/да знаете* переходит в разряд дискурсивных:

1. «Ило, яс ке те чекам вечер под крушата», рече. «Ке дојдам Сандар», рече таа. «**Да знаеш**, ке дојдам. Сега сама ке си одам, да не ме види некој». («Ило, я буду ждать тебя под грушей», — сказал он. «Я приду, Сандар, — сказала она. — Знай, я приду. Я сейчас пойду одна, чтобы меня никто не заметил») [15. С. 167].

2. Доволно ке биде само да зуцне за да настрада, како кумулирана казна за сите они кои претходно помислиле: «хеј, еве го овој Трендо, баш би било фино да да му кажам дека го гледам и дека го читам». Е баш не би било фино, **така да си знаете**. (Хватит и одного звука в мой адрес, чтобы пострадать, в наказание за всех тех, кто до этого подумал: «о, это же тот Трендо, было бы здорово ему сказать, что я его смотрю и читаю». А вот и не здорово, так и знайте) [8. С. 561].

Особенность данного дискурсивного маркера в том, что он сохраняет тесную связь с императивным значением, которую можно проследить. Во всех приведенных примерах присутствует следующая интенция говорящего: «прими к сведению», «я хочу, чтобы ты обратил особое внимание на эти слова». Данный дискурсив сохраняет больше семантических связей с центральным императивным значением ДАК и переводился бы на русский как «знай», «чтоб ты знал», «так и знай».

Однако данная конструкция может тяготеть и к оптативному семантическому ядру. В этом случае дискурсив будет переводиться на русский как «ты б только знал/знала». Говорящий усиливает иллокутивный эффект последующего сообщения, подтверждая истинность своего высказывания: если бы слушающий обладал таким же знанием, как и говорящий, он бы смог разделить его опыт.

3. — Што ти се случило, Ендрју, да не те маѓепсала некоја сирена таму на брегот? — Ох, само **да знаеш** колку имаш право! (Что с тобой, Эндрю,

уж не околдовала тебя какая-нибудь сирена там на берегу? – Ох, ты б только знал, как ты прав!) [16. С. 202].

4. – Ми побегна Фрањо! – рече. [...] – Да знаеш само колку сум го барала денес, окапав од барање. Го нема ни во плакарите, ни под креветите, никаде! Се плашам да не паднал преку тераса. (Фрањо сбежал! – сказала она. [...]) – Если бы ты только знала, как долго я его искала сегодня, я просто выбилась из сил. Его нет ни в шкафах, ни под кроватями, нигде! Я боюсь, как бы он не выпал с балкона) [17. С. 260].

Независимые ДАК, выполняющие функцию направления и организации процесса коммуникации, представляют собой отдельную группу, отличную от группы с императивным или оптативным значением. Мы выяснили, что взаимодействие лично-числовых категорий глагола и его лексического значения в составе изначально неиндикативной ДАК дает ей возможность превращаться в коммуникативные клише и устойчивые формулы. Иногда можно проследить связь с центральным императивным и оптативным значением, что дает нам право говорить о вторичном характере дискурсивной функции независимой ДАК. Наше описание не претендует на статус исчерпывающего, в перспективе расширение корпуса примеров уточнит полученные результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ускова Р. П. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.
2. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981.
3. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
4. Киселева К. Л., Пайар Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М, 1998.
5. Дурацовски Д. «Мој је живот тужна прича». Ја погодив целта, но промашив сè друго», портал окно.mk, 02.10.2015.
6. Андреевски П. «Блаже Конески. Кажувања», портал окно.mk, 15.11.2009.
7. Кујунџиски Ж. Скопје и сè е можно (текст с диалектними особенностями). Скопје, 2013.
8. Мацановски С. Трендоленд. Скопје, 2011.
9. Петрушевски-Фили В. ЈНА & ЈНА. Скопје, 2006.
10. Солев Д. По реката и спроти неа. Скопје, 1960.
11. Петрушевски-Фили В. Колмунистот: (философистичка тетратка). Скопје, 2011.
12. Османли Т. Каприча: элегии и гротески: апсурди во проза. Скопје, 2009.
13. Тодоровска В. «Љубов цела година, пакетче – за нова година», портал utrinski.com.mk, 16.12.12.
14. Станковиќ С. Маалски прикази. Скопје, 2007.
15. Фотев М. Големите скитачи. Скопје, 1970.
16. Урошевиќ Т. Акварин. Скопје, 2004.
17. Михајловска-Георгиева Ј. Игбал, мојата тајна. Скопје, 2000.

И.И. ДУМИНИКА. Българските преселници в Бесарабия в края на XVIII – първата половина на XIX век в историографията. Кишинев, 2015. 440 с.

И.И. ДУМИНИКА. Болгарские переселенцы в Бессарабии в конце XVIII – первой половине XIX века в историографии

Монография И. Думиники посвящена изучению и анализу источников и литературы исторического, этнографического и краеведческого характера с целью более полной историко-антропологической реконструкции процесса переселения болгарских колонистов в Бессарабию и их адаптации в новом крае вплоть до середины XIX в. Важной заслугой автора является то, что в изучении темы он прибег к проблемно-хронологическому подходу, который является сложным, но одновременно говорит и о профессиональной подготовке автора, который не побоялся взяться за такое исследование.

Молдавский болгарист выделяет четыре проблемных локуса, вокруг которых фокусируются главы работы.

Первый раздел монографии посвящен вопросу степени изученности проблемы истории бессарабских болгар в первой половине XIX в. В нем историк подробно рассматривает историографические, библиографические и источниковедческие научные разработки по данной проблеме. Отмечена заслуга таких ученых, как Е. Капацина, Е. Михеева, Н. Червенков, И. Грек, Е. Челак, Е. Хаджиниколова, В. Мильчев, И. Мещерюк, С. Дойнов, С. Новаков, М. Станчев, С. Пачев и другие, внесших свой весомый вклад в исследование данной проблемы. Подробный анализ ранее изданных работ приводит автора к констатации того, что в настоящее время возникла необходимость в комплексном историографическом исследовании по истории переселения и устройства

болгар на южных окраинах Российской империи.

Второй раздел книги посвящен дискуссиям о проблемах переселения болгар в Бессарабию в конце XVIII – первой половине XIX в. В этой теме автор выделяет три локуса – предпосылки и причины переселения; влияние и роль Российской, Османской империй и Дунайских княжеств на процесс эмиграции болгар; регионы выхода переселенцев. Эти проблемы стали стержневыми в процессе формирования научных школ среди болгаристов как XIX в., так и современности. И. Думиника отмечает, что исследователи царского периода (А. Скальковский, А. Клаус, В. Зашук, П. Свинын, Н. Державин и др.) в большей мере рассматривали процесс переселения болгар в Бессарабию как результат протекции Российской империи над «порабощенными славянскими народами»; ряд советских ученых (С. Бернштейн, И. Мещерюк, В. Конобеев, В. Грачев) представляли данный процесс как заинтересованность российского царизма в болгарских переселенцах с целью привлечения их к освоению своих южных окраин. Исследователи современного периода (И. Грек, Н. Червенков, С. Дойнов, К. Калчев, Е. Белова, В. Мильчев., Е. Бачинская и др.), выделяют в предпосылках переселения ряд внутренних и внешних факторов, которые сводятся главным образом к тяжелому экономическому и социальному положению болгар в Османской империи, русско-турецким войнам,

интересу царизма к привлечению работоспособного населения и т.п.

Вопрос о регионах выхода задунайских переселенцев, как отмечает И. Думиника, достаточно изучен и освещен в историографии, но открытым остается определение конкретных мест (сел, городов) выхода колонистов. Также не выявлен так называемый путь передвижения болгар, т.е. не исследованы места их временных пристанищ в Дунайских княжествах, где, как правило, они оседали на помещичьих и монастырских землях. Существующие попытки исследований в данном направлении, сделанные болгарским исследователем И. Дундаровым, не выдерживают критики, так как не подкреплены документальной базой. И. Думиника справедливо отмечает, что в отношении этого вопроса новую дискуссию, основанную на изучении и анализе устных историй старожилов, открыли М. Кирова, А. Пригарин, В. Мильчев и А. Ганчев. Но данное методологическое направление, как указывает автор монографии, также до сих пор не предоставило фактологическую информацию по рассматриваемому вопросу. При этом требующим дополнительного изучения в указанном тематическом поле остается еще ряд аспектов, среди которых — единичные переселения болгар в первой половине XVIII в.; их отношения с татарами-ногайцами и молдавскими помещиками, а также количественные показатели болгарского элемента в составе общей балканской эмиграции.

Третий раздел монографии посвящен анализу и систематизации источников в вопросах социального и экономического развития болгарских колоний Бессарабии в первой половине XIX в. Как отмечает автор, эта тема является наиболее изученной и раскрытой. В данном отношении выделяется заслуга В. Зашука, А. Клауса, Н. Могилянско-го, Н. Державина, Я. Гросула, И. Будака, М. Мунтяна, Е. Руссева, К. Крыжановской (последние опубликовали сборник документов по устройству задунайских переселенцев) и др. Отдельно автор выделяет работу А. Скальковского «Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае» (Одесса, 1848 г.), как ту, которая стала основополагающей в данной тематике и сегодня является актуальной и научно востребованной. Автор указывает на то, что тема социально-экономического развития болгарских колонистов в Бессарабии наиболее полно раскрыта в работах И. Мещерюка

и С. Новакова, которые хронологически дополняют друг друга. В первой рассматривается период 1808–1856 гг., а во второй — с 1856 по 1918 г.

Также И. Думиника, систематизировав и проанализировав материалы по изучению социально-экономического развития болгарских колоний, пришел к выводу, что существует расхождение во мнениях различных школ по вопросу о роли болгарских колонистов в развитии экономики юга Бессарабии в целом. Так, советские ученые (Я. Гросул, И. Будака, М. Мунтян, И. Анцупов, И. Мещерюк) в своих исследованиях положительно оценивают роль болгарских переселенцев в развитии животноводства в Бессарабии. В противовес данному мнению в молдавской румыноязычной, межвоенной и современной румынской историографии роль болгарского элемента оценивается двояко: как положительное, если анализируется регион Дунайских княжеств (Ал. Арборе, К. Велики, Е. Сюпюр), и как отрицательное, принесшее ущерб экономике автохтонного населения Буджака, ставшей ценой успешной хозяйственной адаптации болгар в регионе (Т. Холбан, П. Казаку, И. Нистор, Ш. Чобану, И. Киртоагэ).

В данном разделе монографии И. Думиника также затрагивает вопрос освещения в историографии проблемы борьбы болгар за свои права и обещанные царскими властями привилегии. Показываются две полярные точки зрения. И. Мещерюк и И. Грек рассматривают этот процесс в контексте антифеодальной борьбы (против молдавских помещиков) болгарских крестьян, а современные молдавские и румынские исследователи (З. Арборе, Д. Поштаренку, В. Томулец, Ф. Соломон) говорят об этом, как о процессе побега от неправомерных действий местных начальников и царских чиновников. Немалую роль в освещении истории болгарских переселенцев в Бессарабии играет изучение отдельных известных в Бессарабии болгарских родов торговцев и общественных деятелей. Анализ таких биографических нарративов, по мнению автора, дает возможность поднять вопросы и аспекты, которые остаются неосвященными в условиях описания с позиций «глобальной истории». Этот тезис подтверждают работы как болгарских (И. Титоров, В. Дякович, К. Калчев), так и молдавских (К. Поглубко, Н. Червенков, Д. Поштаренку, С. Булгар, С. Бакалов и др.) ученых,

которые успешно работают, используя данный методологический прием.

Несмотря на высокую степень изученности социально-экономического развития болгарских колоний в Бессарабии, И. Думиника выделяет ряд аспектов, которые еще не нашли должного научного изучения, а именно: особенности развития различных хозяйственных отраслей и торгово-промышленных связей, статистические данные и экономические показатели роста болгарских поселений в контексте развития всего Бессарабского региона и других этнических групп и др.

Четвертый раздел монографии посвящен освящению аспектов изучения культурного, просветительского, духовного и политического развития болгар Бессарабии в первой половине XIX в. в историографии. Автор пришел к выводу, что самым плодотворным периодом в исследовании духовной жизни болгар Бессарабии являются последние десятилетия, что обусловливается свободным доступом к церковным источникам, хранящимся в архивах. В этом направлении имеют значения работы таких ученых, как И. Пушкин, И. Грек, Н. Червенков, Е. Челак, И. Думиника, С. Булгар, Е. Квилинкова, Н. Курдогло, А. Черга и др. Они сумели определить датировку застройки большинства церквей в болгарских колониях Бессарабии, количественный и этнический состав церковнослужителей, осветить взаимоотношения между клиром и верующими и др. Исследования, проводившиеся по данной теме в XIX в. и позже, в так называемый румынский период, по мнению И. Думиника, носили больше описательный и статистический характер. Также остается целый ряд аспектов, которые не нашли своего освещения в историографии, а именно: процесс строительства и ремонта церквей, благотворительность, местные церкви в социальной и общественной жизни колонистов и другие, изучение которых существенно дополнит картину духовного развития болгарских колоний в Бессарабии. Широко, по мнению автора, изучен в историографии вопрос развития просвещения

в болгарских колониях. В этом направлении особо значимыми работами называются исследования К. Поглубко, И. Грека, Е. Челак, Р. Радковой, по отдельным населенным пунктам – Г. Аствацатурова, Г. Стойнова, И. Забунова, С. Новакова, Н. Червенкова, Н. Куртева, и др.

Источниковедческая база данной монографии обширна и охватывает как известные работы болгарских, молдавских, румынских, украинских и русских авторов по данной проблематике, так и новые источники исторического и культурно-антропологического характера, которые автор вводит в научный оборот, а также биографические нарративы болгарских переселенцев, что, безусловно, существенно расширяет эмпирическую базу для дальнейшей работы исследователей в данном направлении.

Монографию И. Думиники можно считать первой, в которой наиболее полно и комплексно освещены, систематизированы и проанализированы научные работы по вопросу истории переселения болгарских колонистов в Бессарабию и их адаптации в регионе в XVIII – первой половине XIX в. Также к научным открытиям данной монографии можно причислить авторское начинание в вопросе публикации биобиблиографических данных болгаристов, внесших свой вклад в изучение представленной темы.

Также важным научным вкладом можно считать публикацию неизвестных ранее архивных материалов о творческой деятельности И. Мещерюка. Вводимые в научный оборот документы четко показывают, как советскому историку приходилось считаться с установленными тогда постулатами и концепциями.

Несомненно, монография И. Думиника является ценным вкладом в развитие изучения болгар Бессарабии. Она, безусловно, будет интересна как специалистам, так и всем интересующимся историей и культурой болгарского народа и Бессарабского региона в целом.

© 2017 г. *А.В. Лесникова*

Ю. КОНСТАНТИНОВА. Българи и гърци в борба за османското наследство. В. Търново, 2014. 296 с.

Ю. КОНСТАНТИНОВА. Болгары и греки в борьбе за османское наследство

Начало XX ст. на Балканах — это время, когда созданные из бывших османских провинций молодые национальные государства, стремившиеся к дальнейшему территориальному росту, вступили в конфликт не только со своим бывшим сувереном, но и друг с другом. Их территориальные притязания, основанные на национальных идеях, пересекались и охватывали районы со смешанным населением. Одним из наиболее пестрых в этническом отношении регионов на полуострове была Македония, еще остававшаяся под властью султана. Здесь в начале XX в. между балканскими народами, за спиной которых стояли их национальные государства, развернулась настоящая партизанская война, целью которой была подготовка последующего присоединения этой области к государственному ядру.

Различные аспекты борьбы за Македонию неоднократно становились предметом исследования историков, прежде всего из самих балканских стран. Однако большинство посвященных македонским сюжетам работ носили национально-патриотический, апологетический и, следовательно, конфронтационный в отношении балканских соседей характер. Непреодоленные на сегодняшний день сложности в межэтнических и межгосударственных отношениях на Балканах требуют выработки нового, более взвешенного, подхода к изучению исторических событий и явлений на полуострове с целью выработки консенсуса по спорным вопросам общей истории балканских народов.

Монография болгарской исследовательницы Юры Константиновой — важная веха на этом пути. В книге предпринята попытка сравнительного анализа идеологий, целей, приемов и методов их достижения важнейших участников борьбы за Македонию — болгарского и греческого национальных движений. Между ними было много общего, но имелись и существенные отличия. Исследователь-

ница приходит к выводу, что программные и тактические различия между двумя национальными движениями во многом объяснялись их различным социальным составом.

На страницах работы Ю. Константинова неоднократно подчеркивает, что климат взаимного соперничества, недоверия и нетерпимости, в котором население Македонии жило в начале XX в., сложился лишь в предшествовавшие десятилетия и был результатом целенаправленной пропаганды, разрушившей традиционные стереотипы мирного сосуществования в угоду интересам определенных политических и социальных групп.

В годы Балканских войн этап подпольной борьбы за Македонию сменился открытым вооруженным конфликтом. Ю. Константинова анализирует греко-болгарское соперничество в Македонии в данный период, стараясь выяснить, почему борьба за этот регион оказалась в наибольшей степени успешной для греков. В Греции, вдвое увеличившей территорию в результате Балканских войн, их итоги воспринимались как большой шаг вперед на пути к осуществлению национальной мечты. Это произошло благодаря наличию ясных целей, с которыми страна вступила в войну, а также прагматичной политической линии греческого премьер-министра Э. Венизелоса, отказавшегося от чрезмерных территориальных претензий, несмотря на сильное сопротивление греческих традиционных элит. В Болгарии ситуация была иной. Болгарская политическая элита не сумела сформулировать ясных и реалистичных целей военной кампании. Движимые эмоциями, а не разумом, софийские политики после первых блестящих побед болгарской армии отказались от борьбы за автономию Македонии и поставили утопичную цель ее непосредственного включения в состав Болгарии. В результате, как и Россия в 1878 г., Болгария в 1913 г. за столом пере-

говоров потеряла многое из того, что было добыто силой оружия.

Монография имеет богатую и разнообразную источниковую базу. Ее основу составляют неопубликованные болгарские и греческие архивные материалы из фондов государственных ведомств двух стран, личных фондов политических и общественных деятелей. В работе активно используются также опубликованные болгарские, греческие и османские архивные материалы, греческая и болгарская периодика начала XX в., дневники и мемуары участников борьбы за Македонию, пропагандистские

брошюры, публичные выступления балканских политиков по македонскому вопросу. Систематический анализ источников, использование большого количества болгарской и греческой исследовательской литературы, ясный классический стиль изложения материала делают монографию Ю. Константиновой настольной книгой не только для балканистов, но и для более широкого круга специалистов по международным и межэтническим отношениям.

© 2017 г. О.Е. Петрунина

Славяноведение, № 1

Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898) / Edit. F. Solomon, A.-B. Ceobanu, A. Cușco, G. Șkundin. Iași, 2014. 459 s.

Дипломатические документы российских представителей в Румынии (1888–1898)

«Никогда не говори никогда» — эти известные слова входят в памятку историку. Когда-то давным-давно на заре занятий текстом кандидатской диссертации, 30 с лишним лет тому назад, я «задел» сюжет о донесениях русских дипломатов из Румынии. Тогда мне и в мысли не приходило, что Румыния мне встретится снова. Увы, это случилось. И я опять в «румынском строю».

Итак, начну по порядку. В книге представлены донесения в МИД от М.А. Хитрово, Ал. Лодыженского, Н.А. Фонтана и один проект министерской инструкции к нему с директивами по политическим, экономическим и религиозным вопросам Н. Врангеля, В.Е. Львова, А.С. Сомова и А.А. Гирса к последнему.

Сам текст предвзвешивает обширное, на нескольких десятках страниц, двуязычное предисловие, написанное Флавиусом Соллоном и Андреем Кушко.

Всего в книгу включено 85 документов, извлеченных из бухарестских и московских архивов — Arhives Nationale Historiques Centrales (Bucarest), Arhivele Naționale Istorice Centrale (Bukurești),

Arhives de la Politique Étrangère de l'Empire Russe (Moscou), Arhiva de Politică Externă a Imperiului Rus (Moscova), «Monitorul Oficial», Архив внешней политики Российской империи (Москва) и др.

Дипломатическая корреспонденция дана на румынском с переводом на русский язык, имеются документы с обратным переводом. Равным образом представлены материалы на французском с переводом на румынский язык.

Вся переписка охватывает десятилетний срок и в основном интересна для исследователей российско-румынских отношений через призму их восприятия российскими дипломатическими работниками. Сюжеты более широкого характера равным образом затрагиваются в переписке, но они не имеют первенствующего значения.

Суть самой переписки традиционна: политика как политика, информация по внутренним делам в стране, в том числе по внутривнутриполитическим проблемам, о роли религиозного фактора во внутренней политике страны, обрисованы различные монархические сюжеты, очерчены события в Трансильвании, даны сведения об

антироссийских выступлениях, о деятельности социалистов и связи их с русскими анархистами. Так, если первое донесение М.А. Хитрово связано с антироссийскими настроениями в политико-общественных кругах, то в конце имеются тексты донесений о блестящих впечатлениях, вынесенных королем Карлом о своем путешествии в Россию. В общем, поток донесений все же больше носит критический характер. Здесь и «искусственность» румынского политического устройства, тут и обвинение румынской интеллигенции в «безнравственности, коррупции и оппортунизме» и многое другое, связанное с борьбой за власть и собственные выгоды.

Если информацию распределить по ее характеру, то схема будет выглядеть следующим образом: первое место, немногим больше трети, будут занимать чисто политические румынские сюжеты, на втором месте – связанные с монархией, потом идут балканские и европейские дела. Далее представлена «сюжетная смесь», которая трудно поддается классификации, но, тем не менее, разнообразит историю российско-румынских отношений.

Безусловный интерес вызывает введение в форме солидной статьи, содержание которой позволяет расширить представления читателя о русской дипломатии, ее представителях в Румынии. Прежде всего это относится к политической биографии Михаила Александровича Хитрово, полагавшего, что «малые страны, такие, как Румыния, являются только пешками в сложной партии, в которой фактически сталкиваются два “мира” – “славянско-православный”, представленный Россией и “западно-германский” (на тот момент возглавляемый двумя центральноевропейскими империями)» (s. 62). Отсюда и отношение российского дипломата-славянофила, монархиста, великодержавника М.А. Хитрово к «бухарестской политической стряпне», ведомой лицами, враждебными России (s. 62).

Сразу замечу, что такие «биографические вставки» были бы чрезвычайно полезны и в отношении других российских дипломатов, таких, как Н.А. Фонтон, роль которого трудно переоценить. Одновременно не следует сбрасывать со счетов и определенную пристрастность,

присутствующую в некоторых российских донесениях.

Равным образом донесения российских дипломатов позволяют увидеть картину германофильства, наблюдаемого среди элиты страны, впрочем, как и русофобства.

В документах также затронута тема «румынского православия», в котором Россия видела «рычаг прямого влияния» на соседнюю страну.

Составители настоящего сборника документов определенное место уделили вопросу идентичности и региональным различиям. Здесь не место подробно разбирать столь деликатные вопросы, замечу только, что темы Трансильвании и Бессарабии настолько сложны, что бессарабский вопрос тоже затрагивается лишь в нескольких документах. По мнению авторов введения, вышесказанное «подтверждает маргинальную роль этой провинции не только в рамках румынского национального дискурса этой эпохи, но и в рамках российско-румынских отношений (как минимум между 1878 и началом XX в.)» (s. 80).

И завершающие строки.

Публикация снабжена именованным указателем на румынском и русском языках, что свидетельствует о культуре издания и уважении к читателю. Даны необходимые пояснения к ряду документов, причем, что особенно важно, в них особо «не навязывается» то или иное толкование сюжета, предлагая читателю самому вынести суждение.

Если говорить о каких-либо замечаниях, то их число невелико. К уже указанному добавлю, что следовало бы полностью «раскрыть» имена и отчества некоторых дипломатов, как Ал. Лодыженского.

И хотя в настоящее время исследователи предпочитают сами работать в архивах, быть, так сказать, первооткрывателями прошлого, тем не менее не оставляю надежды, что настоящий сборник документов обретет своего читателя и исследователя столь интереснейшего этапа в истории российско-румынских отношений, имеющих «выход» и на современность.

© 2017 г. В.И. Косик

Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. Коллективная монография. М., 2016. 408 с.

Коллективная монография под редакцией А.Л. Шемякина завершает исследовательский проект Института славяноведения РАН «Человек на Балканах». Стартовавший в начале 2000-х он включил в свою орбиту ученых разных специализаций из многих научных центров, встречавшихся и обсуждавших работы друг друга на ряде тематических конференций, где с учетом всевозможных аспектов ставились вопросы столкновения традиций и новаций в балканских обществах Нового времени. Результатами реализации проекта стали семь сборников научных трудов и две монографии. Автор одной из них, «фактический инициатор, бесценный куратор и неперенный участник» проекта (с. 4) Ритта Петровна Гришина ушла из жизни год назад... Завершать работу над новой книгой пришлось ее друзьям и коллегам.

Историческая славистика последних десятилетий находилась в ситуации противоречивых трансформаций. С одной стороны, после распада мультиэтничных федераций и образования на их месте новых независимых государств возник спрос на национальную историю как легитимирующий нарратив; реанимировались старые и создавались новые патриотические мифы; поиски державной преемственности указывали на задвинутые в тень прежней коммунистической идеологией фигуры, а оправдание сегодняшней политической выбора заставляло так или иначе корректировать прошлое, что-то преувеличивая, преуменьшая или приукрашивая. С другой стороны, освобождение от идеологического контроля, при условии отказа от политической вовлеченности, позволяло переосмыслить результаты прежней работы с помощью новых методологических подходов. Название исследовательского проекта, предложенного для первого сборника научных трудов академиком Г.Г. Литавриным, — «Человек на Балканах» — указывало на антропологическое измерение аналитической работы с учетом достижений «новой исторической науки»

второй половины XX века и смежных гуманитарных дисциплин. В свою очередь важнейшей теоретической моделью соавторов проекта стала парадигма «другой модернизации», иными словами, заметно отличающегося от опыта стран «первой волны» пути в современность, где традиционное общество, мимикрируя, от малчиваясь или бунтуя, сопротивлялось переменам и воспроизводилось в новейших декорациях.

Концептуальные подходы и основные выводы авторов проекта изложены А.Л. Шемякиным в двух статьях, обрамляющих монографию («От редактора» и «Post scriptum»). В частности, в качестве стержневой идеи итоговой книги предлагается дисбаланс модернизации, вызванный преобладанием национального идеала в смысле «объединения и освобождения» над строительством гражданского (буржуазного) общества. В контексте империалистической горячки у преддверия Первой мировой национальная консолидация оборачивалась мегаломанией великодержавия.

Как полагает Шемякин, опираясь на выводы Гришиной, Болгария, в отличие от других рассматриваемых стран, имела «все шансы эволюционировать по пути естественной модернизации». Однако, подталкиваемая сверху монархией, офицерством и фрустрированной интеллигенцией, а также «сбоку» македонскими авантюрами и провокациями, она оказалась на пути катастроф 1913 г. и 1918 г. Напротив, «конфронтационное сознание» в Сербии и Черногории санкционировалось снизу в силу «героической этики», сформированной многовековым опытом военного сопротивления на окраинах Османской империи (с. 5–7). В то время как в анклавной Болгарии накануне Освобождения присутствовали установки на упорный труд и мирные достижения, поясняет Шемякин, у ее соседей, ориентированных на поддержку простого достатка, преобладало ожидание «национальной сатисфакции», заполняемое непримиримым внутриэлитным

конфликтом, т.е. продолжением войны во время мира. Поэтому все институциональные новации в виде конституционализма и парламентаризма оказывались только «фанерной имитацией», а публичная сцена разрывалась в центробежном притяжении локальных лояльностей: формальные правила приносились в жертву обычаям и персонализированным отношениям (с. 397–398). В этом смысле авторы монографии открыто полемизируют с новейшей мифологией «европейского выбора», якобы сделанного балканскими народами еще на рубеже XIX–XX веков.

«Вместо введения» монографию открывает написанный К.В. Никифоровым раздел о «коротком» XIX веке Балканских государств. В отличие от «долгого» столетия Западной Европы между 1789 и 1914 г. (Э. Хобсбаум) для Юго-Востока Европы оно съезжилось до нескольких десятилетий между Берлинским конгрессом 1878 г. и началом Первой мировой. Разумеется, любая периодизация является только познавательной конструкцией, но заострение внимания на краткости эпохи независимости балканских государств века революций, капитала и империй (таковы заголовки известного трехтомника Хобсбаума), заставляет искать причины модернизационных неудач Болгарии, Сербии и Черногории также в дефицитах и стрессах догоняющего развития. При этом, однако, возникает опасность недоучета предшествовавшего этапа возрождения (в Болгарии) и опыта полу- или фактически независимого существования Сербии и Черногории на протяжении календарного XIX в.

Глава первая монографии посвящена Болгарии между 1878 и 1920 г. (первоначальный замысел включить в рассмотрение аграристский эксперимент БЗНС и довести изложение до событий 1923 г. Р.П. Гришина, увы, не успела реализовать). Ситуация, сложившаяся в Болгарии после Освобождения, характеризуется как неоднозначная, поскольку был разрушен «кокон [...] возрожденческого царства болгарского духа», не обремененного государственными издержками, а экономические агенты утратили главных заказчиков, какими являлись турецкая администрация и военные (с. 29). В конечном счете, именно такое качество спроса было восстановлено уже в рамках национально-государственного протекционизма (с. 67). Остается вопрос, могли ли быть конвертированы относительные успехи мелкотоварного

болгарского производства в более технологичные и продуктивные формы бизнеса, или же феномен городской депопуляции, «вторичного окрестьянивания» и обособления потребления после 1878 г. представляется неизбежным?

Вообще, сохранение традиционной аграрной структуры, слабость городского сектора и экономической дифракции являются ключом к пониманию «гримас» балканской модернизации. Разумеется, хозяйственная инерция воспроизводилась и на ментальном уровне, однако болгарский пример демонстрирует возможности внутриэкономической мобильности, и – парадоксальным образом – черногорская архаика (и прогрессирующая бедность) в начале XX в. породила национальное соревнование по миграционному «завоеванию» Америки. Впрочем, в условиях межбалканской конфликтности и регионального соперничества великих европейских держав, при слабом внутреннем ресурсе, завести мотор экономической модернизации и создать успешные нишевые рынки было делом почти невозможным.

Слабость альтернативных площадок, в свою очередь, обостряла элитарную борьбу за раздел административной ренты. Поэтому в Болгарии, как, впрочем, и в остальных рассматриваемых авторами странах, суть политической борьбы сводилась к возможности «победителя и его сторонников беспрепятственно обогащаться» (с. 35).

Большое место в первой главе монографии уделено деятельности Болгарского земледельческого народного союза, и этот фрагмент отмечен интереснейшими акцентами и новаторским анализом. В частности, ссылаясь на работы В. Свентицы, Р.П. Гришина указывает на упомянутое выше «вторичное крестьянство» с его двойной социализацией и самоощущением депривации как на основу организационного и идеологического активизма аграристов. Кроме того, по справедливой оценке А.Л. Шемякина, «как редко кто в отечественной историографии, она (Гришина. – М.Б.) вскрыла природу [...] болгарского общественного пацифизма» (с. 7). Добавлю, что в анализе мировоззрения сторонников БЗНС использованы архивные документы, позволяющие услышать голоса рядовых участников крестьянского движения.

Глава о независимой Сербии написана А.Л. Шемякиным. Она в значительной

степени опирается на свидетельства русских наблюдателей (они вошли в двухтомник, опубликованный ранее исследователем), а также на мемуары и дневники сербских политических деятелей и на ту часть историографии, которая нацелена на критическое переосмысление прошлого в противоположность «философии паланки», как определяет самодовольную ограниченность патристической мифологии Р. Константинович. Суммируя результаты проделанной прежде работы, Шемякин выбрал в качестве центрального объяснительного инструмента понятие политической культуры, которая в переходных обществах характеризуется партикулярным дроблением, конфликтацией и бескомпромиссностью.

После рассмотрения поведенческих моделей разных агентов политического процесса (а в него оказалась вовлечена и сербская церковь) и специально — шагов короля Милана Обреновича автор констатирует, что непродолжительный национальный консенсус после династического переворота 1903 г. выстраивался на той же традиционной или, точнее, премодерной основе (с. 225). При этом миф о «золотом веке» демократии в предвоенной Сербии, поясняет исследователь, совершенно несостоятелен. Новый виток политического кризиса, когда игроками в борьбе за власть оказались армия и офицерские организации, к началу Балканских войн достиг опасной черты, а мобилизация и боевые действия стали способом выплеска агрессии и ситуационного примирения, но не разрешения конфликта на базовом уровне.

Следовательно, другое ключевое объяснение высокого уровня насилия, накопленного в обществе, заключается в том, что «сербс Княжества (Королевства) практически и не жили (курсив А.Л. Шемякина), постоянно воюя, либо готовясь к войне, находясь в никогда не спадавшем психологическом напряжении: в 1876—1918 гг. страна пережила шесть военных конфликтов» (с. 233). Впрочем, учитывая масштабы насилия, которое «прекрасная эпоха» продуцировала на колониальной периферии, а затем, с началом Первой мировой войны, в суицидальном самозабвении распространила на пространство самого Европейского континента, стигматизация Балкан в этом отношении была бы не справедливой (на это в свое время указывала М. Тодорова). Политическую динамику региона легче сопоставить не с либеральной (но еще не вполне

демократичной) моделью XIX в., воплощенной в Старой Европе, а с попытками, часто неудачными, ее усвоения на отколовшихся от метрополий окраинах.

Случай Черногории, рассмотренный в третьей главе В.Б. Хлебниковой, выделяется даже на балканском фоне и бедностью ресурсов, и экстремальной архаикой (племенная структура). Практикуемая веками экономика военных трофеев и грабежа не так-то просто поддавалась мирной трансформации. В свою очередь скудость административной ренты компенсировалась распределением внешних заимствований и русских субсидий. Их львиная доля уходила на репрезентативно-престижное обеспечение монархии черногорского князя, а затем короля Николы Петровича. Однако оценка его деятельности, данная Хлебниковой, противоречива. С одной стороны, с его именем «оказались связаны самые значительные государственные преобразования», он проявил способности «быстро учиться и перестраиваться». «С другой стороны, на протяжении долгого правления Никола так и не смог привыкнуть смотреть на власть с государственной точки зрения» (с. 297—298). «Режим Николы был жестоким, но не был кровожадным» (с. 329). Тем не менее «эгоизм придворной камарильи», в конечном итоге, привел к падению монархии в 1918 г. (с. 361). Столь же неоднозначна итоговая трактовка внешней политики Черногории и, в частности, ее отношений с Россией.

Небольшая глава о начальном периоде существования Королевства сербов, хорватов и словенцев, написанная А.А. Силкиным, представляется своего рода эпилогом. Автор показывает, что прокламированная изначально либерально-демократическая модель обустройства этого государства «не имела ничего общего с политической практикой ни 1918—1921 гг., ни более позднего времени» (с. 370—371), поскольку срабатывали бескомпромиссные стратегии взаимодействия, сложившиеся ранее, а сама сцена действия заметно усложнилась. В результате «принятие тех или иных норм, регулировавших устройство внутренне неоднородного Королевства СХС, обуславливалось тактической необходимостью дать отпор хорватским и словенским представителям» (с. 387), что провоцировало радикализацию политической борьбы и подрывало жизнеспособность Видовданской конституции.

Проект «Человек на Балканах», который завершает рецензируемая коллективная монография (А.Л. Шемякин анонсировал еще свою авторскую книгу о Сербии 1878–1914 г. – десятую по счету в проекте), позволил по-новому взглянуть на закономерности об-

щественно-политического развития Балканских государств на рубеже XIX–XX вв. и в целом способствовал методологическому обновлению отечественной славистики.

© 2017 г. Белов М.В.

Славяноведение, № 1

Из истории Карпатской операции 1915 г. Сборник документов.
СПб., 2016. 520 с.

История русского фронта Первой мировой войны имеет все меньше оснований считаться забытой. Череда юбилеев событий войны 1914–1918 гг. стимулировала исследования и появление новых серьезных публикаций. Особое место среди изданного занимают сборники документов, вводящие в научный оборот ранее неизвестные или малоизвестные архивные источники.

К такого рода работам принадлежит фундаментальный сборник документов «Из истории Карпатской операции 1915 г.», подготовленный сотрудниками Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) И.В. Карпеевым, С.А. Харитоновым и О.В. Чистяковым совместно с известным военным историком С.Г. Нелиповичем. Поддержку изданию сборника оказала Памятная комиссия Венгрии по столетию Первой мировой войны, а также Архивный институт Венгрии.

Как справедливо отмечают составители сборника, до сих пор не создано комплексного итогового исследования о Карпатской битве, опирающегося на материалы российских и зарубежных архивов. В этой связи публикация сборника документов представляется особенно важной.

Сборник включает 228 документов РГВИА за период с начала января по середину апреля 1915 г. о подготовке и проведении Карпатской операции – одной из крупнейших операций Первой мировой войны. Документы были выявлены в фондах Ставки Верховного главнокомандующего, штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, штабов 3-й, 4-й, 8-й, 9-й, 11-й армий и Главного

управления Российского общества Красного Креста.

В основном, речь идет об оперативной переписке штаба Юго-Западного фронта со Ставкой, а также армейских штабов со штабом фронта и переписке между штабами фронтов. Документы и переписка таких видных отечественных военных деятелей, как генералы М.В. Алексеев, А.А. Брусилов, Н.И. Иванов, П.Н. Ломновский, М.С. Пустовойтенко, Р.Д. Радко-Дмитриев, А.Н. Селиванов позволяют приоткрыть завесу тайны над той сложной работой, которая проводилась в период операции в высших штабах. Переписка отражает историю возникновения замысла операции в штабе Юго-Западного фронта в целях вывода Австро-Венгрии из войны, затрагивает вопросы планирования и подготовки, а позднее и сворачивания операции, взаимодействия армий, различных реорганизаций, текущей обстановки, применения конницы, создания резервов.

Кроме того, в сборник вошли различные директивы, а также сводки разведывательных данных о состоянии войск противника, о положении в Венгрии. Все это позволяет реконструировать широкое полотно событий операции на стратегическом уровне.

Дополняют картину отдельные документы тактического звена, позволяющие представить ход боевых действий на передовой, фронтовую повседневность русских войск и испытания, выпадавшие на долю обычного человека. К таким документам относятся донесение командира 19-го пехотного Костромского полка К.В. Никольского о боях на Бескидских высотах в начале марта 1915 г., рапорт штаб-офицера

для особых поручений при командующем 8-й армией полковника С.В. Шереметева о расследовании обстоятельств боя 22 февраля 1915 г. на высоте 710 и гибели ее защитников, наградные документы с описанием подвига телефониста А.Д. Макухи, которому австрийцы отрезали язык за отказ сообщить сведения о русских войсках. В целом же, ввиду большого объема материалов, документация корпусного, дивизионного, бригадного и полкового уровней в сборник не вошла.

К сожалению, концепция сборника не предусматривала включение в него документов личного происхождения. Между тем, такие материалы могли бы обогатить издание. Речь идет, в частности, о фрагментах хранящихся в РГВИА обширных дневников начальника 4-й Финляндской стрелковой бригады (позднее – дивизии) генерала В.И. Селивачева – активного участника операции. Картина операции могла быть дополнена и документами о боевом обеспечении

армий Юго-Западного фронта, испытывавших тяжелейший снарядный и патронный кризис, что, наряду с другими причинами, привело к невозможности развить операцию.

Публикацию документов отличает высокий уровень археографической подготовки. Чуть менее половины тома составляют различные вспомогательные материалы. Помимо развернутых комментариев к документам сборник включает биографический комментарий, именной и географический указатели, терминологический словарь. В качестве приложений в сборник вошли боевые расписания русской и австро-венгерской армий, а также статьи современных зарубежных исследователей темы.

Издание снабжено картами и схемами боевых действий, а также хорошо иллюстрировано, в том числе фотоматериалами из Национального архива Венгрии.

© 2017 г. А.В. Ганин

Славяноведение, № 1

Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия. М., 2015. 302 с.

Сборник «Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия», выпущенный под редакцией доктора исторических наук Л.Е. Горизонтова, ставит амбициозную задачу сравнить исторический опыт двух соседних государств, история которых противоречивым образом связана на протяжении многих столетий и переживших во многом сходные процессы демонтажа социалистической системы и глубоких политических, экономических и культурных трансформаций в последние два десятилетия XX в.

Сейчас в середине второго десятилетия XXI в. вполне уместно подвести определенные итоги этого процесса, обратить внимание на общие закономерности, а также отразить причины, по которым схожие процессы привели, если смотреть на современное состояние польского и российского государства, к заметно различающимся результатам.

Как поясняет в предисловии редактор сборника Л.Е. Горизонтов книга стала своеобразным продолжением российско-польской конференции «На пути к демократии – Россия и Польша в конце XX столетия», состоявшейся в сентябре 2013 г. в Москве (с. 6). Это, в том числе, определило достаточно разнообразный характер работ, представленных под одной обложкой.

Задача сравнения сложных общественных процессов, происходивших в польском и советском – а позже в российском – обществах на рубеже XX и XXI вв. делается на основе описания и исследования важных сюжетов, так или иначе повлиявших на эти общества. При этом предлагается взглянуть как на политические, так и на культурные процессы (вопросы экономики в сборнике отдельно не затрагиваются). Участие в сборнике приняли как российские, так и польские исследователи, что также способствует выработке

комплексного взгляда на рассматриваемые вопросы.

Было бы правильным заметить, что за основу берется именно польская политическая и культурная жизнь. Прямые сравнения между сходными и параллельными процессами в России и Польше используются только в нескольких случаях. Помещенная в сборнике статья И.Е. Адельгейм: «“На свободе”: молодая проза Польши и России в постсоциалистическом мире» посвящена анализу основных тенденций в русской и польской литературе, вызванных сменой культурных парадигм после снятия идеологического пресса и изменения роли и функции литературы в обществе. Автор глубоко анализирует причины, побуждавшие молодых польских писателей 1980-х годов искать «третью сторону баррикады» в противостоянии сторонников и противников режима, отказываясь от традиционной роли литературы как хранительницы «культурного кода» польскости в условиях враждебной политической среды и отсутствия полноценного суверенитета. При этом уделяется значительное внимание сходству задач, решаемых польскими и русскими писателями-постмодернистами в новой общественно-культурной среде, похожей позиции, занимаемой ими в отношении багажа польской и русской культуры предыдущих поколений, некоторых болезненных вопросов польского и русского общества. Данная статья выявляет важные закономерности, связывающие польскую и русскую культуры, определившие некоторое сходство в ее постсоциалистической трансформации.

При этом другой пример статьи, проводящей прямое сравнение польских и российских процессов, не видится столь убедительным. Статья А.А. Попова «Пути политической децентрализации системы административно-территориального управления Польши и России» кажется гораздо менее удачным образцом применения подобного приема. Автор достаточно подробно приводит историю реформы административно-территориального деления и местного самоуправления в Польше и несколько меньше уделяет внимания российскому опыту. Он пытается найти некоторые параллели в осуществляемых преобразованиях — в частности, тенденцию к укрупнению регионов в результате проводимых реформ (с. 35).

Однако очевидные различия начальных условий территориальных реформ (в частности, федеративный характер Российского государства), несопоставимые географические реалии, а также различия политических систем России и Польши, справедливо отмечаемые автором, фактически сводят на нет продуктивность подобного сравнения. Статья, однако, может рассматриваться как полезная справка о ходе административно-территориальной реформы и реформе местного самоуправления в Польше для русскоязычных читателей — в ней достаточно подробно описаны факторы, повлиявшие на ее проведение, позиция различных политических сил накануне и во время проведения реформы, а также значимость решения о присоединении к Евросоюзу для конечного успеха реформы.

И все же главным предметом, который рассматривает сборник, является именно польский исторический опыт последних десятилетий. Важным вопросом в ряде материалов сборника оказывается воздействие советского фактора на политические процессы, происходившие в Польше в 1980-е годы, а также реакция на польские события этих лет со стороны членов советского руководства. Учитывая фактическую степень зависимости Польши от Советского Союза в социалистический период, позволяющую говорить о неполном суверенитете страны, изучение советского фактора неизбежно при оценке таких важнейших политических процессов, как общественно-политический кризис начала 1980-х годов, а также смена государственно-го строя в Польше в 1989 г. Этот вопрос, так или иначе, поднимается в нескольких работах, помещенных в сборник. В частности, он рассматривается в статье И.С. Яжборовской «От “доктрины Брежнев” к курсу на системные преобразования». Автор на основании опубликованных материалов заседаний Политбюро, свидетельств ответственных работников международного отдела ЦК КПСС и дипломатов (в частности, Георгия Шахназарова и Валерия Мусатова, начальника штаба ОВС стран Варшавского Договора генерала Анатолия Грибкова и воспоминаний близких соратников Войцеха Ярузельского (в частности, журналиста и аналитика Веслава Гурницкого, а также видного либерального деятеля ПОРП Мечислава Раковского) и ряда других важных источников, рассматривает вопрос о том, насколько

вероятным было вооруженное вмешательство Советского Союза в польский политический кризис, вызванный деятельностью «Солидарности» в 1980–1981 гг. Автор воздерживается от однозначных выводов, подчеркивая, что хотя первоначально брежневское руководство считало интервенцию выходом из кризиса и готовилось к ней (с. 160–161), постепенно, под воздействием данных о глубине кризиса все больше колебалось в этом вопросе и склонялось к невозможности этого шага (с. 165). Тем не менее советское руководство продолжало давить на Варшаву, требуя покончить с «Солидарностью». Учитывая остающуюся политизированность вопроса об обоснованности введения военного положения в Польше (незаконность этого шага в условиях отсутствия реальной советской угрозы долгие годы была в числе главных обвинений в адрес Войцеха Ярузельского со стороны многих деятелей антикоммунистической оппозиции и оказалась предметом судебных разбирательств), аккуратность с выводами в данном деликатном вопросе при достаточной репрезентативности представленных источников более чем оправданна.

Яжборовская показывает, насколько общая установка на допустимость и оправданность военной интервенции в случае угрозы основам социалистического строя в странах соцлагеря, сформулированная советским руководством после подавления Пражской весны и получившая в западной политологии название «доктрины Брежнева», оказалась далеко не универсальной и достаточно ограниченной в возможности своего применения к началу 1980-х годов. Автор показывает также, как происходил отказ от «доктрины Брежнева» после прихода к власти М. Горбачева. При этом, как можно видеть, установка на невмешательство в дела социалистических стран осознавалась партнерами Советского Союза в странах Центральной Европы далеко не одновременно, а переход к новому типу отношений ставил и новые вопросы. В польском случае речь шла, в частности, о выяснении «белых пятен» общей истории (под этим понятием объединялись сюжеты, связанные с заключением пакта Молотова – Риббентропа и его последствий для Польши, а также ряд замалчиваемых преступлений сталинизма в отношении польских граждан) – в этом вопросе, как показывает Яжборовская, Горбачев не был последователен (с. 172–173).

В целом же отказ от «доктрины Брежнева» не означал немедленной выработки новой политики в отношении стран соцлагеря вообще и Польши в частности. Можно говорить лишь об отказе от старых механизмов и постепенном принципиальном формулировании принципа невмешательства.

В статье Н.В. Елисейевой «Польская тема в реформаторском дискурсе окружения М.С. Горбачева» затрагивается важный и весьма любопытный вопрос о восприятии польского фактора ключевыми фигурами окружения Михаила Горбачева. В качестве источников привлекаются дневник помощника М. Горбачева Анатолия Черняева, воспоминания секретаря ЦК КПСС Вадима Медведева, стенограммы заседаний Политбюро периода руководства Михаила Горбачева и другие источники – большая часть из них хорошо известна. В данной статье теме подхода советского руководства к проблеме «белых пятен» советско-польской истории уделяется особое внимание, приводятся документальные и мемуарные свидетельства о спорах относительно целесообразности раскрытия «белых пятен», неготовности ряда членов советского руководства и самого Горбачева к новой трактовке истории. В статье рассматриваются также изменение заинтересованности событиями в Польше у советского руководства на протяжении Перестройки. В целом автор делает вывод о «фрагментарности» интереса к Польше со стороны реформаторского окружения Михаила Горбачева (с. 204), восприятие польской темы в более широком европейском контексте. Тем не менее в статье содержатся достаточно подробные сведения о рассмотрении тем, связанных с Польшей перестроечным руководством СССР.

А.В. Шубин в статье «Польский кризис 1980–1981 гг. и СССР» также предлагает свой взгляд на восприятие кризиса начала 1980-х годов в советском руководстве. Впрочем, в данном случае мы имеем дело со статьями, где события польской истории излагаются с опорой, главным образом, на российские и советские источники, полностью игнорируются польские. Это приводит к несколько однобокому восприятию происшедших событий, что, впрочем, не мешает автору полностью солидаризироваться с выводом американского исследователя Марка Крэмера об отсутствии угрозы

вторжения советских войск в Польшу в конце 1981 г. (с. 76).

Очень любопытный взгляд на советско-польскую проблематику конца XX в. можно встретить в статье Л.Е. Горизонтова «СССР и Польша 1980-х годов в парижском журнале “Культура”: политическая хроника Михаила Геллера».

Михаил Геллер — советский диссидент, долгое время проживавший в Польше, а позже в Париже, регулярно публиковался в руководимым Ежи Гедройцем журнале «Культура». Заметки Геллера — пример взглядов на советско-польскую проблематику со стороны диссидента. Наследие советских диссидентов, по-видимому, не влияет на современную российскую общественную мысль так, как идеи польских антикоммунистических оппозиционеров на идейный мир современной Польши. Тем не менее подходы, вырабатываемые этими мыслителями, безусловно, требуют изучения. Фигура Геллера, служащая мостом между миром русской и польской неофициальной общественной мысли представляет в этом смысле особый интерес.

В статье В.В. Волобуева рассматриваются очень важные для понимания процесса смены государственного строя в Польше обстоятельства проведения «круглого стола» в феврале — апреле 1989 г. — т.е. масштабных переговоров об экономических, политических и социальных реформах между властями Польши и представителями умеренной оппозиции. Именно обговоренные на «круглом столе» частично свободные выборы в новый польский парламент в июне 1989 г. привели к тяжелому поражению коммунистического руководства и запустили процесс смены государственного строя. Впрочем, тема «круглого стола» не имеет отношения к «чистой» истории, поскольку оценки переговоров, а также различные версии о «тайных» вопросах раздела власти, якобы обсуждавшихся на этих переговорах, элитами оппозиции и официальными властями социалистической Польши, до сих пор влияют на польскую политику и определяют мировоззренческий раздел между различными политическими силами. В частности, сторонником версии о «сговоре элит», определивших изначально пороки современной польской политической системы, является правящая партия «Право и Справедливость» и, прежде всего, ее председатель Ярослав Качиньский.

Автор статьи объясняет многие важные обстоятельства «круглого

стола» — например, мотивы каждой из сторон, принимавших решение об участии в переговорах, подчеркивает, что сами переговоры изначально не воспринимались как путь к демонтажу системы ни одним из участников и преследовали более скромные цели по привлечению части оппозиции к поддержке властей взамен на четко оговоренные политические уступки. Ряд выводов автора — в частности, о «постановочном» характере сопротивления переговорам «круглого стола» со стороны властей (с. 109—110) вызывает определенные сомнения — во всяком случае, приводимые автором мемуарные свидетельства генерала разведки В. Пожого не кажутся исчерпывающим доводом. Но в целом в статье дается хороший обзор мотивов участников переговоров, а также подробно объясняются претензии, предъявляемые к «круглому столу» его нынешними противниками. Эти обстоятельства очень важны для понимания мировоззрения элит современного польского государства, рожденного в результате компромисса между оппозицией и властями, но до сих не определившееся с этическим отношением к этому факту.

Сборник затрагивает ряд вопросов, связанных с генезисом польской оппозиции. В частности, в статье О.Н. Майоровой рассматривается идейная и организационная эволюция польской оппозиции во второй половине 1970-х годов, поиск оппозиционными кругами идейных и организационных возможностей воздействия на общество. В частности, в статье уделено внимание обстоятельствам создания Комитета защиты рабочих (КОР) — первого оппозиционного объединения, сосредоточившегося на тематике правовой и социальной помощи участникам рабочих протестов, в последующем ставшим одним из предтеч «Солидарности» и других оппозиционных проектов, разъясняются причины достаточно терпимого отношения польского руководства к оппозиционной активности во второй половине 1970-х годов, а также затрагивается вопрос о постепенном, но далеко не простом процессе сближения между оппозиционными кругами, связанными с КОР и иерархами Католической церкви.

В статье Д. Шпопера рассказывается о генезисе оппозиционного движения «Молодая Польша», основанного Александром Халлом в 1979 г., подробно рассматриваются его истоки, начиная от оппозиционной активности гданьских лицеистов А. Халла, Г. Гжеляка

и А. Рыбицкого, объясняются личные и идеологические связи основателей движения, его развитие и вклад в возникновение «Солидарности» (с. 148). Движение, занимавшее гораздо более правые позиции, чем симпатизирующий социалистическим идеям Комитет защиты рабочих — одно из идейных течений, также повлиявших на формирование идеологии «Солидарности». Изучение его эволюции и наследия дает представление о пестроте идеологического мира польской оппозиции.

Сборник уделяет внимание политическим биографиям знаковых фигур для польского политического мира периода общественно-политического кризиса и трансформации. В частности, здесь представлены материалы о первом некоммунистическом премьер-министре Польши Тадеуше Мазовецком (статья О.Ю. Михалева) и священнике-оппозиционере Ежи Попелюшко (автор Я. Валдох). Впрочем, эти материалы практически не содержат неизвестных фактов и, скорее, представляют собой биографический обзор для российского читателя, не знакомого с польской политической сценой и знаковыми общественными фигурами.

Заметно выделяется лишь политико-биографический портрет братьев Леха и Ярослава Качиньских, представленных в материале Л.С. Лыкошиной «Феномен братьев Качиньских в польской политике». Здесь со многими интересными биографическими подробностями и свидетельствами автор пытается составить психологический и политический профиль обоих братьев, объяснить, какие события повлияли на формирование их взглядов. Статья, при некоторой субъективности, будет крайне полезна для понимания многих событий польского политического мира последних лет — особенно после принятия партией «Право и Справедливость» всей полноты государственной власти в 2015 г.

Дополнительное измерение рассматриваемым в книге польско-российским сюжетам придает обращение к сюжетам, связанным с Венгрией. Другая страна социалистического лагеря, в свое время пережившая вторжение советских войск, подавивших революционные выступления 1956 г., дает представление о сходстве и различии исторического опыта центральноевропейских стран, а также

о несколько ином варианте воздействия советского фактора.

Один из примеров того, как травмирующий опыт советской интервенции влиял на советско- и российско-венгерские отношения, представлен в статье А.С. Стыкалина «Эволюция официальных советских оценок венгерского кризиса 1956 г. в условиях смены политических систем в Восточной Европе и пересмотра “доктрины Брежнев-ва”». Автор показывает, как под воздействием принятого Москвой в середине 1980-х годов отказа от «доктрины Брежнев-ва», а также процессов политических перемен в Венгрии, советское, а после российское руководство, вынуждено было менять отношение к оценке интервенции советских войск и сути народных выступлений в Венгрии в 1956 г. Венгерский пример позволяет лучше понять механизмы подхода к проблеме «белых пятен» в польской истории в период Перестройки и, между прочим, подтверждает, что многие члены советского руководства, в том числе и сам Михаил Горбачев, при общем желании пересмотреть отношения со странами Центральной Европы, тем не менее, достаточно неохотно и, скорее, вынужденно соглашались на переоценку сложных эпизодов общего прошлого.

Другим примером венгерского сюжета является эссе видного деятеля польской антикоммунистической оппозиции и бессменного редактора «Gazeta Wyborcza» Адама Михника, посвященное венгерскому публицисту и мыслителю, члену правительства Имре Надя в 1956 г. Иштвану Бибо. Впрочем, особое внимание Михника к фигуре Бибо также объясняется возможностью взглянуть со стороны на проблемы, актуальные и для польского общества. Михник подробно излагает сформулированную Бибо концепцию «истерии малых народов». Согласно Бибо, малый народ — это народ, живущий в страхе за свое существование, и время от времени приходящий к убеждению, что прогресс и излишняя свобода угрожают делу сохранения нации и от того впадающий в «истерию». Хотя И. Бибо, исходя из собственного исторического опыта, писал прежде всего о фашизме и причинах его поддержки малыми центральноевропейскими странами, сам Михник не скрывает, что описываемый Бибо феномен применим и к нынешнему авторитарно-консервативному режиму Виктора Орбана

в Венгрии. Очевидно, что признаки подобной «истерии» он угадывает и в идеологии «Права и Справедливости».

В сборнике также представлены статьи и на другие темы, в частности, статьи П. Домбровского и М. Тарковского посвящены взглядам Ч. Милоша — уникальной фигуры выдающегося польского поэта и мыслителя, весьма критично относившегося к традиционному польскому национализму, что до сих пор представляет немалый интерес для понимания польской общественной мысли конца XX в.

Эти, а также ряд других статей дают достаточно комплексное представления и вызовах и вопросах, с которыми сталкивалось польское, а также советское и российское общество на рубеже веков, а также о том, какие ответы находили на них различные общественные силы,

заметные общественные, политические и культурные фигуры. Хотя статьи, представленные в сборнике, не всегда можно признать равноценными по качеству, тем не менее для российского читателя, интересующегося польской тематикой, многие из них окажутся полезными для понимания польской общественной и политической мысли и основ тех убеждений, из которых исходят польские политики и общественные деятели — в том числе, в отношении к общему прошлому с Россией и Советским Союзом. Кроме того, ряд статей позволяет лучше разобраться в специфическом аспекте Перестройки, связанном с выработкой новых отношений Советского Союза со странами Центральной Европы.

© 2017 г. С.А. Кувалдин

Славяноведение, № 1

Perspectives on Contemporary East European Literature: Beyond National and Regional Frames / Ed. by Kenichi Abe. Sapporo, 2016. 208 p.

Перспективы современной литературы Восточной Европы: за рамками национального и регионального

Данный сборник (тридцатый по счету), англоязычный, за исключением двух текстов на польском языке, продолжает серию мультидисциплинарных социокультурных исследований Славяно-евразийского научного центра университета Хоккайдо и посвящен анализу современного состояния ряда литератур Восточной Европы. Отдельные вошедшие в него материалы были апробированы на международном симпозиуме «Образы литературы Восточной Европы: переменные и константы в прошлом и настоящем», проходившем в сентябре 2014 г. в университете Риккё (Токио), а также на других мероприятиях, организованных в рамках исследовательского проекта «Изучение образа “Востока” в литературах Восточной Европы (руководитель Кэньити Абэ).

В предисловии ответственный редактор Кэньити Абэ определяет используемый в сборнике термин «Восточная Европа» как геополитический и наднациональный, чем и аргументирует выбор трех следующих векторов исследования: отражение в восточноевропейских литературах проблем миграции,

актуализация переписывания литературной истории и особенности развития литератур микронаций. Снижение социальной и национальной роли литературы в Европе и мире, по его мнению, побуждает ученых-гуманитариев к изучению современных литератур вне рамок национального канона. Ниже, в статье «Некоторые замечания о современной литературе Восточной Европы» он подкрепляет свою позицию словами известного компаративиста Дж. Нойбауэра о том, что «в какой-то момент в будущем национальные прилагательные (чешский, румынский, польский и т.д.) будут отсылкой к географическому пространству, а не к конкретным языкам, таким образом, истории национальных литератур перестанут быть моноязычными» (р. 64).

Задача, которую ставят перед собой авторы проекта, — определить общие черты в литературах и культурах стран Восточной Европы — решается прежде всего на польском материале (семь статей из четырнадцати), еще две статьи посвящены кашубскому вопросу,

две — русско- и еврейскоязычным представителям белорусской литературы, есть исследования по цыганской поэзии и литературе болгарского меньшинства в Сербии, в одной из работ фигурирует украинский писатель Ю. Андрухович.

Сборник состоит из двух частей. В первой, названной «Голоса писателей», современная литература Восточной Европы представлена «изнутри», самими ее здравствующими представителями из Чехии и Польши. М. Айваз в статье «Литература в глобализованном мире» говорит о потенциале мировой словесности в начале третьего тысячелетия. Очерк О. Токарчук (на польском языке) «Призрак Центральной Европы в современной литературе. Существует ли центральноевропейский роман?» обращен к проблеме преемственности в польской литературе в контексте европейской культуры. Эссе Н. Гёрке «Десять месяцев и два дня» демонстрирует принцип трансграничности (снятия пространственных ограничений), постепенно проникающий и в литературу. Вышеназванные материалы Токарчук и Гёрке предваряются заметками японских литературоведов Хикару Огура и Сатоко Иноуэ, в общих чертах знакомыми с биографиями и некоторыми особенностями творческой манеры обеих польских писательниц. Вторая часть «Образы литературы Восточной Европы: переменные и константы в прошлом и настоящем» содержит девять статей ученых из Польши, Румынии, США и Японии, содержание которых охватывает довольно широкий спектр вопросов, связанных, с одной стороны, с такими знаковыми явлениями современного литературного процесса исследуемого региона, как творчество Нобелевского лауреата С. Алексиевич, с другой, — с жизнью глубокой литературной периферии, например, художественными опытами банатских болгар, около 3000 которых проживают в Сербии. Композиционно вторая часть в соответствии с заявленной в предисловии концепцией делится на три раздела: «Путешествия, миграция и литература», «Перепесывание литературной истории» и «Литературы микронаций». В первый раздел входят статьи Сатоко Иноуэ «Образы места и пространства в польских травелогах после 1989 г.: рассказ Н. Гёрке “Перед грозой”» и Хикару Огура «Миграция в польской документалистике: “Сибирский урок” и “малая родина”». Авторы на литературном

и кинематографическом материале касаются феномена транскультурности, в последнее время приобретающего все большее значение в современном мире. В первом случае речь идет о прозе, получившей определение «литература в движении» (термин О. Этте), во втором — о стилистике документального фильма польского режиссера В. Староня «Сибирский урок» (1998), удостоенного нескольких международных премий. Второй раздел включает три материала. Это статья Е. Гаповой «“Распад”. Моральная революция Светланы Алексиевич», содержащая помимо краткого обзора творчества писательницы и его характеристики, рассуждения о том, как в ее романах зафиксирована «моральная революция» (термин американского философа Кваме Аппиа), т.е. трансформация одной из фундаментальных социальных категорий — представления о достойном (соответствующем «коду чести»). В центре внимания Арико Като (статья «Перепесывая Европу: Центральная Европа Юрия Андруховича и Анджея Стасюка») книга «Моя Европа: Два эссе о так называемой Центральной Европе» (2000), в которой украинский и польский авторы размышляют о «своей» Европе, той, где каждый из них родился. Для обоих это территории польско-украинского пограничья с историческим названием Галиция, между которыми в 2004 г. с вступлением Польши в ЕС, возникнет граница, отделяющая «белые» европейские страны от всех прочих. Го Косино в материале «Кому принадлежит писатель малой нации: белорусско-еврейско-русский автор Григорий Релес» в контексте проблемы мультиязычности литературы обращается к художественному опыту Гирша Релеса (1913–2004), еврейского поэта Белоруссии, писавшего на идиш и по-русски и переведенного на белорусский язык. В статьях третьего раздела представлена проблематика литературной жизни микронаций: кашубов — обзор Г. Шрамке «Новейшая кашубская литература: ситуация сегодня, достижения и задачи обозримого будущего», цыган — работа Д. Григоре «Модели мышления в цыганской поэзии» и статья Мотоки Номати «Чья литература? Аспекты литературы банатских болгар в Сербии». К этому разделу также примыкает очерк лингвиста И. Тредера

(1942–2015) «Новейшие особенности функционирования кашубского языка» (на польском языке), увидевший свет после смерти автора. Ему предшествует краткий рассказ Мотоки Номати об истории сотрудничества этого польского ученого с японскими коллегами.

Представленный сборник в силу выборочности репрезентированных литератур Восточной Европы не создает целостной картины современной литературной ситуации в регионе, однако предлагает интересные ракурсы рассмотрения некоторых из них. Состав и профессионализация участников проекта дают возможность взглянуть на литературную жизнь Восточной

Европы и «изнутри», и «извне», вошедшие в издание статьи содержат ряд ценных материалов и наблюдений, введение которых в широкий научный обиход, безусловно, обогатит не только современное литературоведение, но и гуманитарное знание в целом.

© 2017 г. *Н.Н. Старикова*

Автор рецензии выражает глубокую признательность господину Мотоки Номати за помощь в транслитерации японских имен.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МИХАИЛ БУЛГАКОВ И СЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА»

17–19 мая 2016 г. отдел истории культуры Института славяноведения РАН провел международную научную конференцию «Михаил Булгаков и славянская культура», которая была приурочена к 125-летию со дня рождения писателя. Конференция проходила в рамках проекта «Категории и механизмы славянской культуры» и была организована при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 16-04-14028 г).

В центре внимания участников конференции оказались такие проблемы, как род Булгаковых и славянский ареал, поэтика М.А. Булгакова и славянская мифология, художественный мир М.А. Булгакова и история славян, творчество М.А. Булгакова и культура славянских народов XVII – начала XX в., рецепция произведений писателя в славянской культуре XX–XXI вв. (литература, театр, кинематограф и др.), история и основные аспекты европейского булгаковедения, проблемы перевода текстов М.А. Булгакова и др.

За три дня было заслушано 25 докладов, в конференции приняли участие сотрудники нескольких отделов Института славяноведения РАН, представители других научных центров (МГУ, РГГУ и др.), а также зарубежных научных организаций Америки, Германии, Украины, Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Словакии, Словении, Эстонии.

На первом утреннем заседании («Булгаков – проблемы поэтики») были заслушаны доклады Е.Н. Ковтун (Москва), Е.А. Иваньиной (Воронеж), А. Петрова (Белград – Питтсбург), И.З. Белобровцевой (Таллин), И. Киш (Москва) и А.А. Кораблева (Донецк). В докладе *Е.Н. Ковтун* «Михаил Булгаков и славянская фэнтези» был поставлен вопрос о принадлежности М.А. Булгакова (прежде всего как автора романа «Мастер и Маргарита») к предшественникам одной из наиболее популярных разновидностей современной фантастической литературы – так называемой славянской фэнтези. По мнению автора доклада, «булгаковской традицией» в волшебной фантастике постсоциалистических стран можно считать прежде всего философичность и масштабность проблематики лучших образцов отечественной и инославянской фэнтези 1990–2010 гг. Отдельные тексты В. Пелевина, М. и С. Дяченко, С. Лукина, С. Логинова, А. Сапковского и некоторых иных фантастов, выходящие за рамки «собственно фантастических» тем и смыслов, содержащие синтез различных типов вымысла и жанровых структур (от фэнтези до антиутопии, притчи, сатиры), демонстрируют и подлинно булгаковское умение раскрывать славянские мифологические мотивы в их неразрывном единстве с «культурным генофондом» человечества.

Е.А. Иваньшина говорила в своем докладе «Между живыми и мертвыми: о генеративных узлах, граничной семантике и обрядах перехода в творчестве М.А. Булгакова» о том, что булгаковские тексты являются по сути трансформациями одного и того же семантического «ядра». Системность мифопоэтических подтекстов булгаковского текста (под текстом здесь понимается художественное творчество как единая система) позволяет, по мнению автора, говорить об инвариантном мифопоэтическом сюжете,

который является трансформацией сюжета волшебной сказки, в основе которого лежит представление о двух мирах.

А. Петров в своем докладе «Эротическое в романе “Мастер и Маргарита”» выделил (в порядке появления) четыре сюжетные линии: общественную (советская литературная жизнь 1920–1930-х годов), демоническую (Воланд и его свита), евангельскую (Понтий Пилат и Христос) и эротическую (Мастер и Маргарита). Маргарита, по мнению автора, больше походит на Фауста Гёте, да и на более деятельного мифического Тристана, нежели на пассивную мифическую Изольду. Мастер же, наоборот, по роли и характеру ближе гетевской Маргарите.

В докладе *И.З. Белобровцевой* «Роман “Мастер и Маргарита”: точка видения как оценка» была предпринята попытка показать связь между пространственными категориями в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и системой аксиологических ценностей писателя.

По мнению *И. Киш*, автора доклада «Антро-поэтика романа “Мастер и Маргарита”: к вопросу об образной системе головных уборов», последние являются не просто «мотивами» для описания персонажей и их социального статуса, но превращаются в автономных актеров коммуникации в условиях тотальной девербализации межперсональных отношений. Разветвленная система головных уборов как *rag excellence* персональных атрибутов в контексте тотальной деперсонализации и унификации анализируется с применением концептуального и методологического инструментария генеративной антропологии.

А.А. Кораблев в докладе «“Мастер и Маргарита” как роман-путь» проанализировал две персонифицированные рецептивные установки восприятия собственного текста у М.А. Булгакова: непосредственную, предполагающую сосредоточенность на тексте и диалогический контакт с автором (поэт Бездомный), и опосредованную, предусматривающую знание контекста, а также наличие «доказательств» и определенной «точки зрения» (редактор Берлиоз).

Вечернее заседание «Булгаков и кинематограф» состояло из просмотра итало-югославского фильма А. Петровича «Мастер и Маргарита» (1972 г.) и двух докладов *Д. Маравич* (Нови Сад) и *А. Майер-Фраатц* (Иена). В первом докладе («Фильм А. Петровича “Мастер и Маргарита”») речь шла об истории создания и судьбе фильма и его режиссера; во втором («Экранизация романа “Мастер и Маргарита” польского режиссера А. Вайды и югославского режиссера А. Петровича как критические комментарии к современности начала 70-х годов XX в.») автор сосредоточилась на сопоставительном анализе двух фильмов. Диаметрально противоположные друг другу по содержанию, они, тем не менее, ставят перед собой сходные политические задачи, решение которых в родных странах режиссеров оказалось в то время проблематичным.

К этому тематическому блоку относится и доклад *И. Перушко* (Загреб) «Михаил Булгаков в интерсемиотическом и межъязыковом переводе: итало-югославская экранизация романа “Мастер и Маргарита” (1972) и хорватский сборник ранней прозы Булгакова “Как закалялся мастер” (2013)», заслушанный 19 мая, в последний день конференции. В нем была поставлена проблема (не)переводимости литературного текста как в межъязыковом переводе, так и в интерсемиотическом. И. Перушко была сделана попытка ответить на следующие вопросы: как осуществляется переход от литературного текста в область аудиовизуального? Какие новые смыслы и значения приобретает авторский текст в данном случае? Что происходит с текстом при передаче вербальных знаков средствами другого языка? Теряет ли он что-нибудь?

18 мая в рамках заседания «Булгаков и современная культура стран Восточной Европы» было заслушано шесть докладов. *Ю.П. Гусев* (ИСЛ) в докладе «Воланд в Будапеште» рассказал о рецепции произведений Булгакова в Венгрии, где «Мастер и Маргарита» остается одним из самых популярных текстов русской литературы.

М. Лойк (Любляна), анализируя постановки произведений М.А. Булгакова на словенской сцене, пришла к выводу, что в целом наиболее удачными можно

считать те из них, в которых акцентирована не собственно национальная, а универсальная проблематика, связанная с творческим и общественным дискурсами.

В своем докладе «Произведения Михаила Булгакова на сценах сараевских театров» *А. Ибрашимович* (Сараево) предложила обобщенные результаты исследования, которое посвящено рецепции русских классиков в сараевских театрах в свете боснийско-герцеговинской литературной и театральной критики, где русской классике XX в., в частности М.А. Булгакову, принадлежит особое место.

О произведениях М.А. Булгакова на чешской сцене сделала доклад *И.А. Герчикова* (Исл). В нем анализировались многочисленные постановки «Мастера и Маргариты», «Дней Турбиных», а также «Зойкиной квартиры» в «Мнестске дивадло» (Брно, 2001) и в «Виходческе дивадло» (Пардубице, 2014), «Бега» в «Коморни дивадло» (Прага, 1958, режиссер М. Махачек), «Мольера» в пражском Театре в Длоуге (режиссер С. Федотов).

В докладе *Е. Малити* (Братислава) «Михаил Булгаков в словацкой культуре: вопросы рецепции и перевода» рассматривались переводы произведений М.А. Булгакова на словацкий язык (до 1990 г.— «Мастер и Маргарита», «Театральный роман», «Александр Пушкин», «Кабала святош», «Бег»; в 1990–2000-е годы — «Собачье сердце», «Дьяволиада», «Записки юного врача»), а также постановки булгаковских произведений в словацких театрах («Дни Турбиных», «Белая гвардия», «Зойкина квартира», «Бег», «Багровый остров»).

Последний доклад в этой секции был посвящен булгаковским мотивам в македонской литературе XXI в. (на примере романа В. Урошевича «Невеста змея»). *А.Г. Шешкен* (Исл, МГУ) отметила, что мир булгаковского романа был близок македонскому писателю, в творчестве которого тесно сосуществуют фантастическая реальность и реальность фантастики. В романе-сказке «Невеста змея» (2008) используется мотив, восходящий к московским главам булгаковского романа о посещении города Воландом и его свитой, анализу которого посвящено сообщение.

Вопросам перевода и комментирования было посвящено дневное заседание второго дня работы. *Н.Н. Старикова* (Исл, МГУ) в докладе «Реалии советской Москвы в словенском переводе романа “Мастер и Маргарита” (к проблеме контекста)» отметила, что сложность художественной структуры романа, соединение в нем нескольких культурных и историко-религиозных традиций, стилистических и языковых пластов, пропущенных через сатирический, гротескный быт московской жизни 1930-х годов, ставит перед переводчиками, в том числе словенцем Я. Градишником, чей перевод стал предметом анализа докладчика, весьма трудную, почти невыполнимую задачу. Одним из необходимых условий ее осуществления является владение историческим, литературным и социокультурным контекстом произведения, в том числе понимание специфики быта и реалий советской Москвы. Об удачах и неудачах словенского перевода, вышедшего в 1971 г., говорилось в данном сообщении.

В докладе *С.А. Заболотной* (Воронеж) «“Белая гвардия” на македонском языке: комментарий и перспективы» речь шла о переводе произведения М.А. Булгакова на македонский язык известной переводчицей Мирьяной Наумовской, снабжающей текст комментариями к историко-культурным реалиям. По мнению Заболотной, это играет существенную роль при прочтении произведения и его полноценной рецепции на принимающем языке. Эта же проблема, только на материале болгарского языка, на примере нового (2012 г.) перевода романа «Мастер и Маргарита», была затронута в следующем докладе, где *Н.А. Лунькова* (Исл) анализировала переводческие комментарии Татьяны Баловой.

В центре внимания следующих двух докладчиков оказались переводы М.А. Булгакова на сербский язык. *Е.С. Вучкович* (Москва) сделала сообщение об авторской трансформации фразеологизмов как средстве создания комического эффекта в повести «Собачье сердце». В результате анализа примеров перевода измененных автором фразеологизмов Вучкович пришла к выводу, что при переводе с близкородственного языка (в данном случае с русского на сербский), наряду с преимуществами, которые дает

во многом совпадающий лексический фонд, возникают проблемы, обусловленные схожестью структур языков и наличием межъязыковых омонимов. С одной стороны, наличие в двух языках большого количества фразеологизмов, совпадающих не только по структуре, но и по значению, облегчает задачу по достижению эквивалентности перевода. С другой стороны, различия механизмов метафоризации в двух языках часто не позволяют подобрать фразеологизм, лексическое значение компонентов которого можно актуализировать в конкретном контексте.

В рамках доклада *Е.В. Шатко* (ИСл) «Специфические “советские” реалии в переводах романа “Мастер и Маргарита”» были сопоставлены два перевода романа (В. Флакера и М. Чолича) с целью выявить наиболее верную стратегию при передаче специфических примет эпохи в произведении.

В последний день конференции заседание было посвящено культурно-историческому контексту творчества М.А. Булгакова. На нем прозвучали выступления А.В. Усачевой (ИСл), А.Г. Ляпустина (Москва), Н.М. Филатовой (ИСл), Н.М. Куренной (ИСл), Е.А. Яблокова (ИСл).

В докладе *А.В. Усачевой* речь шла о месте романа «Мастер и Маргарита» в литературном пространстве современной Румынии. За последние 15 лет в стране вышло несколько десятков статей, посвященных этому произведению, а также две книги о нем: «Булгаков и секрет Коровьева. Фигуральная интерпретация “Мастера и Маргариты”» Йона Вартика (2004; переиздана в 2006) и сборник шести клужских писателей и литературоведов «Садовая 302-бис», куда вошли впечатления от любимого авторами романа и от их поездки по булгаковской Москве.

В своем докладе «Христология М.А. Булгакова в свете теории двух источников» *А.Г. Ляпустин* доказал, что многие элементы христологии (романа Мастера о Пилате и Христе) Булгакова сходны с рядом положений из труда «Иисуса Неизвестного» Д.С. Мережковского. Автор считает, что двухисточниковая теория, упоминаемая Мережковским, непосредственно повлияла и на критическое отношение Булгакова к Евангелиям, и на выбор им в качестве единственного ученика Иешуа сборщика податей (мытаря) Левия Матфея.

Доклад *Н.М. Филатовой* был посвящен короткому эпизоду из жизни писателя, связанному с общением с Игорем Владимировичем Белозерским (1915–1997), племянником и наследником второй жены писателя – Любви Евгеньевны Белозерской-Булгаковой, составившим сборник ее воспоминаний.

Н.М. Куренная рассмотрела мотив дворянской усадьбы в раннем творчестве М.А. Булгакова. Духовно крепко связанный с предыдущей эпохой, писатель в рассказе «Ханский огонь» (1923) и в повести «Роковые яйца» (1924) создал своеобразную эпитафию дворянской усадьбе.

Заключительный доклад *Е.А. Яблокова* был посвящен кукольным персонажам в произведениях М.А. Булгакова. Докладчик предложил выделить несколько основных разновидностей кукольности у писателя, проявляющихся в куклоидности (присутствии в живом черт неживого), андроидности (наличии в неживом признаков живого), наличии образов живых существ, частично ставших механическими, и наличии топика кукольного театра. При этом было отмечено, что в мире Булгакова кукольность не является постоянным признаком персонажа, но может нарастать или ослабевать; соответственно, ослабевает либо нарастает противоположное качество – «человечность».

© 2017 г. *П.В. Королькова*

ПАМЯТИ ИННЫ ИВАНОВНЫ ЛЕЩИЛОВСКОЙ (1929–2016)

Ушла из жизни видный историк-югославист Инна Ивановна Лещиловская. Окончив в 1951 г. исторический факультет МГУ, И.И. Лещиловская в аспирантуре МГУ сосредоточилась на изучении социально-экономического развития Хорватии и Славонии конца XVIII – первой половины XIX в. Ее кандидатская диссертация, выполненная под руководством В.Г. Карасева, была защищена в 1956 г. В тот же год она пришла в Институт славяноведения АН СССР (позже Институт славяноведения и балканистики АН СССР, ныне Институт славяноведения РАН), с которым была связана вся ее научная карьера и где она прошла путь от младшего до ведущего научного сотрудника.

В Институте славяноведения молодая сотрудница сразу вошла в авторский коллектив, приступивший к написанию двухтомной «Истории Югославии», работа над которой была санкционирована высокими партийно-идеологическими инстанциями на волне примирения СССР с титовской Югославией. Хотя в последующие годы в отношениях двух стран наблюдались приливы и отливы, это не помешало подготовке в стенах Института славяноведения добротного, этапного в истории отечественной югославистики издания, вышедшего в 1963 г.

В 1960–1970-е годы в центре внимания И.И. Лещиловской находились проблемы хорватского национального движения в конце XVIII – первой половине XIX в., в том числе в контексте венгерской и австрийской революций 1848–1849 гг. За монографией «Иллиризм. К истории хорватского национального возрождения» (М., 1968) последовала другая – «Общественно-политическая борьба в Хорватии, 1848–1849 гг.» (М., 1977). Докторская диссертация была защищена И.И. Лещиловской в 1973 г. по теме «Проблемы национального движения и классовой борьбы в хорватских землях в период революции 1848–1849 гг.»

С середины 1970-х годов в многочисленных статьях в ведущих российских исторических журналах, а также в коллективных трудах Института славяноведения и балканистики И.И. Лещиловская обращается к изучению общих закономерностей и специфических особенностей формирования идеологий и политических структур национальных движений в югославянских землях как в монархии Габсбургов, так и за ее пределами. Ряд ее статей был посвящен концепциям славянской общности в XIX в. и их геополитическим проекциям, конкретным планам объединения южных славян Австрийской империи в 1848 г., а также общим проблемам формирования наций в регионе, в том числе социальным истокам этого процесса и его периодизации. И.И. Лещиловская входила в авторский коллектив фундаментального двухтомного труда «Освободительные движения народов Австрийской империи» под редакцией В.И. Фрейдзона (М., 1980–1981), ставшего на долгие годы визитной карточкой отечественной исторической науки в деле изучения проблем средневропейской истории в Новое время.

Наряду с идеологией и политическими аспектами национальных движений И.И. Лещиловская начиная с 1970-х годов проявляла все больший интерес к культуре югославянских народов в эпоху их национального возрождения и – шире – к национальным культурам южных славян (особенно сербов и хорватов) в XVIII–XIX вв.

В течение ряда лет она работала в отделе Института славяноведения и балканистики, занимающемся именно историей культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы, и входила в авторский коллектив многочисленных трудов («Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977; «Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения». М., 1988; и др.). В 1994 г. была опубликована монография И.И. Лещиловской «Сербская культура XVIII века», в 1996 г. под ее редакцией вышел двухтомный коллективный труд «Славянские матицы, XIX век» – первое в отечественной историографии сравнительно-историческое исследование институций, ставших базой формирования национальных культурных инфраструктур у южнославянских и западнославянских народов. И.И. Лещиловская была в числе авторов учебного пособия «История культур славянских народов». Историко-культурной проблематике, точнее влиянию культурных факторов на весь широкий комплекс проблем формирования одной из славянских наций, посвящена и последняя монография И.И. Лещиловской, итог ее многолетних штудий – «Хорватия в XVII – XIX веках: культурные аспекты исторического развития», опубликованная в 2013 г.

В 1990-е годы на первый план в научных интересах И.И. Лещиловской выходят проблемы политических отношений и культурных контактов России с зарубежными славянскими (в первую очередь южнославянскими), а также балканскими народами в XVIII в. Под ее редакцией вышли коллективные труды «XVIII век: славянские и балканские народы и Россия» (М., 1998), «Век Екатерины II: Россия и Балканы» (М., 1999), за которыми последовала этапная в изучении международных отношений в XVIII в. коллективная монография «Век Екатерины II: Дела балканские» (М., 2000. Отв. редактор В.Н. Виноградов). В 1999–2001 гг. выходят ключевые статьи И.И. Лещиловской о балканской политике Петра I и Екатерины II в «Вопросах истории». В 2003 г. в издательстве «Наука» под редакцией И.И. Лещиловской была опубликована новая коллективная монография – «Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.». Следует отметить также авторское участие И.И. Лещиловской в большом проекте Института славяноведения «История Балкан» под руководством В.Н. Виноградова, в коллективных трудах «200 лет новой сербской государственности» (М., 2005) и др. Итогом изучения И.И. Лещиловской русско-сербских политических и культурных связей на определенном этапе их развития стала ее монография «Сербский народ и Россия в XVIII в.» (М., 2006).

Глубокое знание И.И. Лещиловской истории межэтнических отношений на Балканах, и прежде всего сербско-хорватских противоречий, делало востребованным ее выступления по проблемам, по сей день сохраняющим свою политическую остроту. Так, в 1994 г., в разгар конфликта в бывшей Югославии, «Вопросы истории» опубликовали ее статью об исторических истоках этого конфликта.

До последних лет жизни И.И. Лещиловская была полна творческих замыслов, успев реализовать главные из них. В 2011 г. под ее редакцией вышел сборник «Исторические портреты. Народы Юго-Восточной Европы: конец XVIII – середина XIX в.». Собранные в нем прекрасно написанные очерки ведущих российских историков-балканистов представляют интерес не только для узких специалистов, но для всех интересующихся историей Балкан.

Память об Инне Ивановне Лещиловской, большом профессионале и принципиальном человеке, будет храниться людьми, ее знавшими.

Коллеги

CONTENTS

ARTICLES

<i>Nikiforov K.V.</i> (Moscow). Seventy years of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences	3
<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). Polemics between the Soviet ambassador and a Romanian functionary (March 1980) on the interpretation of the bilateral relations' past	12
<i>Shirokova L.F.</i> (Moscow). Slovak historical novel of the 1970s and 1980s	31
<i>Starikova N.N.</i> (Moscow). Slovenian literature in the context of the 1990s	41
<i>Papoušek V.</i> (České Budějovice). Metaphor and history	51

REPORTS

<i>Gorizontov L.E.</i> (Moscow). Discussion on the volume of the «Picturesque Russia» on Lithuanian and Belorussian provinces in the late nineteenth century	62
<i>Seriagin S.N.</i> (Ulyanovsk). Vasily Panov's assistance to the Balkan Slavs	73
<i>Labauri D.O.</i> (Yekaterinburg), <i>Georgiev G.</i> (Sofia). Remarks on the margins of L. Zhila's book «“The Viennese catch”: the history of negotiations between the USSR and Todor Aleksandrov's VMRO»	79
<i>Budagova L.N.</i> (Moscow). «The Wisdom of the Old Czechs» by R.O. Yakobson	89
<i>Kikilo N.I.</i> (Moscow). Discursive function of the <i>da</i> -construction in the Macedonian language ..	95

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Lesnikova A.V.</i> И.И. Думиника. Българските преселници в Бесарабия в края на XVIII – първата половина на XIX век в историографията	103
<i>Petrulina O.E.</i> Ю. Константинова. Българи и гърци в борба за османското наследство	106
<i>Kosik V.I.</i> Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898)	107
<i>Belov M.V.</i> Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.	109
<i>Ganin A.V.</i> Из истории Карпатской операции 1915 года	112
<i>Kuvaldin S.A.</i> Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия	113
<i>Starikova N.N.</i> Perspectives on Contemporary East European Literature: Beyond National and Regional Frames	118

SCHOLARLY LIFE

<i>Korolkova P.V.</i> International scholarly conference «Mikhail Bulgakov and Slavic culture»	121
--	-----

OBITUARY

In memoriam of Inna Ivanovna Leshchilovskaya (1929–2016)	125
--	-----

Сдано в набор 28.09.2016 Подписано в печать 30.11.2016 Дата выхода в свет 23.01.2017
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отг. 2,1 тыс. Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0 Тираж 202 экз. Зак. 962 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен ФГУП «Издательство «Наука» РАН
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»),
121099, Москва, Шубинский пер., 6